Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1888 года.
Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Пров. 50

1887

11.

БИБЛІОТЕКА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖЕНСКАГО ОБЩЕСТВА
24598

Стр.

1. Филаретъ архіепископъ Черниговскій. (Окончаніе). **И. С. Листовскаго.** Съ портретомъ..... 313
2. Записки **Николая Николаевича Муравьева-Карскаго.** 1820 годъ. (Возвращеніе въ Тифлисъ изъ Хивинской поѣздки.—Отношенія къ Ермолову.—Графы Каподистрія и Нессельроде. — Представленіе императору Александру Павловичу.—Жизнь въ родной семьѣ)..... 393
3. Очерки стародавняго мѣстнаго быта. (Воронежскій помѣщикъ въ началѣ XVIII вѣка). **Л. Б. Вейнберга.**..... 417
4. Татьяна Михайловна Троепольская. Актриса прошлаго вѣка. Біографическій очеркъ. **А. Н. Сиротинина.**..... 424
5. Еще о Лермонтовѣ, по поводу писемъ г-жи Гоммеръ-де-Гелль. Воспоминаніе **Эмиліи Шанъ-Гирей.**..... 438
6. Письмо **Д. В. Каншина** къ В. А. Кокореву по поводу „Экономическихъ Проваловъ“..... 439
7. Отвѣтъ **В. А. Кокорева** Д. В. Каншину..... 443
8. Какъ поняли въ Балтійскихъ губерніяхъ указъ объ отмѣнѣ пытокъ 1801 года. **Е. В. Чешихина.**..... 449
9. Изъ Записной книжки (Volteriana).—Поправки о Понятовскихъ. — О Захаржевскихъ)..... 453

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ОТПЕЧАТАНО ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНІЕ

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING

(née Stourdza)

demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Élisabeth Alexeevna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 6 франковъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ПАВЛОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„МЕЖДУ ДВУХЪ ПОКОЛѢНІЙ“.

ВОТЪ СОДЕРЖАНІЕ ЭТОГО СБОРНИКА.

I. КРИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

I. *Русскій Архивъ* изданъ при Чертковской библіотекѣ П. Бартеневымъ. Три первые года.-*Пчела, сборникъ для народнаго чтенія*, составилъ и издалъ Н. Щербина. Спб. 1865 г.—*Исторія Россіи въ картинахъ*. Текстъ и картины составлены Золотовымъ.—*Сынъ*. Разсказъ изъ временъ XVII вѣка. Н. Костомарова. Спб. 1865 г.—*Воевода* (*Сонъ на Волгѣ*). Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ А. Н. Островскаго.—Пьеса Воевода на Московской сценѣ (*1865* г.)-*Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій*. Драма г. Островскаго.—*Сватъ Ѳадѣичъ*, пьеса г. Чаева.—*Князъ Александръ Михайловичъ Тверской*, драма г. Чаева.—*Стихотворенія Н. Некрасова*, ч. III. Спб. 1864 г.—*Сочиненія С. Т. Аксакова*. Дѣтскіе годы Багрова-внука, изд. второе.—*Рой Ѳеодосій Саввичъ на спокоѣ*. Г-жи Кохановской.

II. **Текучая беллетристика**: „Отцы и дѣти“. И. С. Тургенева.—„Марево“ г. Ключникова.—„Взбаламученное море“ г. Писемскаго (*1864* г.)

III. **Журнальныя замѣтки**: „Библіотека для чтенія“ и „Эпоха“.—„Современникъ“ и „Русское Слово“. Ихъ *общая идея*. *Нерѣшенный* для г. Писарева *вопросъ*.—„Земскія силы“ г. Боборыкина и „Лгуны“ г. Писемскаго.—Споръ „Современника“ съ „Русскимъ Словомъ“ о нигилизмѣ и о Неграхъ. Катастрофа по этому случаю въ станѣ „реалистовъ“.—Еще новый споръ между „учениками Добролюбова“ *объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности*. Г. Варѳоломей Зайцевъ объ искусствѣ.—Замѣтка объ аскетахъ для г. Антоновича.—Его *Итоги*.—Отбой. (*1865* г.)

IV. **Статьи разнаго содержанія**:. „Полный критико-библіографическій указатель“ г. Васильева.—Перлы Русской журналистики.—Упадокъ публицистики, замѣтка *1879* г.—Исторія съ „Исторіей для народа“.—Одна изъ нашихъ газетъ.—Замѣтка для юриста Русскихъ Вѣдомостей.—Къ „Слову о полку Игоревѣ“ по поводу изслѣдованій М. А. Андріевскаго.

(См. далѣе на 3-й стр. обложки).

Русскій Архивъ 1887, XI.

Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Надобно, тысячу разъ надобно, архипастырямъ
нынѣшняго времени быть между собою
въ частомъ и близкомъ общеніи любви.

Смиренный Филаретъ Архіепископъ.

ФИЛАРЕТЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ *).

Въ Апрѣлѣ 1859 года, въ бытность Филарета въ Петербургѣ, состоялось назначеніе его въ Черниговъ. Было-ли въ связи съ этимъ перемѣщеніемъ Харьковское дѣло, вслѣдствіе котораго считали неудобнымъ оставаться ему въ Харьковѣ, или онъ самъ уже тяготился послѣ этой исторіи пребываніемъ тамъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мы готовы видѣть въ этомъ назначеніи милосердіе Божіе къ Черниговской паствѣ, гдѣ предмѣстникъ Филарета, архіепископъ Павелъ, по своей дряхлости и слабости, много лѣтъ почти не управлялъ епархіею.

Одновременно съ полученіемъ указа о переводѣ преосвященнаго Филарета въ Черниговъ, въ Харьковѣ разнесся слухъ, что онъ по пути изъ Москвы въ Черниговъ заѣдетъ въ Харьковъ. Дѣйствительно, въ концѣ Іюня 1859 года, когда назначенный туда изъ Тамбова преосвященный Макарій былъ уже въ Харьковѣ, пріѣхалъ и Филаретъ. Цѣлію пріѣзда его было разъяснить своему преемнику нѣкоторыя экономическія дѣла архіерейскаго дома и уложить свою сокровищницу—библіотеку.

По полученіи въ консисторіи отъ вновь назначеннаго эконома архіерейскаго дома донесенія о пріемѣ всѣхъ суммъ по книгамъ, а всего имущества по описямъ, и по выдачѣ отъ консисторіи квитанціи, преосвященный Филаретъ выѣхалъ въ первыхъ числахъ Іюля изъ Харькова, направивъ путь свой на Куряжскій монастырь. Прощаясь съ членами консисторіи и цѣлуя каждаго, онъ каждому говорилъ: Христосъ съ тобою! «Это было любимое его выраженіе», замѣчаетъ о. Іоаннъ Шароцкій, «которое весьма часто выходило изъ

*) См. выше, стр. 209.

его устъ и указывало на доброе расположеніе его души. Онъ, можно сказать, дышалъ именемъ Христовымъ».

Въ Куряжскомъ монастырѣ онъ въ послѣдній разъ повидался съ преосвященнымъ Иннокентіемъ Александровымъ, который былъ нѣкогда епископомъ Харьковскимъ, потомъ Иркутскимъ, Екатеринославскимъ и здѣсь оканчивалъ дни свои на покоѣ.

Изъ Куряжскаго монастыря архіепископъ Филаретъ отправился въ сѣдой Черниговъ, чтобы пополнить собою въ его лѣтописяхъ рядъ великихъ его святителей.

Духовенство Черниговское до Филарета не отличалось своимъ развитіемъ. Сутяжничество, легкое отношеніе къ своимъ обязанностямъ и слабая забота быть примѣромъ для окружающихъ чуть ли не составляли общую черту. По крайней мѣрѣ, если встрѣчались исключенія, то не особенно часто. Нравственный надзоръ за будущими пастырями былъ слабъ. Тѣсное и грозившее разрушеніемъ зданіе ученическаго общежитія семинаріи было очищено, и ученики выведены на частныя квартиры, что̀ много затрудняло инспекцію. Можно сказать, семинаристы жили внѣ надзора. На строгій приговоръ ректора слабый архипастырь ему замѣчалъ: «Ну, что̀ путнаго будетъ? Ты будешь исключать, а я ихъ буду въ попы ставить.»

Понимая важность религіозно-нравственнаго воспитанія вообще, а тѣмъ болѣе въ духовныхъ семинаріяхъ, преосвященный Филаретъ не могъ оставить существовавшій порядокъ. Онъ немедленно обратился къ духовенству съ предложеніемъ удѣлить въ пользу семинаріи изъ церковныхъ суммъ, остающихся въ избыткѣ и сдѣлалъ одновременно воззваніе и къ частной благотворительности. Въ Августѣ 1862 года составилась сумма 12.742 рубля, что̀ дало возможность Филарету войти съ представленіемъ въ Св. Синодъ о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ семинаріи. Св. Синодъ почему-то болѣе года продержалъ это представленіе, и только въ Октябрѣ слѣдующаго 1863 года получилось разрѣшеніе. Но не прошла у Филарета зима даромъ для дѣла. Нетерпѣніе его равнялось гибельному положенію семинаріи. Заготовивъ зимою строительные матеріалы, онъ, едва стаялъ снѣгъ, еще въ Мартѣ, положилъ основаніе зданію. Строительная сумма къ этому времени болѣе чѣмъ удвоилась, а къ Январю 1866 года выросла до 56.447 руб. Такъ съ малыми, иногда ничтожными, средствами Филаретъ начиналъ, не задумываясь, большія сооруженія. На эту сумму къ Январю онъ не только окончилъ постройку новаго большаго корпуса семинаріи, переложилъ два прежніе, устроилъ церковь, но еще сберегъ остатокъ въ матеріалахъ и деньгахъ до семи тыс. рублей.

Чтобы поднять семинарію и привлечь свѣжія преподавательскія силы, Филаретъ озаботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія наставниковъ. Въ 1864 году онъ устроилъ нѣсколько квартиръ для нихъ въ одномъ изъ семинарскихъ корпусовъ. Въ Мартѣ 1866 года онъ вошелъ съ представленіемъ въ Св. Синодъ объ отнесеніи $4^1/_2\%$ изъ церковныхъ суммъ на увеличеніе содержанія наставниковъ съ предоставленіемъ права духовенству и еще увеличить процентъ отчисленія, если найдетъ возможнымъ, для уравненія окладовъ по Черниговской семинаріи съ другими. Въ Апрѣлѣ уже получено было разрѣшеніе, и такимъ образомъ мѣра эта введена была еще при жизни Филарета. Подавая всегда первый примѣръ въ дѣлахъ благотворенія, онъ внесъ изъ собственныхъ средствъ на постройку семинаріи и устройство квартиръ для наставниковъ 1.500 рубл. и пожертвовалъ изданіе свое «Письма преосвященнаго Лазаря Барановича». На увеличеніе же содержанія наставникамъ онъ отчислилъ изъ неокладныхъ суммъ Черниговской каѳедры по 960 р. въ годъ. Пожертвованія его расположили къ посильнымъ жертвамъ и духовенство.

Съ цѣлію развитія воспитанниковъ онъ въ 1862 году открылъ при семинаріи ученическую библіотеку, подарилъ въ нее всѣ свои сочиненія; а по смерти его семинарія получила завѣщанную ей всю его цѣнную библіотеку, состоявшую изъ 1.752 названій.

Зная, насколько необходимо для правильной постановки дѣла воспитанія въ духовныхъ училищахъ (гдѣ воспитываются мальчики въ отроческомъ возрастѣ) близкое отношеніе къ нимъ родителей и возможность ихъ надзора надъ дѣтьми, съ другой стороны соболѣзнуя духовенству сѣверныхъ уѣздовъ (Стародубскаго, Новозыбковскаго, Суражскаго и Мглинскаго) въ неудобствахъ обученія дѣтей въ отдаленномъ отъ нихъ Новгородъ-Сѣверскомъ училищѣ, онъ предположилъ открыть училище въ Стародубѣ. По его почину во второй половинѣ 1861 года былъ собранъ капиталъ. Немедленно купленъ возлѣ ц. Вознесенія въ г. Стародубѣ домъ за 4 тыс. р., и 1 Октября того же года училище открыто, т.-е. менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца было все устроено. Къ этому дѣлу, столь энергически веденному, съ большимъ сочувствіемъ отнеслись всѣ сословія, а духовенство установило сборъ для оплаты расходовъ по страхованію.

Мы видѣли, какъ заботами Филарета возникло училище для дѣвицъ духовнаго званія въ Харьковѣ. Мысль объ учрежденіи такого же училища не покидала его и въ Черниговѣ. Пожертвовавъ самъ тысячу рублей, онъ сдѣлалъ воззваніе къ духовенству. Пожертвованія принимались даже зерновымъ хлѣбомъ, мукою, холстомъ, бѣльемъ и другими предметами. Хлѣбъ зерновой и мука продавались причтами

совмѣстно съ церковными старостами въ торговыхъ пунктахъ; а холстъ, бѣлье и другіе предметы натурою доставлялись попечительству. Синодъ медлилъ и здѣсь разрѣшеніемъ. Къ этой мысли преосвященнаго особенно сочувственно отнеслась покойная супруга губернатора княгиня Голицына *). Въ бытность свою въ Петербургѣ, какъ видно изъ письма Филарета къ митрополиту Петербургскому, она обращалась лично съ ходатайствомъ къ оберъ-прокурору. Опасеніе было у князя Урусова, какъ объясняла княгиня Голицына, чтобы не потребовали на училище денегъ. «Напрасныя опасенія», писалъ Филаретъ митрополиту: «содержаніе училища обезпечено капиталомъ своимъ до 14 тыс. р. и собственнымъ своимъ домомъ», за который Филаретъ заплатилъ 9 т. р. Это былъ домъ бывшій Дворянскаго Собранія. Но, не смотря на это разъясненіе и повтореніе своего ходатайства, Филаретъ только въ Апрѣлѣ 1865 года получилъ разрѣшеніе; а 30 Января слѣдующаго 1867 года училище уже было открыто, съ церковью во имя трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Радость духовенства была безпредѣльна. Какъ бы сговорившись, все духовенство выразило попечительному владыкѣ сыновнюю благодарность и ознаменовало свою признательность пожертвованіями. Глуховскаго же уѣзда духовенство учредило стипендію имени Филарета и даже съ передачею его фамиліи, Гумилевской, каждой его стипендіаткѣ-воспитанницѣ. Такимъ образомъ это оригинальное постановленіе увѣковѣчило даже и фамилію заботливаго святителя въ учрежденномъ имъ училищѣ. Съ сочувствіемъ отнеслось къ этому дѣлу и все населеніе губерніи, выразивъ его въ той же формѣ пожертвованій. Когда Филаретъ скончался, по предложенію Остерскаго духовенства, все духовенство губерніи немедленно собрало сумму, на которую, въ признательную память о своемъ архипастырѣ, соорудило для училищной церкви икону Филарета Милостиваго, установивъ вѣчное поминовеніе и заупокойное служеніе въ день кончины Филарета 9 Августа и въ день его имянинъ 1 Декабря.

Всѣ учрежденія, скромное основаніе которымъ положено заботливостію архіепископа Филарета, не только окрѣпли, но получили широкое развитіе какъ по постановкѣ дѣла, такъ и по объему.

Сопоставляя успѣшное развитіе учрежденій, въ основаніи которыхъ положены трудовая лепта и забота преосвященнаго Филарета,

---

*) Княгиня Любовь Петровна Голицына, урожденная графиня Апраксина, по своимъ добродѣтельнымъ качествамъ и благочестію пользовалась вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ Филарета.

съ печальною участью многихъ благотворительныхъ учрежденій, возникшихъ по общественному почину, невольно приходится доискиваться причины въ чистотѣ и святости побужденій и въ истинномъ и беззавѣтномъ желаніи блага.

По прибытіи въ Черниговъ, объѣзжая въ томъ же 1859 году епархію, Филаретъ встрѣтился съ полною неграмотностію крестьянъ, которые не были даже знакомы съ самыми простыми молитвами. Во всей епархіи оказалось двадцать школъ большею частью вѣдомства государственныхъ имуществъ. Не задаваясь сразу широкою программою, Филаретъ предписалъ, чтобы священники открывали школы для дѣтей обоего пола, обучали необходимѣйшимъ молитвамъ, чтенію церковной и гражданской печати, главнѣйшимъ сказаніямъ изъ Священной Исторіи, а желающихъ и письму. Помѣщать школы, за неимѣніемъ помѣщеній, предложилъ священникамъ въ ихъ домахъ. Затѣмъ онъ обратился съ ходатайствомъ въ Палату Государственныхъ Имуществъ объ отводѣ для училищъ по одной комнатѣ въ свободныхъ домахъ упраздненныхъ волостныхъ правленій, что̀ и было уважено. Къ концу 1860 года было уже 769 церковно-приходскихъ школъ и въ нихъ учащихся 5.777 мальчиковъ и 1.292 дѣвочки. Интересуясь дальнѣйшимъ ходомъ этого дѣла и опасаясь, чтобы рвеніе къ нему не остыло, онъ вмѣнилъ въ обязанность священникамъ ежемѣсячно представлять въ консисторію свѣдѣнія о приходскихъ школахъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ велѣно было между прочимъ излагать о числѣ наставниковъ, о числѣ учащихся казаковъ и казенныхъ крестьянъ, о разныхъ случаяхъ въ жизни школъ, обращающихъ на себя вниманіе. Замѣчая изъ сравнительныхъ вѣдомостей благочинныхъ малое приращеніе учащихся, какъ напр. въ 1862 году по сравненіи съ 1861, Филаретъ немедленно требовалъ объясненія о причинахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же предписывалъ доносить ему о встрѣчаемыхъ препятствіяхъ къ открытію школъ съ мнѣніемъ, какъ устранить ихъ. Все это давало чувствовать духовенству, что архіерей на дѣло смотритъ серіозно, съ полнымъ вниманіемъ, которое не ослабѣвало съ годами. По освобожденіи крестьянъ благое дѣло Филарета должно было принять болѣе широкіе размѣры, и въ первомъ же году число учащихся почти удвоилось. Школы открывались и при единовѣрческихъ церквахъ, куда ходило до шестидесяти дѣтей раскольничьихъ. Обозрѣвая въ этомъ году епархію, Филаретъ многія школы нашелъ въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Трудящимся на пользу народнаго образованія онъ объявлялъ благодарность, преподавалъ благословеніе, многимъ молодымъ священникамъ жаловалъ набедреники, усердныхъ и одобрительнаго поведенія причетниковъ посвящалъ въ діаконы. Словомъ, всѣми отъ него зависѣвшими

средствами онъ побуждалъ духовенство энергично заниматься образованіемъ народа. Пріуроченное къ такому благому и живому дѣлу духовенство само возвышалось нравственно, наполняя дѣятельностію свободные для него часы. Въ 1862 году было уже 843 школы, 923 наставниковъ и наставницъ, 15.116 учащихся мальчиковъ и 2.360 дѣвочекъ. Предпринимая въ послѣдній разъ объѣздъ епархіи, Филаретъ предписалъ благочиннымъ, чтобы они, по прибытіи его, представляли вѣдомости о состояніи приходскихъ школъ, списки учениковъ съ означеніемъ имени и фамиліи каждаго, съ отмѣтками ихъ успѣховъ, со свѣдѣніями гдѣ помѣщаются училища, кто наставники. Ученики же должны были собираться при его посѣщеніи въ храмахъ.

Чтобы еще прочнѣе поставить эти школы и ближе придвинуть ихъ къ населенію, Филаретъ предложилъ, образовавъ братства, передать въ ихъ вѣдѣніе заботу о школахъ. «Пусть встрепенется святая христіанская любовь въ добрыхъ сердцахъ Русскихъ! Духъ любви умнѣе всякихъ хитропридуманныхъ организацій соединитъ лучшихъ членовъ сельскихъ общинъ въ тѣсные круги на пользу школъ и на другія дѣла благотворенія. Для всѣхъ покойно будетъ, когда школы будутъ на попеченіи братствъ». Съ такими словами обратился Филаретъ къ своей паствѣ.

Прочитавъ въ одномъ журналѣ въ 1862 году, что механизмъ чтенія будто бы схватывается дѣтьми легче по гражданской печати, чѣмъ по церковной, Филаретъ не принялъ этого «опытнаго заявленія», а велѣлъ въ одной школѣ ввести въ видѣ опыта. Опытъ привелъ къ противуположнымъ выводамъ: дѣти Малороссіянъ, оказалось, легче усвоиваютъ чтеніе церковной печати, такъ какъ Малороссійскій языкъ болѣе сближается съ церковнымъ. А потому въ Сентябрѣ того же года Филаретъ предписалъ начинать обученіе грамотѣ съ церковной печати, замѣтивъ притомъ, что для нравственнаго образованія простолюдиновъ полезнѣе первоначальное изученіе грамотности церковной. Наконецъ пробудилось и населеніе. Въ 1863 году 88 приходовъ изъявили готовность выстроить школы и содержать ихъ. Къ тому же году было выстроено на церковную кошельковую сумму 568 домовъ для школъ. Филаретъ хлопоталъ и въ Управленіи Государственными Имуществами, и въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, чтобы помѣщеніе и отопленіе школъ и содержаніе сторожей были возложены на приходы.

Когда въ Черниговѣ было открыто присутствіе по дѣламъ духовенства, онъ вошелъ съ мнѣніемъ, чтобы священники за труды въ школахъ получали вознагражденіе отъ обществъ по приговорамъ послѣднихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Филаретъ имѣлъ въ данномъ случаѣ не

одно желаніе матеріальной пользы для духовенства, не одно поощреніе его къ труду, но и другія, болѣе важныя соображенія. Скудное средствами сельское духовенство по необходимости принуждено брать вознагражденіе за исполненіе такихъ духовныхъ требъ, которыя, по духу церкви, должны преподаваться безмездно. Открывая источникъ дохода, который ставится въ зависимость отъ личнаго труда, Филаретъ могъ смѣлѣе дѣйствовать противъ исконнаго порядка, существующаго во вредъ церкви. У насъ же принято возставать противъ подобныхъ поборовъ, не указывая источниковъ для жизни духовенству. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ существовать на 140 рубл. годоваго жалованья сельскому священнику, а иному причетнику на 35 рубл. съ семьями. Мы смѣло указываемъ на такую мысль Филарета по знакомству, какъ съ направленіемъ его дѣятельности, такъ и съ его воззрѣніями. Въ это дѣло, кромѣ заботъ и трудовъ, вносилъ Филаретъ и свою лепту, какъ и во всякое начатое имъ дѣло: онъ разновременно пожертвовалъ на буквари 75 рубл. и 372 экземпляра книжекъ для чтенія.

Позднѣе, съ открытіемъ земства и земскихъ школъ, Филаретъ, радуясь распространенію грамотности, не спускалъ глазъ, какъ говорится, съ народной школы и, найдя въ школьныхъ библіотекахъ книжки не назидательныя по содержанію, представлялъ ихъ оберъ-прокурору Св. Синода. Были такіе примѣры: книжка самая невинная, а на обложкѣ, на исподней ея страницѣ, мелкою печатью излагалось непозволительное ученіе.

Говоря о трудахъ Филарета по народному образованію, не безъинтересно привести его взглядъ на значеніе духовенства въ этомъ дѣлѣ, высказанный имъ С.-Петербургскому митрополиту, какъ члену Св. Синода. Въ Синодѣ шла въ ту пору работа о преобразованіяхъ въ духовенствѣ, преобразованіяхъ, которыми хотѣли, кажется, всколыхнуть и самую церковь. Мнѣніе Филарета въ числѣ другихъ, затронутыхъ имъ, вопросовъ изложено было въ особой запискѣ

Объ участіи духовенства въ приходскихъ и сельскихъ школахъ.

«1) Никакое училище приходское въ городѣ, и никакое училище въ селѣ для православнаго населенія не должно существовать безъ участія священника».

«2) Въ приходскомъ городскомъ и сельскомъ училищахъ начальникъ его—приходскій священникъ по значенію сана его. Предложенное проектомъ министерства просвѣщенія поставленіе учителя ариѳметики выше священника-законоучителя въ сельскомъ училищѣ и по

жалованью, и по праву управленія, несогласно ни съ жизнію народною, ни съ значеніемъ священника, ни съ желаемыми послѣдствіями для училища».

«3) Преподаваніе Закона Божія въ таковыхъ училищахъ принадлежитъ званію священника. Если по отдаленности училища отъ мѣста жительства священника послѣдній не въ состояніи самъ преподавать Законъ Божій, онъ поручаетъ это преподаваніе испытанному имъ лицу; но ни въ какомъ случаѣ никто не имѣетъ права преподавать Законъ Божій помимо вѣдѣнія и согласія священника».

«Предположенное проектомъ министерства просвѣщенія предоставленіе права каждому, кто захочетъ, открывать училище и учить въ немъ Закону Божію, противно даже естественному праву, тѣмъ болѣе благоустройству гражданскому. Право природы предоставляетъ родителямъ право учить дѣтей своихъ, но подъ условіемъ способности ихъ къ тому; иначе природа предоставила бы родителямъ право убивать своихъ дѣтей. Гражданскій порядокъ приведенъ былъ бы въ крайнее разстройство, еслибы наставнику бунтовъ и крамолъ дозволили быть публичнымъ учителемъ».

Мнѣніе Филарета цѣнно своей поучительной стороною для насъ. Черезъ 25 лѣтъ мы приходимъ къ высказанному имъ положенію. Мы придвигаемся къ нему, благодаря только тому, что опытъ, пережитый нами, заставляетъ присмотрѣться къ дѣлу; потому что намъ, наконецъ, напоминаютъ, что мы—Русскіе и должны учиться у самихъ себя, въ своихъ жизненныхъ опытахъ, по своимъ историческимъ урокамъ. Тоже говорилъ и Филаретъ: «самыя ошибки Русскія для насъ, какъ опытъ, цѣнны». Что̀ подсказывало Филарету въ его прозорливыхъ взглядахъ? Любовь къ родинѣ и правдѣ. Не значитъ-ли, что мы должны наиболѣе заботиться о водвореніи этого чувства на родной землѣ, какъ лучшаго средства противъ болѣзни лжи и зла, какъ залога гражданской и политической силы отечества? Эти мысли при удобныхъ случаяхъ проводилъ въ своихъ поученіяхъ Филаретъ.

Въ епархіальныхъ дѣлахъ Филаретъ держался той же системы, какъ и въ Харьковѣ. Сейчасъ же по вступленіи въ управленіе епархіею онъ сдѣлалъ представленіе Синоду о закрытіи трехъ духовныхъ правленій и въ замѣнъ ихъ объ увеличеніи штата консисторіи двумя членами. На послѣднее было получено разрѣшеніе; но, по поводу закрытія духовныхъ правленій, онъ долженъ былъ повторить свое представленіе, подкрѣпляя его, какъ мы видѣли, увѣреніемъ, что духовенство отслужитъ тогда благодарный молебенъ. «Признательный къ назначенію новыхъ двухъ членовъ консисторіи, остаюсь въ тревогѣ о томъ, что не получено разрѣшенія закрыть три духовныя правленія», пи-

салъ онъ оберъ-прокурору. Замѣчательна въ такихъ случаяхъ настойчивость Филарета.

Къ положенію сельскаго духовенства Филаретъ вообще былъ внимателенъ, и ему не нравилось привиллегированное положеніе членовъ духовныхъ правленій и консисторій, пользовавшихся матеріальнымъ избыткомъ на счетъ бѣднаго сельскаго духовенства и величавшагося передъ нимъ своимъ положеніемъ. Это было, по своему нравственному типу, нѣчто въ родѣ интендантства въ нашей арміи. Вотъ почему Филаретъ бралъ на себя массу труда по епархіальнымъ дѣламъ. Каждое утро, послѣ обѣдни выходилъ онъ въ большую прихожую, садился у столика на диванъ, принималъ тутъ всѣ прошенія и жалобы, и тутъ же положивъ резолюцію, отдавалъ просителю для передачи, куда слѣдуетъ. Конечно, духовное интендантство было недовольно. Жалобы и неудовольствіе распространялись въ обществѣ; нѣкоторые смѣльчаки доводили даже о нихъ до свѣдѣнія митрополита Московскаго, который о всѣхъ этихъ жалобахъ сообщалъ Филарету. Принимая съ сыновнею почтительностію замѣчанія митрополита, Филаретъ давалъ объясненія. «Приношу искреннѣйшую и усерднѣйшую благодарность за назидательное письмо вашего святѣйшества. Во всю жизнь мою старался я быть точнымъ исполнителемъ совѣтовъ и наставленій высшихъ меня. При помощи Божіей постараюсь выполнять во всей *буквальной* точности всѣ совѣты и мысли *вашего святѣйшества*».

Нельзя не остановить вниманіе на томъ, что Филаретъ титулуетъ Московскаго митрополита, «*ваше святѣйшество*». И надо думать, что митрополитъ Московскій не дѣлалъ противъ этого возраженій, такъ какъ титулованіе его «святѣйшествомъ» продолжалось. Но между тѣмъ намъ извѣстно, что онъ сдѣлалъ замѣчаніе одному молодому ученому, когда тотъ въ разговорѣ съ нимъ назвалъ его «святѣйшествомъ».

«Письмо вашего св—ва», писалъ далѣе Филаретъ, драгоцѣнно для меня и потому, что живущему въ глухой провинціи сообщаетъ свѣдѣнія вовсе неизвѣстныя и однакоже необходимыя въ пастырскомъ служеніи. Святый владыка! Господомъ умоляю ваше св—во, не оставляйте насъ грѣшныхъ провинціальныхъ пастырей безъ подобныхъ вразумленій. Ваше св—во думали, по довѣрію къ о. Ласкаронскому *), что грѣшный Черниговскій пастырь не исполнилъ вашей воли. Какъ

*) Бывшій соборный протоіерей, по отзывамъ, отличавшійся заносчивостію и неуживчивымъ правомъ.

же это такъ? Ужели въ самомъ дѣлѣ архипастыри Русской церкви стали непокорнѣе передъ своимъ архипастыремъ-отцомъ? Мы ваши сыновья, вы нашъ отецъ. Дѣлъ у вашего св—ва множество. Но пришлите, безъ титуловъ, записку, и съ глубочайшею благодарностію принята она будетъ и будетъ принята въ исполненіе. Иначе и архіерей безъ вины будетъ виноватъ».

Какія же клеветы на Филарета доходили до митрополита Московскаго? Филаретъ имѣлъ при себѣ письмоводителя. О злоупотребленіяхъ и удаленіи перваго изъ нихъ мы имѣли случай упомянуть. Вотъ и сообщено митрополиту, что письмоводитель архіерея злоупотребляетъ, что обзоръ Филаретомъ епархіи очень отяготителенъ для духовенства, что архіерей не защищаетъ духовенства отъ клеветы и оскорбленій, неправильно на него возводимыхъ. Въ особенности на это смѣло и рѣзко указывалъ протоіерей Ласкаронскій, увѣрявшій митрополита, что Филаретъ вытѣснилъ его изъ собора. Наконецъ, ставилось въ вину Филарету, что онъ, посвящая дьячковъ въ діаконы, а дьяконовъ въ священники, даетъ послѣднимъ хорошіе приходы, тогда какъ окончившіе курсъ въ семинаріи получаютъ плохіе. Вотъ противъ какихъ обвиненій долженъ былъ давать Филаретъ «своему владыкѣ» слѣдующія объясненія. «Консисторія пріучила духовенство думать, что если доносъ на священника или дьякона не подтверждается слѣдствіемъ, то будто бы духовное начальство непремѣнно должно само требовать отъ судебнаго мѣста удовлетворенія за оскорбленіе бывшаго подъ слѣдствіемъ духовнаго лица. Послѣдствія изъ того, возможныя со стороны свѣтскихъ, для архіерея—понятны. (Консисторія всегда въ сторонѣ)». При этомъ онъ указалъ на случай, какъ при слѣдствіи доносчица не пожелала представить доказательствъ виновности священника, а когда была привлечена къ суду за клевету—представила ихъ. Онъ писалъ митрополиту, что самому Ласкаронскому два часа объяснялъ онъ, что преслѣдовать за клевету—это дѣло личное его, а не дѣло архіерея; но тотъ и ушелъ отъ него неубѣжденнымъ. «Такъ застарѣлый неправильный порядокъ приводитъ человѣка не только къ незаконному негодованію на законный порядокъ, но еще возбуждаетъ его взносить клеветы на невиннаго. О. Ласкаронскій клеветалъ на меня, будто вытѣснялъ я его изъ собора, тогда какъ не говорилъ я ему о томъ ни слова, а онъ для своихъ выгодъ перешелъ въ богатое село. Онъ оклеветалъ меня. Теперь понимаю, что убѣжденный въ холодности моей къ его участи, хотя и ни разу не бывши у меня ни съ объясненіемъ словеснымъ, ни съ письменною просьбою, съ такимъ ожесточеніемъ возсталъ на меня». По своему незлобію при личныхъ непріятностяхъ,

Филаретъ и здѣсь оправдываетъ виновнаго. «Уродливый старый порядокъ дѣлъ довелъ его до того, и я теперь, узнавъ отъ него убѣжденія совѣсти его, вовсе не виню его. Считаю нужнымъ присовокупить, что не беру на свою совѣсть дѣлъ консисторіи, ея членовъ и канцеляріи; но у меня принимаются просьбы просителей мною самимъ, и я, написавъ резолюцію, отдаю самому просителю просьбу его въ руки для доставленія куда слѣдуетъ по содержанію просьбы. Этотъ порядокъ несогласенъ съ уставомъ; но еще съ перваго года по пріѣздѣ въ Черниговъ, узнавъ страсть къ кляузничеству здѣшнихъ, слѣдую ему неизмѣнно, за исключеніемъ дней тяжкой болѣзни». Вотъ какъ въ томъ же письмѣ Филаретъ объясняетъ причину, побудившую его дѣйствовать вопреки уставу. «Покойный предмѣстникъ мой ни одного опредѣленія консисторіи не измѣнялъ; а судья консисторіи оправдывалъ каждаго за деньги и обвинялъ каждаго, кто не давалъ денегъ. И вотъ другой источникъ жалобъ и клеветъ на меня. Духовенство Черниговской епархіи бѣдное, по историческимъ обстоятельствамъ пріученное къ кляузничеству и покупкѣ опредѣленій деньгами, при всей бѣдности готово не жаловаться, когда продаютъ правду за деньги; но по той же бѣдности бѣснуется въ сутяжничествѣ, когда и деньгами не успѣваетъ защищать честь. Вотъ почему горько бываетъ на душѣ, когда видишь, что въ томъ и другомъ случаѣ обвиняютъ бѣднаго архіерея и принимаютъ во вниманіе всякую клевету на него со стороны».

Чтобы устранить клевету объ отягощеніи Филаретомъ священниковъ при обозрѣніи епархіи (слухъ о чемъ, какъ видно, доходилъ до Москвы), вотъ къ какимъ подвигамъ онъ долженъ былъ прибѣгать. «Нынѣшній годъ», писалъ онъ митрополиту, «и въ третьемъ году вовсе не ѣздилъ по особеннымъ обстоятельствамъ. Къ священникамъ боюсь заѣзжать. Случалось такъ, что въ цѣлый день только у становаго въ квартирѣ съѣмъ два яйца и выпью два стакана чаю». Разъ пріѣхавъ въ одинъ городъ и осмотрѣвъ церковь, онъ получилъ приглашеніе отъ благочиннаго на чай. «Поди ты съ твоимъ чаемъ», отвѣчалъ на приглашеніе Филаретъ, «надоѣлъ ужъ онъ мнѣ! Покорми ты лучше меня: я третій день не ѣвши».

«Нѣтъ ли близъ васъ лица», писалъ митрополитъ, «которое бросаетъ на васъ свою неблагообразную тѣнь? Помнится, я обращалъ ваше вниманіе на такое лицо, но вы едвали употребили предосторожность».—«Уже два года, какъ нѣтъ и въ Черниговѣ Рыжкова (бывшаго письмоводителя, онъ возвратился въ Харьковъ), отвѣчалъ Филаретъ); послѣ него уже третій у меня письмоводитель. Одобренный мѣстнымъ отзывомъ (а не моимъ выборомъ) оказался развратнымъ и

больнымъ отъ разврата. Судите Господа ради, какъ тутъ жить? Какъ доискиваться правды въ словахъ злорѣчія?» Не преминули донести митрополиту и о томъ, что Филаретъ празднуетъ свои имянины. И на это онъ долженъ былъ объяснить, что у него въ этотъ день бываютъ исключительно одни монашествующіе. Мы видѣли, что одною изъ мѣръ для поощренія причтовъ къ занятію ихъ въ школахъ, Филаретъ ввелъ посвящать усердствующихъ дьячковъ въ дьяконы, оставляя ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, а дьяконовъ въ священники. Хотя онъ дѣлалъ это, какъ объяснялъ митрополиту, съ соблюденіемъ правилъ соборныхъ, посвящая самаго достойнаго по службѣ (прослужившаго не менѣе 10 лѣтъ), по жизни и познаніямъ, что онъ назначалъ ихъ священниками на самые бѣдные приходы; но «избѣгая злорѣчія злости, бѣснующейся противъ архіереевъ-монаховъ», отмѣнилъ это правило. Объяснялся онъ и по поводу назначенія будто бы имъ на бѣдные приходы окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи. Оказалось, что они сами, не узнавъ о состояніи прихода, указывали на него, а потомъ ходатайствовали часто о переводѣ на другой. Вслѣдствіе этого Филаретомъ даже дано было предложеніе ректору: «внушить имъ (семинаристамъ), чтобы они предварительно вѣрнѣе собрали свѣдѣнія о приходахъ, дабы впослѣдствіи не затруднять начальство». Эти объясненія такъ смиренно заканчиваетъ Филаретъ: «Въ заключеніе прошу Господа ради, святѣйшій владыка, писать мнѣ прямо, если дойдетъ до свѣдѣнія вашего кажущееся незаконнымъ въ дѣйствіяхъ моихъ. При всей худобѣ моей, желаю служить Господу по искренней совѣсти и боюсь быть нежелающимъ выслушивать совѣты и вразумленія, тѣмъ болѣе, что нынѣ время самое тяжелое для каждаго архипастыря, особенно же для такого грѣшника какъ я». Измученный клеветою Филаретъ думалъ о покоѣ, но митрополитъ ему замѣтилъ: «Объ оставленіи службы помышлять вамъ рано, и не думаю, чтобы это было нужно. Надобно стараться извести на свѣтъ правду, если ее затмѣваютъ».

Филаретъ вѣрно указалъ на кляузничество, доводившее до ужасающей клеветы. Такъ мы можемъ привести слѣдующій возмутительный случай. Одинъ благочинный, желая очистить мѣсто для своего зятя, сдѣлалъ доносъ на священника. Послѣдній поѣхалъ хлопотать въ Черниговъ и разъяснить дѣло. По совѣту мѣстнаго своего помѣщика, проживавшаго въ Черниговѣ, онъ отправился къ секретарю консисторіи. Когда тотъ объяснилъ ему, что все зависитъ отъ архіерея, проситель пошелъ просить заступничества къ архимандриту Пармену, пользовавшемуся расположеніемъ Филарета. Это былъ старикъ простой, грубый. Онъ завѣдывалъ хозяйствомъ архіерейскаго дома, которое шло у него въ образцовомъ порядкѣ. Парменъ раскри-

чался и, не церемонясь, выгналъ въ шею просителя. И не прежде какъ когда натолкали его въ шею, проситель рѣшился идти къ самому владыкѣ. Оказалось, что самый кроткій и благосклонный пріемъ онъ встрѣтилъ у архіерея. Филаретъ потребовалъ донесеніе благочиннаго, прочиталъ и сказалъ: «вижу, что кляуза». Тутъ же положивъ резолюцію «оставить безъ послѣдствій», отпустилъ онъ «съ Богомъ» просителя. Каково же было удивленіе помѣщика, когда онъ, пріѣхавъ въ деревню, узналъ о слухѣ, распущенномъ священникомъ, будто бы онъ поклонился архіерею тремя сотнями. «Батюшка», укоризненно замѣтилъ ему помѣщикъ, «не стыдно ли вамъ клеветать на архипастыря, да еще сдѣлавшаго вамъ добро? Не вы ли говорили мнѣ, что дѣло безъ копеечки устроилось?» — «Да помилуйте, отвѣчалъ священникъ, иначе нельзя: теперь я покоенъ, потому что всякій разсудитъ, что если мнѣ, чтобъ усидѣть на своемъ мѣстѣ, стоило 300 рублей, то ему, чтобъ занять мое, надо везти 600». И такъ, чтобы оградить себя отъ козней другихъ, священникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ вымыслу, не задумываясь передъ тѣмъ, что онъ кидаетъ тѣнь на своего архипастыря. Пусть подобные случаи составляли рѣдкія исключенія, но и одинъ говоритъ немало о нравственномъ состояніи духовенства того времени и объясняетъ намъ жалобы Филарета и борьбу, какую приходилось ему вести съ этою закоренѣлою страстью—сутяжничествомъ. На такую неразвитость духовенства указалъ одинъ изъ мѣстныхъ проповѣдниковъ въ рѣчи своей о Филаретѣ: «Заботливость о насъ почившаго была необычайная. Чѣмъ мы ее заслужили? Оказываемся ли мы достойными благодѣяній, столь щедро излитыхъ на насъ? Едва ли заслуживаетъ благодѣянія тотъ, кто не знаетъ ни цѣли, ни значенія благодѣянія».

Въ заботливости своей о духовенствѣ Филаретъ учредилъ *попечительство о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія*, пожертвовавъ сюда свои сочиненія «Обзоръ епархіи» и «Каѳедральные монастыри», за которыя выручено 270 руб. Пожертвованія идутъ и понынѣ, и дѣло это настолько поставлено прочно, что въ настоящее время, какъ слышали мы, до 20 т. р. въ годъ выдается пособій. Сколько бѣдняковъ, благодаря заботливости Филарета, избавлены такимъ образомъ отъ голодной смерти. Онъ же учредилъ эмеритальную кассу, основаніе которой положилъ отчисленіемъ ежегодно 3% изъ кошельковой суммы.

Обезпеченіе нуждъ духовенства составляло предметъ его заботъ и въ Харьковѣ. Немедленно по прибытіи туда, въ первые же дни, писалъ онъ Горскому: «Много хлопотъ и заботъ о распредѣленіи лицъ, оставшихся внѣ штата по случаю введенія новаго штата. Бѣда и та еще, что здѣсь въ нынѣшнемъ году ужасный голодъ и падежъ на

скотъ. Нищета въ духовенствѣ внѣштатномъ увеличилась. Хлопочу о увеличеніи способовъ къ выдачѣ пособій вдовамъ и сиротамъ».

Многіе просители, обращаясь къ Филарету, вмѣстѣ съ просьбами подавали записки съ деньгами, объяснивъ въ нихъ, что жертвуютъ на Елецкій или Троицкій монастырь, на семинарію или другое учрежденіе. Филаретъ, принимая съ признательностію жертву, принесенную иногда не отъ искренняго сердца, а по сутяжническому разсчету, говорилъ каждому: «спаси тебя Христосъ!» На этомъ построенъ былъ слухъ, что архіерей беретъ взятки. Кто по настоящему очерку уже знакомъ съ свѣтлою личностію Филарета, тому ненужно вразумительныхъ оправданій для него. Но, принявъ на себя трудъ составить настоящій очеркъ, мы считаемъ себя не въ правѣ обойти молчаніемъ ни одинъ фактъ, служащій къ опроверженію клеветы. Послѣ кончины Филарета казначей Елецкаго монастыря приглашалъ каждаго, кто позволялъ себѣ вѣрить столь незаслуженному Филаретомъ нареканію, просмотрѣть монастырскія дѣла и книги и удостовѣриться, что всѣ записки передавались въ монастырь, подшивались въ одно объемистое дѣло, а деньги оприходованы. «Вы знаете, говорилъ казначей, что монастырь былъ въ полуразрушеніи; но вы не знаете, быть можетъ, того, что намъ нечего было ѣсть. Теперь монастырь весь обновленъ, пріобрѣлъ собственность, обезпеченъ доходомъ. Того не хотятъ сообразить—откуда же взялись эти средства?» Другое доказательство: передъ послѣднимъ объѣздомъ преосвященнаго Филарета епархіи, одинъ преподаватель семинаріи, пользовавшійся его расположеніемъ, обратился къ нему съ просьбою помочь ему, ссудивъ 300 или 400 рублей. «Вѣрь, нѣтъ», отвѣчалъ Филаретъ. «А вотъ что: есть моихъ полторы тысячи въ свѣчномъ. О. Николай, скажи, какъ за свѣчами пріѣдутъ, выдали бы ему» (такую-то сумму). Между тѣмъ, когда скончался Филаретъ въ пути, и въ кабинетѣ его вскрыли конторку, нашли тамъ нѣсколько записокъ съ деньгами около 300 рублей, которыя, какъ полученныя передъ самымъ отъѣздомъ, Филаретъ не успѣлъ передать по принадлежности. Значитъ, онъ настолько, считалъ деньги эти неприкосновенными, что, при всемъ желаніи помочь любимому человѣку, не коснулся ихъ.

Изыскивая всѣ мѣры, чтобы улучшить положеніе духовенства, не отказывая никому въ частности въ его нуждѣ, Филаретъ выше дѣла состраданія ставилъ дѣло церкви, дѣло общее. Такъ, напримѣръ, при преосвященномъ Павлѣ введено было въ обычай оставлять по смерти священника приходъ за его дочерью; женившійся на ней получалъ приходъ. Такимъ образомъ браки священниковъ устраивались не по склонности, а по разсчету, и молодой священникъ начиналъ свое

пастырское служеніе заботою о земныхъ благахъ, въ жертву коимъ приносилось и его супружеское счастіе. Но главнѣйшее зло заключалось въ томъ, что приходъ, въ ожиданіи совершеннолѣтія дѣвицы, иногда много лѣтъ оставался празднымъ въ вѣдѣніи наблюдающаго, сосѣдняго священника. Понятно, что служеніе въ церкви совершалось рѣдко, въ исполненіи духовныхъ требъ были большія упущенія. Филаретъ, можетъ быть, скрѣпя сердце, положилъ конецъ этому порядку и на первой же просьбѣ вдовы священника оставить приходъ за ея дочерью и пожаловать послѣдней жениха, положилъ такую резолюцію: «архіерей не сватъ и приходъ не приданное».

Эта борьба состраданія съ требованіемъ порядка въ дѣйствіяхъ Филарета наблюдалась нерѣдко. Такъ, предполагая перевести единовѣрческихъ монахинь изъ Мослаковъ въ Малиноостровскій монастырь, онъ писалъ оберъ-прокурору, что жаль ему нѣкоторыхъ старушекъ-инокинь, имѣвшихъ свои домики и которымъ не хочется оставлять обсиженное гнѣздышко свое. Уступая сожалѣнію, онъ думалъ представить Синоду объ оставленіи ихъ въ Мослакахъ доживать свой вѣкъ. Но потомъ, взвѣсивъ другія условія монашеской жизни и монастырскихъ правилъ, добавилъ: «Но съ одной стороны это можетъ быть исполнено безъ всякаго разрѣшенія Синода; съ другой, освященіе желанія самоволія Синодомъ было бы само-по-себѣ не совсѣмъ прилично, да и по послѣдствіямъ неполезно».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Филаретъ позволялъ себѣ дѣлать отступленія отъ правилъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда они не сопровождались общимъ ущербомъ. Такъ одинъ помѣщикъ, не бывъ еще знакомъ съ Филаретомъ, явился къ нему съ просьбою за дьякона своего села. На казенный счетъ въ духовныхъ училищахъ принимались предпочтительно круглыя сироты, а затѣмъ сироты, не имѣющія отца или матери. Помѣщикъ, объяснивъ бѣдственное положеніе дьякона, обремененнаго семьею изъ одиннадцати душъ, просилъ сына его (хотя послѣдній и не сирота), принять въ духовное училище на казенный счетъ. «Спаси васъ Христосъ, что принимаете участіе въ бѣдномъ духовенствѣ», сказалъ Филаретъ, принимая прошеніе, а черезъ недѣлю получено было распоряженіе о зачисленіи мальчика въ Стародубское училище.

Изъ этого можно видѣть, что Филаретъ дѣло благотворительности поставилъ на правильную ногу. Онъ увеличилъ средства духовныхъ учебныхъ заведеній и комплектъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, основалъ попечительство для призрѣнія бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, учредилъ эмеритуру для увеличенія размѣра пенсіи, самъ не могъ видѣть горя ближняго и готовъ былъ дѣлиться послѣднимъ, но не жертвовалъ изъ состраданія къ одному выгодами многихъ.

На построеніе церквей и увеличеніе доходовъ монастырей и архіерейскаго дома въ Черниговѣ немало также удѣлялось труда Филаретомъ. Онъ обновилъ Елецкій монастырь два раза, такъ какъ послѣдній при немъ пострадалъ отъ пожара, устроилъ теплую крестовую церковь и вторично соорудилъ послѣ пожара. Въ Троицкомъ-Ильинскомъ монастырѣ [1]), гдѣ нынѣ архіерейскій домъ, передѣлалъ теплую церковь, сдѣлалъ новый иконостасъ, обновилъ величественный холодный храмъ, выстроенный архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ (во второй половинѣ XVII ст.), возстановилъ весь монастырь. Для увеличенія доходовъ перваго монастыря устроилъ на свои средства типографію, оставивъ изъ затраченной суммы 2.800 рубл. въ пользу монастыря, прося поминать его и его родителей, купилъ лѣсную дачу. Во второмъ монастырѣ, т.-е. архіерейскомъ домѣ, на свои средства и на позаимствованныя у попечительства устроилъ свѣчной заводъ. Часть затраченной суммы получилъ онъ въ возвратъ изъ доходовъ завода, а 1.700 рубл. оставилъ въ пользу архіерейскаго дома. Изъ доходовъ свѣчнаго завода выстроилъ въ городѣ, на принадлежащей архіерейскому дому землѣ, каменный двухъ-этажный домъ, отдающійся въ наемъ, купилъ лѣсную дачу. Въ семинаріи была очень тѣсная и низенькая церковь въ домѣ, верхній этажъ котораго занимался архивомъ. Онъ весь домъ обратилъ въ обширную высокую церковь, придавъ ей прекрасный внѣшній видъ. Въ Борисоглѣбскомъ соборѣ устроилъ три иконостаса [2]).

Въ Черниговѣ есть знаменитая древностію святыня, Спасо-Преображенскій соборъ. Онъ заложенъ въ 1031 при Мстиславѣ, если еще не въ 1026 году. Такимъ образомъ онъ древнѣе Кіевскаго Софійскаго собора [3]). И вотъ стоитъ незыблимо эта святыня, какъ бы въ укоръ

---

[1]) Въ Троице-Ильинскомъ монастырѣ находится древнѣйшая святыня, подлинная икона Черниговской-Ильинской Божіей Матери; списки съ нея чествуются: одна въ Соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, а другая въ скиту Троицко-Сергіевой Лавры, который и получилъ названіе Черниговскаго. Надъ этой иконой устроена Мазепою серебряная корона, поддерживаемая двумя ангелами, внизу вензель Мазепы. При Аннѣ Іоанновнѣ уничтожили всѣ подобныя „приличія“ Мазепы; но настоящее украшеніе, надо думать, было прикрыто драпировкою и ускользнуло отъ вниманія исполнителей царицыной воли.

[2]) Въ соборѣ этомъ прекрасные серебряные, мѣстами съ позолотою, царскіе врата, жертва гетмана Мазепы.

[3]) Нѣкоторые относятъ заложеніе собора къ 1036 году; но едва-ли это вѣрно, такъ какъ у Нестора значится: „Положиша и (Мстислава) въ церкви святаго Спаса, юже бѣ самъ заложи; бѣ бо вздано ея при немъ возвыше, яко на кони стоящи досяща“. А Мстиславъ умеръ въ 1036 году.

и назиданіе современнымъ зодчимъ, коихъ храмы, едва вознеся высоко свои главы, обращаются въ груды камней и мусора. А 8½ вѣковъ, погромъ Татарскій, два пожара, два десятка выдержанныхъ осадъ не черкнули ни одной трещинки на стѣнахъ храма! Его коснулась только невѣжественная рука усердствующихъ, что̀ изъ боязни обложила кирпичемъ его порфировыя колонны, вывезенныя изъ Греціи (обдѣланныя еще въ VII-мъ вѣкѣ), замазала древнія фрески масляною краскою и соорудила иконостасъ, не отвѣчающій стилю храма. Мечтою Филарета было возвратить этому старѣйшему въ Имперіи храму его первобытную физіономію. Зная энергію этого святителя, мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что только смерть его не допустила осуществленія этой мысли.

Кстати указать, какъ велико было у насъ равнодушіе къ отечественной старинѣ. Когда перестраивали хоры собора, упавшій брусъ пробилъ склепъ, гдѣ оказалось много гробовъ Черниговскихъ князей. Изъ нѣкоторыхъ гробовъ торчала парча, на одномъ лежалъ мечъ. Довольствуясь тѣмъ, что на гробахъ не оказалось надписей, что́ же сдѣлали? Склепъ засыпали! А, можетъ быть, эти мечи имѣли надписи, которыя можно было еще прочесть. А, можетъ быть, въ самыхъ гробахъ были предметы, по коимъ можно было бы узнать многое; наконецъ, хотя бы скопировать рисунки матерій и одеждъ, за 8—9 вѣковъ до насъ бывшихъ въ употребленіи. Несомнѣнно, любознательность Филарета заставила бы эти полуразрушенные гробы разсказать о многомъ....

И въ дѣлѣ устройства монастырей Филаретъ также не могъ избѣжать клеветы и долженъ былъ объясняться съ Московскимъ владыкою. Такъ донесли митрополиту, что Филаретъ сдѣлалъ сборъ и затратилъ капиталъ попечительства на постройку дома, о которомъ сейчасъ было говорено. Филаретъ писалъ: «Домоправленіе не тратило ни одной копѣйки изъ суммъ попечительства. Оно только заняло на нужды дома (архіерейскаго) деньги у попечительства и платитъ проценты; а слѣдовательно приноситъ пользу попечительству, а не убытокъ. Сумма занятая обезпечена матеріалами свѣчнаго завода, которыхъ имѣется во всякое время на сумму вдвое болѣе той, которая занята у попечительства. Безъ свѣчнаго же завода домъ, при бѣдности средствъ, могъ бы дойти до крайняго разстройства. Когда прибылъ я въ Черниговъ, и церкви, и жилыя строенія готовы были падать. Теперь по милости Божіей мало-по-малу исправлены зданія. Изумительно, какъ людямъ хочется во всемъ отыскивать худое. Въ прошедшій годъ выставляли меня виновнымъ за то, что домоправленіе продаетъ свой домъ для училища. Теперь другую вину отыскиваютъ относительно того же дома,

будто на домъ собираются деньги, тогда какъ онъ отдается въ наймы. Если уже домъ выстроенъ и отдается въ наймы, къ чему же собирать деньги для него съ духовенства или церквей? Странное толкованіе», замѣчаетъ Филаретъ. О томъ же предметѣ на слѣдующій день Филаретъ снова пишетъ митрополиту и препровождаетъ выписку изъ шнуровыхъ книгъ, объясняя, что 150 тыс. кирпича употреблено изъ завода домоправленія (значитъ, приготовленнаго хозяйственнымъ способомъ), за лѣсъ, известь и работу уплачено 6 т. р. изъ доходовъ свѣчнаго завода. Съ чего взяли толковать о какихъ-то пожертвованіяхъ? Истинно не понимаю. Это клевета самая наглая».

Хозяйство архіерейскаго дома было такъ поставлено, что ничто не ускользало отъ вниманія. Если, напримѣръ, былъ втунѣ лежащій кусокъ земли, онъ былъ при Филаретѣ непремѣнно засаженъ фруктовыми деревьями. Извѣстно, что въ монашеской трапезѣ главное мѣсто занимаютъ продукты растительные, остатки коихъ въ немаломъ количествѣ всегда пропадаютъ. Чтобы дать имъ назначеніе и обратить въ статью дохода, Филаретъ завелъ свиноводство. И поставлена была эта статья такъ, что на выставкѣ архіерейскому дому присуждена была медаль. Многіе не одобряли этого занятія; а многіе находили, что если оно приноситъ доходъ скудному средствами монастырю и пользу краю, то тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. И по этому поводу Филарету приходилось объясняться съ митрополитомъ: «Относительно нечестныхъ животныхъ, попавшихъ въ честь, оказалось, что тогда какъ экономъ былъ боленъ, начальникъ губерніи настоятельно просилъ, чтобы было что-нибудь на ихъ выставкѣ. Такова краткая исторія. Но видно, по грѣхамъ моимъ надобно, чтобы были непріятности мнѣ. Да будетъ воля Божія благословенна!»

Объясненіе Филарета, какъ видно, не удовлетворило митрополита, и онъ писалъ ему: «Не завидую вашему свѣчному богатству; но дивлюсь, какъ вы рѣшились на такое многосложное дѣло, и какъ умѣете вести оное. Оно требуетъ немало искусства, работы, счетовъ, вѣрности, многихъ озабочиваетъ, едвали не тяготитъ. Теперь, когда вы вашимъ примѣромъ подали поводъ тому, что всѣ архіереи могутъ сдѣлаться фабрикантами, и многіе священники прикащиками, желалъ бы я имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, какъ у васъ сіе устроено и откуда берете вы мастеровъ».

Въ отвѣтъ на замѣчаніе митрополита можно бы привести Русскую пословицу: «сытый голоднаго не разумѣетъ». Богатая и благоустроенная лавра не можетъ дать понятія о существующихъ нуждахъ иныхъ обителей и архіерейскихъ домовъ. Черниговскій архіерей получилъ для своего помѣщенія огромный пустой монастырь. Онъ за-

сталъ его въ полуразрушеніи и безъ средствъ для поддержки. Устроивъ свѣчной заводъ, онъ далъ назначенія нѣсколькимъ корпусамъ, стоявшимъ безъ оконъ и почти безъ крыши и сразу приступилъ къ исправленію всѣхъ построекъ на счетъ доходовъ завода.

Если Филарета занимали археологическія изслѣдованія Лифляндіи, по его словамъ, мало имѣющія интереса для общей Русской исторіи, то можно судить, какъ интересовали его древности Чернигова. Прочитавъ, напримѣръ, Некро-Ливонику Крузе и отнесясь съ похвалою о подробности въ описаніи древностей, о тщательности опредѣленія крѣпостей и точности, съ которою Крузе «набросалъ эскизъ исторіи Лифляндіи до прибытія Нѣмцевъ въ Лифляндію», онъ находилъ между прочимъ, что предположеніе его на счетъ торговыхъ дорогъ отъ Нѣмецкаго моря до Чернаго ошибочны. Его заинтересовало различіе въ построеніи крѣпостей Западными и Византійцами, какое, по замѣчанію его, «довольно точно» опредѣлилъ Крузе. Но почему заинтересовало? «Это безъ сомнѣнія», писалъ онъ, «поведетъ къ дальнѣйшимъ результатамъ по отношенію къ Русскимъ старинымъ крѣпостямъ, если будутъ сдѣланы подобныя розысканія въ Россіи». Вотъ и отвѣтъ. Эти слова подтверждаютъ высказанныя многими замѣчанія о Филаретѣ, что къ каждому предмету относился онъ серіозно, и къ тому во всѣхъ его трудахъ лежала патріотическая основа. Въ Черниговѣ онъ перебралъ всѣ церковныя вещи, опредѣлилъ ихъ время и исторію многихъ священныхъ предметовъ, возобновилъ нѣкоторые древніе памятники. А въ настоящее время одинъ изъ нихъ, церковь пророка Иліи, бывшаго Ильинскаго монастыря, историческій памятникъ XII-го вѣка, запечатана и отдана въ полное распоряженіе всесокрущающаго времени. Чтобы спасти этотъ памятникъ и укрѣпить гору, потребно 8 т. р.; но архіерейскій домъ, къ которому приписана эта святыня, нынѣ бѣденъ и не въ состояніи поддерживать свои необходимыя сооруженія когда-то славнаго Троицкаго монастыря, гдѣ многіе изъ крупныхъ художниковъ, не исключая графа Растрелли, оставили память своего таланта. И какая странность! Мы роемъ курганы, разрываемъ фундаменты древнихъ построекъ, чтобы узнать что-нибудь о быломъ, а наши существующіе историческіе памятники на нашихъ глазахъ допускаемъ превращаться въ груды, давая работу потомству раскапывать эти груды и рыться въ архивной пыли и мусорѣ, чтобы составить понятіе о томъ памятникѣ, который могъ быть убереженъ для него какъ живой свидѣтель старины.

Близкое и основательное знакомство Филарета съ археологіею всего болѣе высказалось въ Черниговѣ. Это можно отчасти замѣтить въ «Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи»,

а особенно въ описаніи города Чернигова. Въ его время при постройкѣ одного дома наткнулись на фундаментъ древнѣйшей кладки. Филаретъ сейчасъ же опредѣлилъ, что это былъ княжескій дворецъ, и по указанію отыскали фундаментъ церкви архистр. Михаила, пристроенной ко дворцу. Тамъ найдена была женская коса, и Филаретъ объяснилъ, что она должна принадлежать княжнѣ, дочери Михаила Черниговскаго, замученнаго въ ордѣ. Нынѣ отъ этихъ развалинъ остались лишь признаки. Мѣсто это принадлежитъ земству. Въ видахъ, должно быть, сбереженія этихъ остатковъ древности, заботливое земство прикрываетъ ихъ мусоромъ и сметьемъ со своего двора [1]).

Труды по управленію епархіею, занятія ученыя, плоды которыхъ, кажется, въ наибольшемъ обиліи явились въ послѣднія семь лѣтъ жизни святителя, именно во время управленія Черниговскою епархіею, не отвлекали вниманія Филарета отъ общаго положенія церкви и не отчуждали его отъ общества. За всѣми явленіями общественной жизни, казалось, слѣдилъ онъ съ глубокимъ вниманіемъ. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстно, какъ предъ открытіемъ перваго земскаго собранія въ Черниговѣ онъ поразилъ пріѣхавшихъ къ нему двоихъ губернскихъ гласныхъ своими свѣдѣніями о земскомъ дѣлѣ. Оказалось, что онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ его въ другихъ губерніяхъ, гдѣ уже было введено земство, и знакомилъ съ нимъ гласныхъ путемъ критическихъ пріемовъ. Что касается полсженія церкви, то оно не переставало заботить Филарета. Извѣстно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ либерализмъ готовъ былъ подточить устои самой церкви. Проэкты сыпались у насъ, какъ звѣзды въ Ноябрьскую ночь. Немало этихъ померкшихъ звѣздъ пало и на долю церкви. Опасаясь, чтобы страсть къ проэктамъ, охватившая нашу высшую правительственную сферу, не повредила церкви, Филаретъ изъ своего Троицкаго-Ильинскаго монастыря, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ подвижнической жизни первый инокъ земли Русской [2]), то убѣждалъ митрополита Кіевскаго, то писалъ къ Петербургскому, то къ архіерею, присутствовавшему въ Синодѣ. Въ числѣ проэктовъ, касающихся

---

[1]) Такое равнодушіе еще можетъ имѣть объясненіе въ глуши, въ провинціи; но не то ли же видимъ мы въ столицахъ? Кто, напр., проѣзжая мимо подмосковнаго Царицына, глядя на разрушающійся причудливый дворецъ, не задалъ себѣ вопроса: почему допускаютъ его разрушеніе и въ тоже время затрачиваютъ милліоны на сооруженіе въ столицѣ и внѣ оной разныхъ богоугодныхъ заведеній и казармъ? Такой же участи преданъ гетманскій дворецъ въ Батуринѣ.

[2]) Преподобный Антоній Печерскій.

церкви, былъ проэктъ о передачѣ епархіальнаго управленія бѣлому духовенству. Противъ этого-то главнымъ образомъ и возсталъ Филаретъ. Онъ дѣлалъ немало указаній, кои прямо вытекали изъ практики или были неопровержимымъ логическимъ выводомъ. Мы думаемъ, что недовѣріе его къ чистотѣ веденія дѣлъ въ то время въ Св. Синодѣ имѣло достаточно основаній для него. «Дозволяю себѣ сказать, писалъ онъ въ Петербургъ: надобно домогаться, чтобы въ ваше присутствіе, если не всѣ части, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя непремѣнно были окончательно рѣшены и закрѣплены протокольнымъ постановленіемъ. Дом—чъ и по характеру копотунъ мелкотравчатый, да и онъ же только и держится начинаемыми и неоканчиваемыми проэктами; иначе съ концомъ ихъ и ему конецъ.... Потому возьмите напередъ осторожность. Твердымъ настояніемъ заставьте, чтобы дѣла каждаго засѣданія въ слѣдующее засѣданіе были предлагаемы къ закрѣпленію подписями членовъ. Иначе останетесь въ обманѣ. Не вѣрьте обѣщаніямъ. Кто и разъ обманулъ, плохо вѣрятъ тому; а десять и двадцать разъ обманувшему—ни на волосъ не вѣрятъ, если не хотятъ быть жалкою игрушкою». Вотъ какія предупрежденія онъ дѣлалъ митрополиту. А вотъ его замѣчаніе на проэктъ объ управленіи епархіею. «Кажется, настаетъ владычество поповства; а затѣмъ скоро явится и «безпоповство». Это несомнѣнно: поповство «для сладкаго куса продастъ Іисуса». Указываютъ на Константинополь. Но онъ-то и служилъ урокомъ предкамъ нашимъ не пускать на столъ поповства. Дай Богъ, чтобъ ошибочно было убѣжденіе мое, но по моему ничего добраго ожидать нельзя отъ поповства. Разгулъ страстей и разгулъ противохристіанскихъ мыслей—вотъ что̀ явится въ Русской церкви съ управленіемъ поповства».

Рядомъ съ высказанными опасеніями за владычество «поповства», у Филарета, какъ мы видѣли, была постоянная забота о матеріальномъ улучшеніи быта духовенства и нравственномъ его подъемѣ. Постановкою учебнаго и воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, обязательнымъ трудомъ по образованію народа, привлеченіемъ къ совмѣстному съ нимъ труду по составленію «Общаго обзора Черниговской епархіи» (въ семи книгахъ), изданіемъ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій» и живымъ назидательнымъ словомъ, можно непогрѣшимо сказать, Филаретъ въ короткій срокъ своего управленія пробудилъ духовенство отъ его нравственнаго оцѣпенѣнія. Вотъ его записки или, какъ онѣ названы имъ, «мнѣнія».

А. О средствахъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства.

«1) Уже въ 1829 году правительство признавало нужду увеличить надѣлъ земли для церковнаго причта не менѣе, какъ въ полтора раза (указъ 6 Декабря 1829 г. № 3323). Въ настоящее время эта нужда еще болѣе ощутительна, какъ по увеличивавшейся дороговизнѣ содержанія, такъ по неимѣнію другихъ средствъ облегчить бѣдное положеніе самой большей части сельскаго духовенства. Потому слѣдуетъ поставить закономъ: а) во владѣніе каждаго сельскаго причта, кромѣ усадебныхъ мѣстъ, не менѣе 48 десятинъ земли. б) Тамъ, гдѣ не достаетъ сего количества десятинъ у причта или нѣтъ даже и усадебной земли, отводится добавочная земля пахотная и усадебная въ первый же годъ по изданіи новаго закона. в) Гдѣ отводъ церковной земли окажется невозможнымъ по недостатку земель у поселенцевъ прихода (именно гдѣ на ревизскую душу приходится менѣе трехъ десятинъ), тамъ прихожане, не отлагая времени, представляютъ въ консисторію свое обязательство, утвержденное въ судѣ, доставлять причту вознагражденіе, соразмѣрное недостающему количеству земли, или деньгами, или отсыпнымъ хлѣбомъ, съ тѣмъ при томъ, чтобы то или другое доставлялось причту изъ волостнаго управленія (послѣднее условіе необходимо для того, чтобы избавить священника отъ униженія ходить по дворамъ для собиранія хлѣба или денегъ; засвидѣтельствованіе акта въ судѣ необходимо для предотвращенія споровъ прихожанъ съ священниками, которые ни въ какомъ случаѣ не накормятъ голоднаго священника). г) Въ приходахъ многоземельныхъ о церковныхъ земляхъ остается въ силѣ указъ 1829 года. Эта мѣра, небезпокойная для прихожанъ, значительно улучшитъ бытъ сельскаго причта. Въ такомъ случаѣ священникъ, обработавъ 8 десятинъ озимаго хлѣба, можетъ получить до 100 четвертей и, удержавъ для пропитанія своей семьи половину пропорціи, за другую половину можетъ получить до 200 р., и до 100 р. можетъ получить за проданный яровой хлѣбъ».

«2) И свѣтскіе давно изъявляютъ желаніе, дабы число членовъ бѣлаго духовенства было ограничено противъ нынѣшняго. Одна была причина не согласиться съ этимъ желаніемъ: некому бы было читать и пѣть на клиросѣ. Въ настоящее время, когда въ сельскихъ школахъ столько поселянскихъ дѣтей обучается и обучалось церковному чтенію и пѣнію, и эта причина отклонена. Между тѣмъ сокращеніемъ числа членовъ духовнаго причта значительно улучшится матеріальный бытъ остальныхъ членовъ. Потому слѣдуетъ положить: а) духовными

лицами считаются священникъ, дьяконъ, учителя духовныхъ и сельскихъ церковныхъ училищъ; дьяконъ только тогда считается въ числѣ духовныхъ лицъ, когда онъ способенъ быть сельскимъ учителемъ, на каковую должность опредѣляется по испытаніи; равно должны остаться въ духовномъ званіи и тѣ, которые доселѣ занимали и занимаютъ причетническую должность. б) Причетники избираются священникомъ и прихожанами и содержатся на условіяхъ съ послѣдними; они не пользуются правами духовныхъ лицъ, но лично они и съ дѣтьми своими свободны отъ всѣхъ сельскихъ повинностей, которыя принимаетъ на себя общество прихожанъ. в) Дьячекъ, хотя бы исполнялъ должность учителя, если вступаетъ во второй бракъ, по правиламъ св. церкви, «не можетъ быть ниже въ спискѣ священнаго чина» (Апост. пр. 17, Василія Вел. пр. 12)».

«3) Сельскій приходъ долженъ состоять не меньше, какъ изъ 260 душъ мужескаго пола; иначе онъ присоединяется къ ближайшему сосѣднему, и только тогда назначается для него особый причтъ, когда сверхъ узаконенной пропорціи земли въ обезпеченіе причта вносится въ кредитное установленіе сумма, проценты которой приносили бы до 100 руб. въ годъ. Если по силѣ сей мѣры придется закрыть въ епархіи церкви, то штатное жалованье закрытыхъ причтовъ раздѣляется между остальными причтами 6 и 5 классовъ епархіи по росписанію, утвержденному Св. Синодомъ; а церковная земля, если она есть, приписывается къ той сосѣдней церкви, къ которой приписываются прихожане».

«4) Для того, чтобы полевыя работы не отнимали у священника времени, необходимаго для исполненія духовныхъ требъ, прихожане по добровольному приговору или назначаютъ ему изъ своей среды годоваго работника, или же во время дѣловой поры убираютъ хлѣбъ его, о чемъ приговоръ представляется въ консисторію для соображенія на случай возможныхъ споровъ».

«5) Выморочное имѣніе, движимое и недвижимое, духовнаго лица бѣлаго духовенства поступаетъ въ распоряженіе епархіальнаго духовнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Поелику же опытами дознано, что законъ, предоставляющій имѣніе, оставшееся послѣ настоятелей и настоятельницъ штатныхъ монастырей и послѣ архипастырей родственникамъ ихъ (т. IX, ст. 267), не достигаетъ своей цѣли (платья, книги гніютъ безъ призора, и капиталы рѣдко не растрачиваются, пока наслѣдники явятся для полученія наслѣдства, и отъ того плодится только безполезная переписка): то представляется болѣе благотворнымъ, дабы въ томъ случаѣ, если не оставлено законнаго завѣщанія, имѣніе покойнаго архипастыря одною половиною по-

ступало въ пользу архіерейскаго дома, а другою въ пользу сиротъ духовныхъ, обучающихся въ мѣстной семинаріи; а имѣніе настоятеля или настоятельницы штатнаго монастыря одною половиною поступало въ пользу монастыря, а другою также въ пользу духовныхъ сиротъ мѣстной семинаріи. При такомъ порядкѣ дѣлъ мѣста, заинтересованныя въ оставшемся послѣ покойнаго имуществѣ, сохранятъ его въ цѣлости, и душѣ покойнаго будетъ болѣе пользы и покоя».

«6) Тогда какъ каждый гражданскій чиновникъ отдаетъ пакеты на почту, не платя почтовой пошлины, въ консисторіяхъ производятся изъ-за того дѣла, что почтовыя конторы не иначе принимаютъ пакеты отъ священниковъ и депутатовъ какъ съ платою почтовой пошлины. Потому справедливость требуетъ и нужда заставляетъ, дабы постановлено было закономъ принимать на почтахъ безъ платы вѣсовыхъ отъ всѣхъ священниковъ пакеты и посылки, запечатанные церковною печатью и подписанные «по казенному». Равно тогда, какъ по ст. 381 и 382 т. XII за пересылку Губернскихъ Вѣдомостей и съ ихъ неоффиціальною частью не взыскивается никакая плата на почтѣ, за пересылку Епархіальныхъ Вѣдомостей церкви и причты платятъ деньги; между тѣмъ Епархіальныя Вѣдомости замѣняютъ собою для церквей и причтовъ указы, которые по закону (ст. 202, 205 т. II и ст. 377 т. XII) разсылаются безденежно, и Епархіальными Вѣдомостями еще облегчается почтовое вѣдомство, такъ какъ одинъ номеръ вѣдомостей замѣняетъ собою до 25 указовъ. Потому справедливость требуетъ, дабы сила закона (ст. 381 и 382 т. XII) распространена была во всей его обширности и на Епархіальныя Вѣдомости, и законъ о пересылки указовъ безденежно не былъ нарушенъ почтовыми конторами».

«7) Въ силу указа 1786 г. Апрѣля 10 никто изъ лицъ монашествующихъ и бѣлаго духовенства не можетъ быть ходатаемъ по дѣламъ, кромѣ дѣлъ своей церкви и дѣлъ о малолѣтныхъ, состоящихъ подъ его опекою (Св. Зак. т. IX, ст. 264 и 288). Этотъ законъ и самъ по себѣ страненъ, поставляя духовное лицо въ уровень съ лицами, лишенными правъ состоянія, и по послѣдствіямъ оказывается весьма вреднымъ для быта духовенства. По Черниговской епархіи множество имѣній собственно-духовныхъ лицъ перешли въ чужія руки, такъ какъ судебная практика, принимая законъ въ смыслѣ слишкомъ тѣсномъ, не принимала никакихъ просьбъ отъ духовныхъ лицъ, просившихъ о возстановленіи правъ собственности женъ ихъ или безграмотныхъ сестеръ, племянницъ и племянниковъ, и всѣ эти лица сами не были въ состояніи писать и подавать просьбы отъ своего имени, также какъ и ходить по судамъ. Потому и справедливость, и настоятельная нужда

требуютъ, дабы ст. 288 т. IX измѣнена была такъ: никто изъ лицъ бѣлаго духовенства не можетъ быть ходатаемъ и повѣреннымъ по чужимъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ своей церкви, кромѣ дѣлъ собственности своихъ родныхъ, какъ и своей собственности, и также дѣлъ о малолѣтныхъ, состоящихъ подъ его опекою».

8) «Такъ какъ въ нынѣшнее время не время опасаться за излишнее усердіе жертвователей въ пользу церкви и монастыря, а между тѣмъ существующій доселѣ порядокъ укрѣпленія недвижимаго имѣнія за церковію или монастыремъ чрезвычайно отяготителенъ: то представляется должнымъ, дабы право церкви и монастыря православнаго вѣдомства оставлено было только въ предѣлахъ, положенныхъ для каждаго частнаго лица и общества, безъ испрашиванія разрѣшенія высочайшаго на каждый слу̀чай» (т. IX ст. 309).

Б. О значеніи духовныхъ лицъ въ гражданскомъ обществѣ.

«1) Священникъ, какъ пастырь своей паствы, есть первое лицо въ своемъ приходѣ.

«2) Такъ какъ помимо религіи никакое общество человѣческое не можетъ имѣть ни благоустройства, ни прочности, а священникъ—проводникъ религіи въ общество: то какъ въ думахъ городскихъ, такъ въ сельскихъ управленіяхъ священнику принадлежитъ право голоса».

«3) Никакого нѣтъ сомнѣнія, что никакое нравственно-исправительное заведеніе не можетъ достигать благихъ послѣдствій, пока въ его управленіи не участвуетъ пастырь-законоучитель. Это ясно и по сущности дѣла, и по опытамъ. Но и въ учебныхъ свѣтскихъ заведеніяхъ существеннымъ и невознаградимымъ недостаткомъ ихъ останется, если законоучитель-священникъ остается безъ права голоса въ ихъ учебномъ и нравственномъ управленіи»

«4) Священникъ въ дѣйствіяхъ, касающихся религіозной жизни народа не долженъ быть стѣсняемъ гражданскою властію, и не вмѣнять ему въ вину, если онъ за тайный грѣхъ и за преступленіе, необнаруженное гражданскимъ судомъ, налагаетъ на согрѣшившаго частную эпитемію, какъ-то временное удаленіе отъ причастія, поклоны, постъ. Еслибы священникъ вопреки долгу допустилъ что-либо оскорбительное для гражданскаго порядка, власть гражданская доводитъ о семъ до свѣдѣнія духовной власти, обязанной преслѣдовать вины духовнаго лица».

«5) Въ общихъ выборахъ уѣздныхъ и городскихъ, когда въ нихъ участвуютъ всѣ сословія мѣстныя, было бы явною несправедливостію и незаслуженнымъ оскорбленіемъ, еслибы въ нихъ не участвовали довѣренныя лица духовнаго сословія».

«6) Членамъ консисторіи, благочиннымъ и депутатамъ для проѣздовъ ихъ по дѣламъ службы, по примѣненію къ ст. 92 т. XI, выдаются изъ казначейства прогонныя деньги: члену консисторіи-архимандриту на 6 лошадей, члену консисторіи протоіерею и священнику на 4 лошади, благочинному на 3 лошади, депутату на 2 лошади».

«7) Протоіереи и священники также, какъ духовные Римско-католическаго исповѣданія (т. IX, ст. 49), удостоиваемые ордена св. Анны, пользуются правомъ личнаго дворянства».

«8) Какъ бы высоко ни поставлены были въ гражданскомъ обществѣ законами гражданскими священники, униженіе духовнаго ихъ начальства не можетъ не падать на все духовное сословіе и не сопровождаться послѣдствіями вредными для самаго гражданскаго общества. На этомъ основаніи необходимо архипастырямъ церкви православной возвратить въ возможной степени древнее значеніе ихъ среди общества Русскаго. Потому а) высшее духовное правительство (Св. Синодъ) должно быть совѣтникомъ высшаго гражданскаго правительства (Государственнаго Совѣта). б) Архипастыри церкви должны быть выведены изъ нынѣшней ихъ скудости, которая оставляетъ ихъ безъ средствъ быть раздавателями милости для бѣдныхъ и иногда и безъ средствъ для содержанія служащихъ имъ. Пусть по крайней мѣрѣ производится намъ жалованье въ томъ числѣ рублей, какое назначено было штатами императрицы Екатерины, хотя дороговизна на всѣ предметы жизни нынѣ противъ тѣхъ временъ возвысилась едва ли не вчетверо».

Можетъ быть, многимъ требованіе Филарета—отвести высшей духовной іерархіи такое положеніе въ сферѣ правительственной покажется очень смѣлымъ, пожалуй, и болѣе того; но здѣсь нужно оговориться. Мы не можемъ заподозрить, чтобы у Филарета въ данномъ случаѣ говорили самолюбіе или тщеславные разсчеты. Мы видѣли, съ какою боязнію смотрѣлъ онъ на тягость и отвѣтственность служенія пастырскаго. Когда въ 1843 году назначенъ былъ инспекторомъ Московской Академіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, Евгеній, безъ управленія монастыремъ, а товарищъ его Алексій, одновременно назначенный ректоромъ Московской семинаріи, получилъ въ управленіе Заиконоспаскій монастырь, Филаретъ писалъ: «Радуюсь объ Евгеніи и такъ какъ люблю душу его, то не желаю, чтобы онъ сколько нибудь думалъ о томъ, что другой получилъ уже и настоятельство. Подобныя радости, а точнѣе несчастія для души, идутъ чередомъ; не нынѣ, то завтра придутъ. А преобразованіе души въ жизни Христовой—вотъ это не такъ легко совершается, тутъ череды нѣтъ; если самъ не забочусь, то дѣло останавливается или даже возвращается назадъ». Но Филаретъ былъ историкъ. Изучая исторію путемъ глу-

бокаго анализа событій, сопоставленія историческихъ эпохъ, знакомства съ бытовыми условіями народа, онъ не могъ ие вынести убѣжденія, что Русское царство слагалось самобытно, ограждансгвованіе Россіи, типъ ея монархіи установились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ церкви. На первомъ шагу, который сдѣлало христіанство въ Россіи, оно встрѣтило во внутреннихъ свойствахъ народа (см. свидѣтельство блаженнаго патріарха Фотія) столько готоваго, сроднаго съ его ученіемъ матеріала, что церковь слилась съ народомъ и стала жить съ нимъ нераздѣльною жизнію. Такое наблюденіе и привело г. Вогюэ къ заключенію, что «Русскій народъ собственно не нація, а церковь». Эти же условія вызвали и замѣчаніе Делингера, что «Русскую церковь ожидаетъ великая будущность». «Съ удивленіемъ мы увидимъ», говоритъ Овербекъ, «какъ постепенно будутъ возникать все болѣе и болѣе важныя послѣдствія для политическихъ судебъ нашей части свѣта отъ тѣснаго союза между православною церковью и Русскимъ государствомъ». Эта тѣсная связь, по его словамъ, должна оказывать самое рѣшительное вліяніе на всю будущность и развитіе государства. Такое преимущество православной церкви онъ ставитъ въ противоположность католической (что̀ весьма поучительно для насъ и вразумительно для нашихъ братьевъ-Чеховъ, силящихся доказать, увы! бездоказательно, противное). Эта связь или вѣрнѣе единеніе народа и государства съ церковью, по мнѣнію того же мыслителя, сформировали исключительное національное чувство у Русскаго народа. Сожалѣя, что Германія не располагаетъ такою счастливою особенностію, Овербекъ говоритъ: «У Франціи сильно національное чувство, но оно утверждается не на религіи, а на славѣ. Англія имѣетъ также не менѣе раззитое національное чувство, но оно утверждается не на религіи, а на свободѣ. Россія же утверждается на вѣрѣ, и потому ее ожидаетъ великая будущность».

Если таково мнѣніе иностранцевъ, добросовѣстно изучающихъ нашу исторію и нашу церковь, то какъ же могъ иначе смотрѣть Русскій человѣкъ, какимъ былъ Филаретъ, почти отъ дѣтства съ увлеченіемъ занимавшійся исторіею своего отечества и своей церкви, и, какъ пастырь ея, самоотверженно служившій и тому и другой?

Если съ завистію смотрѣлъ сторонній наблюдатель на этотъ залогъ силы и могущества нашего отечества, то конечно сторона этихъ счастливыхъ условій заставляла смотрѣть извнѣ на положеніе Россіи съ сильнѣйшими опасеніями. Нужно было съ особенною ловкостію и дальновидностію дѣйствовать, чтобъ эту связь свести съ ея историческаго пути, дабы слова Овербека не явились въ судьбахъ міра грознымъ пророчествомъ. «Самый страшный врагъ-домашній». И вотъ,

вырывая у Русской семьи ея членовъ, организовали изъ нихъ кучку домашнихъ враговъ. Не размышляя о томъ—кому они служатъ, разбрелись они по всѣмъ куткамъ родной земли, стараясь притупить у народа, страшное врагамъ, его завѣтное оружіе. Филаретъ видѣлъ эту работу и дощупывался до ея корня. Онъ понималъ, что противодѣйствовать этой подпольной работѣ можетъ только церковь, и для успѣха ея дѣйствій нужно ее придвинуть къ средѣ правительственной. Онъ вѣрилъ, что свѣтъ ея просвѣтитъ облегающую тьму. Онъ жаловался на «людей—остатковъ XVIII вѣка, которые тѣмъ болѣе дѣлаютъ вреда въ обществѣ, что занимаютъ высокія мѣста, имѣютъ въ рукахъ своихъ власть и голосъ ихъ силенъ». «Платонъ Любарскій воспитанникъ Екатерины, той Екатерины, по милости которой язычество господствуетъ доселѣ во многихъ губерніяхъ, и многія тысячи крещеныхъ до времени Государя Николая I жили и вѣрили опять поязычески. Палерояльская философія ея надѣлала столько зла Россіи, что еще долго будетъ страдать Россія по ея милости, а многое едва ли уже можно исправить по вкоренившемуся образу дѣйствій. Да, оставила по себѣ память Екатерина! Не дай Богъ, чтобы что-нибудь подобное повторилось въ Россіи. Можетъ быть я потому слишкомъ невыгодно думаю, что инаго еще не знаю *). Но при нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ скорблю и негодую». Такъ писалъ онъ Горскому по поводу сужденій о дѣлахъ миссіи. Его слово гремѣло съ его архіерейской каѳедры въ обличеніе исторической неправды ложныхъ ученій, проводимыхъ въ обществѣ. Но этого было недостаточно. Надобно было войти церкви въ тѣсный союзъ съ властію, дѣйствуя въ духѣ единенія, проводя это начало и въ народную жизнь, или, вѣрнѣе сказать, возвративъ ему его мѣсто. Если намъ докажутъ, что Россія съ тѣхъ поръ, какъ мы повернулись спиною къ нашимъ историческимъ опытамъ и стали брать отъ Запада и насаждать у себя верхи по цивилизаціи и государственности, сдѣлала шагъ впередъ въ нравственномъ своемъ развитіи, мы признаемъ ошибку Филарета. Но пока мы, не закрывая глазъ передъ нашимъ настоящимъ, не видимъ такихъ доказательствъ, воздержимся отъ такого приговора.

Еще въ 1858 году Филаретъ писалъ Горскому: «Весьма нужно бы напечатать статью противъ безразличія въ вѣрѣ. Просилъ объ

*) Когда это было писано, только что началось настоящее изученіе Екатерины Великой и ея царствованія. Нынѣ преосвященный Филаретъ несомнѣнно отказался бы отъ этихъ словъ. Что сказалъ бы онъ, узнавъ, напр., что Екатерина написала Житіе преподобнаго Сергія (на дняхъ вышедшее въ свѣтъ)? П. Б.

этомъ здѣшняго митрополита, но не ожидаю исполненія просьбы. Господа ради, печатайте статьи, прямо или косвенно направленныя противъ пагубнаго духа времени. Мнѣ уже не разъ высказывали угрозу, что готовы произвести реформацію Лютерову. Я отвѣчалъ вотъ что: «народъ нашъ, благодареніе Господу, довольно благочестивъ и не послушаетъ васъ». Справедливъ ли отвѣтъ мой? Не подумайте, что угроза высказывалась мнѣ людьми безъ силы и значенія. Нѣтъ, и высказывавшіе съ значеніемъ, и они же высказывали свою угрозу не лично отъ себя, а отъ какого-то большаго общества. Сообщите это о. намѣстнику [1]) и попросите молитвъ его. Предъ вами же повторяю снова просьбу печатать статьи противъ злобнаго духа времени. Скажите объ этомъ о. ректору и о. Петру Спиридоновичу [2]). Если не ошибаюсь, злобное общество думаетъ соединиться съ расколомъ и дѣйствовать съ нимъ заодно. Къ несчастію, многіе изъ бѣлаго духовенства становятся въ ряды враговъ св. церкви».

Вотъ его слово, обращенное къ дворянству весною 1863 года (во время Польской смуты), еще до знаменитой ноты князя Горчакова:

«Сколько крови Русской уже пролилъ домашній врагъ нашъ, всегда бывшій себѣ и намъ врагомъ! Вотъ, по его вызову, и тѣ самые, которые такъ громко кричали о невмѣшательствѣ въ чужія дѣла, вмѣшиваются *въ дѣло наше*. Это уже *оскорбленіе* для Россіи. Но они же грозятъ намъ и мечемъ; они готовы снова истощать Россію губительною войною. Вы понимаете послѣ того, какъ много любви къ святой родинѣ, какъ много самопожертвованія должно быть въ тѣхъ, которые по избранію вашему должны дѣйствовать въ такое время. Для общаго *мое, твое, ихъ* должны быть забыты. Грозны видимыя бѣды. Но нѣтъ ли недовольно примѣчаемыхъ и болѣе грозныхъ? Не ново для Россіи терпѣть бѣды отъ враговъ. Среди бѣдъ росла и крѣпла она, но отъ бѣдъ не ослабѣла, а крѣпла. Почему? Потому, что въ основѣ ея общественной жизни было сильное начало—любовь къ святой родинѣ. Съ этимъ живительнымъ началомъ она счастливо выдержала всѣ политическія бѣды и, имъ оживленная, шла отъ побѣды къ побѣдамъ. Что же теперь? Да не оскорбятся правдивымъ словомъ немощнаго служителя Божія. Насколько нынѣ дорожатъ св. вѣрою? Люди легкіе смысломъ, незнакомые съ опытами жизни, пользуются свободою слова для того,

---

[1]) Архимандритъ Антоній.

[2]) Профессоръ Московской Академіи Делицынъ.

чтобы разрушать основу жизни Русской, которою доселѣ такъ крѣпка была Россія. Потрясая основу государственной жизни нашей, не близятъ ли государство къ разрушенію? Да, нашлись Русскіе, которые стали проводить въ Русское общество посредствомъ литературныхъ органовъ и контрабандныхъ книгъ тѣ самыя начала, которыя уже облили потоками крови Западъ».

Указавъ на задачу нигилистовъ «низводить умнаго до степени неразумнаго», онъ говоритъ: «Подъ часъ чувствуютъ они низость свою и тѣмъ раздражительнѣе, тѣмъ свирѣпѣе бываютъ въ отношеніи къ другимъ. Вотъ каковы болѣзни нашего времени! Несчастный духъ времени готовъ все разрушить: государство, семейство, бытъ каждаго лица. Вотъ противъ чего надобно бороться тѣмъ, кого избираете вы для служенія общественнаго! Много надобно имѣть имъ твердости для добра и разумѣнія добра. Но не удивитесь, если скажу, что все это они будутъ имѣть, ко благу общему, если будутъ избыточествовать *живительнымъ началомъ Русской жизни*, которое такъ слабо стало во многихъ и многихъ.... Цѣль всякаго правленія есть порядокъ, правда, благо. А гдѣ основаніе всякаго блага, порядка, правды? Въ благой, премудрой волѣ Божіей. Итакъ основаніе всякаго благоустройства въ томъ, если не дѣлаютъ и не попускаютъ ничего противнаго волѣ Божіей. Тотъ, кто исполненъ страха Божія, находится у самаго источника разума и премудрости, поелику *начало премудрости страхъ Божій*. Боящійся Господа выше всякаго страха человѣческаго. Страшенъ ли стукъ повозки во время грома? Наглые нечестивцы только жалки для богобоязненной души. Она смѣло говоритъ имъ правду и смѣло сдерживаетъ разнузданную ихъ волю въ обществѣ, семьѣ, наединѣ. Нѣтъ такой жертвы, которой она не была бы готова принести для угрожаемыхъ со стороны нечестія государства и семьи, потому что для нея все это воля Божія».

Такъ недремлющимъ окомъ смотрѣлъ Филаретъ на болѣзненныя явленія времени. Дѣйствуя противъ нихъ обличительнымъ и вразумительнымъ словомъ, онъ въ тоже время будилъ къ тому другихъ и, какъ къ поспѣшествующей силѣ, обращался къ молитвѣ.

О «поповствѣ» писалъ Филаретъ и Могилевскому архіепископу Евсевію, вызванному для присутствованія въ Св. Синодѣ. «Полною душою благодарю васъ за душевное письмо ваше. Надобно, тысячу разъ надобно, архипастырямъ нынѣшняго времени быть между собою въ частомъ и близкомъ общеніи любви. Время требуетъ того болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Къ скорби, не такъ легко это устраивается, какъ бы хотѣлось видѣть. Что дѣлать? Молиться Господу. Нужды времени:

а) читали ли вы печатный проектъ церковнаго Русскаго управленія? На вопросъ о томъ, предложенный при свиданіи Кіевскому митрополиту, отвѣчалъ онъ: нѣтъ. Когда же сказалъ я о содержаніи, что это проектъ лютеранскаго управленія и что попамъ хочется быть независимыми правителями церкви, онъ съ скорбію сказалъ: что-же, пусть управляютъ! По моему грѣшному разсужденію, изъ поповскаго правленія не можетъ выйти ничего, кромѣ разрушенія православія, и что такое правленіе, какъ разрушеніе порядка Апостольскаго управленія церковнаго, всѣми мѣрами должно быть не допускаемо; а потому тѣ, которые имѣютъ какую-либо возможность не допускать его, но допустятъ въ молчаніи, будутъ отвѣчать за то на судѣ Господа Іисуса. Объ этомъ проэктѣ мимоходомъ писалъ я и Петербургскому митрополиту. Но не знаю, въ пользу ли кому-либо? Странное время! По времени надлежало бы обуздывать замашки поповскаго властолюбія; но поповъ гладятъ только по головкѣ, а архіереи только выслушиваютъ Бироновскую резолюцію. Боже мой! Къ чему это идетъ?»

Письмо это даетъ видѣть, что къ проектированной церковной реформѣ митрополитъ Кіевскій относился довольно апатично, и чтобы возбудить его ревность, Филаретъ сдѣлалъ ему страшное указаніе на судъ Божій. Оно же знакомитъ насъ съ необыкновенною энергіею и ревностію Филарета о нерушимомъ храненіи церкви, хотя, не присутствуя въ Св. Синодѣ, онъ не могъ лично возражать проэкту. Благодаря такому живому отношенію къ вопросамъ церковнымъ, Филаретъ и не былъ желателенъ въ Синодѣ, почему, разъ познакомившись съ нимъ, его болѣе и не вызывали. Но мнѣніе его близко пришлось къ душѣ архіепископа Евсевія, котораго, какъ извѣстно намъ, вопросъ этотъ очень занималъ. Архіепископъ Евсевій обладалъ умомъ практическимъ. Онъ прямо и вывелъ вопросъ на этотъ путь, указавъ на возможность такихъ случаевъ: «Архіерей поступитъ въ извѣстномъ дѣлѣ, какъ требуетъ справедливость, а архіерейшу-то разжалобятъ. Глядишь, и архіерей не устоитъ и къ соблазну церкви окажетъ снисхожденіе. А то и такъ можетъ быть: архіерей-то честный, да съ другаго крыльца архіерейша начнетъ принимать прошенія и убѣждать будетъ нѣжнаго супруга погрѣшить противъ справедливости. Какія послѣдствія для церкви?»

И такъ Филаретъ опасался, чтобы не управляли церковью *попы*, а Евсевій предвидѣлъ, что управлять тогда будутъ *попадьи*.

Такія опасенія немало омрачали дни Филарета. Такъ, прочитавъ въ № 135 «Петербургскихъ Вѣдомостей» 1863 г. статью о духовенствѣ, писалъ онъ Горскому: «Сколько нынѣ печатается статей подобныхъ статьѣ № 135. Боже мой, доколѣ гнѣвъ Твой на пасты-

ряхъ Русской церкви? Изъ всѣхъ силъ бьешься, чтобы содѣйствовать лучшему быту священниковъ и другихъ членовъ церковнаго причта; а какой-нибудь Сер—кій пишетъ публичное осужденіе даже распоряженію Св. Синода. А какой-нибудь разстроенный попъ, желающій вмѣсто одной имѣть семь женъ, бросаетъ грязью въ забитаго архіерея, безмолвнаго и безотвѣтнаго. Этотъ бѣдняга борется съ вѣтрогонами изъ-за того, чтобы какъ-нибудь, въ исполненіе начальственнаго распоряженія, притянуть ихъ въ комитетъ для разсужденій о мѣстныхъ нуждахъ духовенства, навлекаетъ на себя гнѣвъ и осужденія ихъ, принимаетъ разные извороты, въ томъ числѣ очень нелегкіе, чтобы достигнуть цѣли. А въ архіереевъ въ награду бросаютъ грязью тѣ самые, за которыхъ они хлопочутъ. Что̀ это такое? Чего ждать отъ такихъ священниковъ? И себя губятъ, и церковь губятъ. Досада увеличивается и отъ того, что поручаешь имъ самимъ составить предположеніе о возвышеніи правъ ихъ, и получаешь жалкую ограниченность смысла. Теперь къ вамъ слово. Что̀ вы молчите? Вы скажете: двѣ статьи напечатаны и не безъ пользы. Правда, за статью Платонова поклонъ въ ноги. За вашу статью о монахахъ-епископахъ—поясной поклонъ. Извините, что не могу принудить себя поклониться до земли. Осторожность ваша, часто очень излишняя, виною того, что неясныя слова лѣтописи, молчаніе лѣтописи вы по обыкновенію своему принимаете за свидѣтельство въ пользу сомнительнаго мнѣнія. Это—логическая несправедливость, которая для жизни оказывается весьма вредною. Простите меня, что говорю о вашей слабой сторонѣ. Высказываю то, что̀ давно хранилось въ душѣ послѣ долгихъ и очень долгихъ наблюденій. Высказываю это особенно потому, что вы теперь имѣете дѣло не съ одними логическими построеніями, а съ дѣлами жизни, почему ошибка логики можетъ быть опасною для св. церкви».

Получивъ отъ преосвященнаго Евсевія свѣдѣнія о вновь назначенномъ оберъ-прокурорѣ, Филаретъ отвѣчалъ ему: «Радуюсь извѣстію вашему о ***. Другаго не ожидалъ я. Но окружающіе? Одинъ добрый человѣкъ, давно извѣстный по добротѣ, на прежней должности растратилъ до 12 милліоновъ учебнаго капитала. Теперь по той же добротѣ доводитъ до разстройства епархіальное управленіе, давая ходъ всякой странной жалобѣ, даже и несогласной съ закономъ, Другой выставляетъ изъ себя строгаго блюстителя порядковъ экономическихъ, но не понимаетъ и азбуки церковнаго правленія, съ жаромъ, по первому слуху (не по документамъ) хватается за дѣла, до которыхъ рѣшительно нѣтъ никакого ему дѣла, а свои дѣла путаетъ до смѣха. Помоги Господи графу привести дѣла въ порядокъ!»

«Ни для кого не была тайною частная и домашняя жизнь почившаго; но, по нашей мелочности и недальновидности, мы не всегда могли понять и цѣнить ее надлежащимъ образомъ. Мы знали безпримѣрное его трудолюбіе; оно изумляло насъ и не могло не изумлять: ни въ себѣ, ни около себя мы ничего никогда не видѣли подобнаго. Но, безплодно изумляясь, мы не думали ни подражать ему, ни помогать ему. Мы съ трудомъ могли слѣдить за разнообразными предметами его вѣдѣнія и дѣятельности; разнообразіе ихъ граничило со всеобъемлемостію. Все, что̀ касалось мысли и жизни, на все онъ отзывался». «Но такой свѣтъ вѣдѣнія и опытности очень мало озарялъ нашу умственную и нравственную темноту».—«Его требованія отъ подчиненныхъ были невсегда и невполнѣ исполняемы. Почему? Конечно многое по нерадѣнію и лѣности исполнителей, но многое отъ того, что его понятія и требованія далеко превышали наше развитіе, наши стремленія. Онъ былъ для насъ недосягаемъ... Кому благопріятныя обстоятельства позволяли видѣть близко почившаго, тотъ не можетъ не сознаться, по собственному опыту, что снисхожденіе его къ немощамъ равнялось только его всестороннему превосходству надъ нами. То обстоятельство, что не только немногіе могли помогать, но и понимать его, было причиною того, что онъ самъ съ безмолвнымъ самоотверженіемъ несъ ее на своихъ мощныхъ раменахъ. Самоотверженію его, казалось, не было предѣловъ; оно было для насъ невѣроятно; мы, судя о всѣхъ по себѣ, искали другихъ причинъ его безпримѣрной жизни и дѣятельности, подозрѣвая причины, по которымъ большею частію дѣйствуемъ сами. Вѣчная память тебѣ со всѣми незабвенными просвѣтителями и благодѣтелями человѣчества! И да забыты будутъ наши немощи и наши неправды предъ тобою!»

Вотъ смиренная исповѣдь и правдивое слово къ характеристикѣ и дѣятельности Филарета, произнесенныя самымъ близкимъ сотрудникомъ его по образованію Черниговской паствы.

Когда земля скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ тѣлесную одежду человѣка, по большей части только тогда открывается для всѣхъ его нравственный обликъ. По крайней мѣрѣ это удѣлъ большинства смиренныхъ тружениковъ на пользу человѣчества. Только по смерти Филарета стали отдавать ему дань, изучая его и изумляясь ему. Только тогда, умолкшая передъ его гробомъ, клевета дала просторъ и свободу слову правды и удивленія.

Въ частной жизни святитель былъ простъ и нетребователенъ. Никогда почти не садясь за обѣденный столъ, по крайней мѣрѣ никогда не досиживая до конца обѣда, онъ принималъ пищу какъ бы мимоходомъ. Нерѣдко гостю приходилось почти голоднымъ выходить отъ

Филаретовскаго обѣда. Бывало, человѣкъ долго стоитъ съ блюдомъ возлѣ архіерея, а тотъ въ бесѣдѣ и не замѣчаетъ этого. Взявъ себѣ немного на тарелку кушанья, онъ, почти не касаясь его, продолжаетъ бесѣду. Гостя стѣсняло ѣсть во время такой бесѣды, а тамъ человѣкъ приметъ тарелку архіерея, а за нею и гостя. Самъ Филаретъ, увлекаясь разсказомъ, этого не замѣчалъ. Но, голоднымъ выходя отъ стола, гость съ удовольствіемъ принималъ вторичное приглашеніе на обѣдъ: такъ много поучительнаго и интереснаго представляла бесѣда святителя. Когда онъ жилъ въ Елецкомъ монастырѣ (обыкновенно въ зимнее полугодіе), кому доводилось въ числѣ послѣднихъ выходить изъ его крестовой церкви, тотъ могъ, благодаря неплотно прилегавшей къ окну шторѣ, видѣть въ окно Филарета въ его рабочемъ кабинетѣ. Это была маленькая съ однимъ окномъ комната и чуть-ли ни съ однимъ стуломъ. У окна стоялъ столъ, заваленный книгами, изъ коихъ многія были развернуты. Передъ столомъ сидѣлъ, углубленный въ свою работу, Филаретъ; передъ нимъ горѣли двѣ свѣчи и подъ рукою лежалъ пестрый фуляровый платокъ. Иногда ночью, среди занятій, великій труженникъ чувствовалъ голодъ, шелъ въ комнату, занимаемую послушниками (которые, слышавъ его, притворялись обыкновенно спящими), отворялъ шкафъ, доставалъ черный хлѣбъ, отрѣзывалъ ломоть и, посоливъ, ѣлъ, запивая водою. Утоливъ такимъ образомъ голодъ, онъ опять садился за прерванную работу. Тщедушный и слабый отъ дѣтства, онъ занимался такъ много, что никогда не спалъ болѣе пяти часовъ въ сутки. Даже утомительная дорога не отнимала у него болѣе этого времени для отдыха. Возвращаясь, напримѣръ, изъ Москвы (съ пятидесятилѣтняго юбилея Академіи) осенью 1864 года, онъ, проѣхавъ 500 верстъ, прибылъ въ Клинцы въ полночь. Отказавшись отъ ужина, онъ выпилъ только чаю. Былъ часъ ночи, когда онъ легъ, и его келейникъ попросилъ у хозяина лисьей шубы ему укрыться. Хозяинъ пользовавшійся расположеніемъ къ нему Филарета, поужинавъ съ духовенствомъ, замѣтилъ еще огонь у своего гостя-архипастыря. Заглянувъ въ спальню, онъ увидѣлъ Филарета сидящимъ на диванѣ, на которомъ устроена была ему постель, съ протянутыми ногами и прислонившимся спиною къ подушкамъ. Онъ весь и грудь, для которой вѣроятно и требовалась особенная теплота, былъ укрытъ лисьей шубой. На столикѣ горѣла свѣча, а онъ дрожалъ. Въ пять часовъ утра онъ уже былъ въ церкви, слушалъ утреню, а послѣ ранней обѣдни выѣхалъ въ Черниговъ, до котораго оставалось почти 200 верстъ.

Будучи умѣренъ въ пищѣ, онъ не отказывался однако отъ общественныхъ обѣдовъ. Люди близорукіе объясняли это его желаніемъ весело пообѣдать. Какъ бы ни былъ онъ занятъ, онъ всегда охотно удѣ-

лялъ время для бесѣды. Съ младенческою вѣрою, набожный безъ ханжества, постникъ въ своей келіи, онъ радовался бесѣдѣ вѣрующаго, какъ бы обрѣтая сокровище. Вотъ почему онъ не скрывался отъ людей. Онъ не избѣгалъ общества, потому что любилъ человѣка какимъ онъ есть, со всѣми его слабостями, считая себя послѣднимъ передъ Богомъ. Но не выносилъ онъ неправды. Глубоко печалили его вольномысліе, распространявшееся въ обществѣ, и упадокъ религіознаго чувства. Мы упомянули о рѣчи его дворянству въ 1863 году. Извѣстно намъ, какъ наканунѣ открытія дворянскаго собранія въ 1866 году онъ говорилъ одному помѣщику: «люблю я дворянство; но вотъ завтра долженъ служить, приводить къ присягѣ, и ничего не могу ему сказать; такія идеи распространяются среди его»... Говорилъ онъ это съ грустію, покачивая склоненною головою. «Если вы это находите, владыко», замѣтилъ его собесѣдникъ, «значитъ, теперь-то и время вамъ говорить». Филаретъ задумался немного. «Не знаю, не знаю, посмотрю», сказалъ онъ. Но все-таки слова онъ не произнесъ. На слѣдующій затѣмъ день онъ присутствовалъ на офиціальномъ обѣдѣ у губернскаго предводителя. Помѣщикъ, съ которымъ былъ приведенный разговоръ, сидѣлъ противъ него. «Памятенъ вамъ, владыка, нашъ разговоръ, бывшій третьяго дня?» — «Помню». — «Я могу къ утѣшенію вашему указать на два факта: вчера повѣрялись права дворянъ на участіе въ собраніи; былъ вопросъ: допустить-ли къ участію въ собраніяхъ дворянина, позволившаго себѣ выбранить свою мать? Единогласный отвѣтъ—не допускать». Филаретъ поклонился. «Былъ второй вопросъ», продолжалъ тотъ же помѣщикъ, «допустить-ли дворянина, позволившаго себѣ въ нетрезвомъ видѣ выстрѣлить въ крестъ? Отвѣтъ былъ единогласный—нѣтъ». Филаретъ опять поклонился. А когда, сидѣвшій возлѣ него, губернскій предводитель подтвердилъ это, онъ порывисто его обнялъ и поцѣловалъ. Тостъ за здоровье Государя былъ принятъ восторженно. Долго не смолкало «ура». А Филаретъ стоялъ, склонивъ голову, и набожно крестился. Послѣ обѣда въ гостинной группа дворянъ усѣлась возлѣ него. Онъ велъ тихую бесѣду видимо съ удовольствіемъ. Одинъ изъ помѣщиковъ обратился къ нему съ изъявленіемъ сожалѣнія, что мы не имѣемъ случая категорически высказать ему то глубокое уваженіе, которое питаетъ къ нему дворянство. «Другъ мой!» задумчиво произнесъ Филаретъ, «вонъ о чемъ надо думать» (онъ показалъ на небо), «а это все пустое».

Несмотря на то, что Филаретъ отличался очень слабымъ тѣлосложеніемъ и уже жаловался на усталость, чего прежде съ нимъ не бывало; но все-таки, повидимому, онъ былъ еще довольно бодръ. Онъ скоро и легко ходилъ, спускался къ Антоніевымъ пещерамъ и подни-

мался по крутой горѣ къ могильнымъ курганамъ (временъ язычества), что̀ возлѣ его Троицкаго монастыря.

Въ это время въ Кіевѣ уже начинала свирѣпствовать холера, грозя посѣтить и сосѣднюю губернію Черниговскую. Она уже стучалась въ двери. Наконецъ проникла она въ южные уѣзды губерніи, подвигаясь болѣе и болѣе къ Сѣверу. Преосвященный Филаретъ возымѣлъ намѣреніе обозрѣть чуть-ли не половину епархіи. Его отговаривали. Такъ какъ порядокъ жизни и привычки нарушались въ дорогѣ, то съ этой стороны ему и представляли опасность. «Теперь-то я нахожу мою поѣздку благовременною и благопотребною», отвѣчалъ на такія предостереженія Филаретъ: «народъ упалъ духомъ; его слѣдуетъ ободрить». Такъ въ служеніи своей паствѣ Филаретъ былъ способенъ дойти до самоотверженія, которымъ и запечатлѣлъ свои земные подвиги.

5-го Августа 1866 года, въ пять часовъ утра, Филаретъ выѣхалъ изъ Чернигова. Маршрутъ его, разсчитанный по днямъ, доведенъ былъ до Ущербья, Суражскаго уѣзда, на 17 Августа. Далѣе чи́сла не были опредѣлены, изъ чего надо было заключить, что въ Ущербьи предполагалъ онъ дать себѣ отдыхъ въ семьѣ любимаго имъ помѣщика. Провожая его, помощникъ исправника спросилъ: «Такъ прикажете ожидать ваше преосвященство въ Черниговѣ 18-го?—«Какъ-такъ 18-го?—«Да вы изволили такъ написать».—«Какъ это случилось и самъ не знаю! Вѣдь я самъ составлялъ маршрутъ.... Какъ же это такъ вышло?»... На этомъ и окончился разговоръ, и отвѣтомъ были послѣдующія событія. 6-го, въ день Преображенія Господня, онъ служилъ въ г. Борзнѣ. Въ с. Загоровкѣ въ тотъ же день онъ слушалъ всенощную, а 7-го утромъ прямо къ служенію прибылъ въ с. Фастовцы, гдѣ совершалъ освященіе храма. Отъ Херувимской пѣсни до пріобщенія обыкновенно видали его въ слезахъ; тутъ, въ продолженіи всей этой, послѣдней въ жизни его, литургіи, слезы текли изъ глазъ его, а во время совершенія св. Даровъ и пріобщенія св. Таинъ онъ неудержимо заливался слезами, такъ что навелъ трепетъ на предстоящихъ. Обѣдая у мѣстнаго священника, онъ много говорилъ о нареканіяхъ, коимъ подвергается духовенство. Съ силою и убѣжденіемъ опровергалъ онъ обвиненія, указывая, какъ трудно служеніе пастырское и по высотѣ его задачи, и по борьбѣ съ невѣжествомъ и предразсудками, при скудости средствъ къ жизни и къ образованію. Послѣ обѣдни одинъ изъ созидателей церкви испрашивалъ у Филарета благословенія на пріобрѣтеніе новаго колокола, больше вѣсомъ противъ существующаго. Филаретъ, поцаловавъ его и священника въ голову, сказалъ имъ въ отвѣтъ: «Колоколъ и настоящій собираетъ

вѣрующихъ на молитву; такъ вмѣсто новаго колокола лучше будетъ жертва Богу, если перенесется вашъ старый храмъ на кладбище. Намъ, старикъ, съ тобой недолго жить: такъ вотъ и для насъ, и для другихъ будетъ полезнѣе, какъ будетъ церковь на кладбищѣ». Никому на мысль не приходило, что эти слова оправдаются на Филаретѣ съ поразительною быстротою. Вообще же всю дорогу онъ много говорилъ о смерти, какъ бы готовясь къ ней. Изъ Фастовцовъ послѣ обѣда онъ выѣхалъ въ с. Бальмачевку. Тутъ, встрѣтивъ священника І. Я—го, бывшаго блогочиннаго, съ трогательнымъ смиреніемъ просилъ онъ его простить ему, что незаслуженно лишилъ его благочинія. Мы упоминали, что священникъ этотъ былъ оклеветанъ. Осмотрѣвъ церкви въ Рожновкѣ, Парафіевкѣ, на ночь прибылъ онъ въ с. Коченовку къ помѣщику Т. Никогда не ужиная, Филаретъ, вѣроятно чувствуя слабость, думалъ пищею подкрѣпить свои силы и не отказался отъ ужина. На другой день, 8-го, онъ, позавтракавъ у Т., поѣхалъ въ с. Рубанку и посѣтилъ помѣщика Р., котораго, какъ извѣстно намъ, любилъ. Усердный его почитатель предложилъ ему обѣдъ. Филаретъ не могъ ему отказать, чѣмъ опять нарушилась его привычка: онъ принималъ пищу обыкновенно разъ въ день. Выѣхавъ отъ Р., онъ почувствовалъ себя уже очень не хорошо. Упадокъ силъ и другіе симптомы давали понять, что онъ вступаетъ въ страшныя объятія Кіевской гостьи. Онъ жаловался, что непривычная и несвоевременная пища его разстроила.

Прибывъ въ 7 часовъ вечера въ г. Конотопъ, Филаретъ, не взирая на крайній упадокъ силъ, посѣтилъ еще двѣ церкви. Вошелъ онъ въ Успенскую церковь и чувствуетъ, что не можетъ стоять. «Отдохну я у васъ», сказалъ онъ. Ему подали стулъ. Онъ сѣлъ, просмотрѣлъ на-скоро церковныя книги и поспѣшилъ въ соборъ. Тамъ тоже не долго оставался. Кто успѣлъ принять его послѣднее благословеніе и облобызать его руку, замѣтили, что рука святителя была холодна какъ ледъ. А на лицѣ его уже не было той кроткой улыбки, которою привѣтствовалъ онъ всякаго и къ которой привыкли всѣ его знавшіе. Изъ собора онъ проѣхалъ къ протоіерею, о. Стефану Ивашутичу. Сейчасъ же попросилъ онъ чаю и покоя. Но еще не подали ему чаю, какъ сильные приступы болѣзни сложили его въ постель. Послали за докторомъ. Докторъ и присутствующіе не столько удивлялись безуспѣшности медицинскихъ пособій, сколько терпѣнію, съ какимъ переносилъ страданія архипастырь, не перестававшій молиться и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Только по временамъ онъ утолялъ жажду и тошноту кусочками льда. Въ 12 часовъ ночи послали за другимъ докторомъ. Но больной сознавалъ свое безнадежное положеніе и въ

первомъ часу ночи, подозвавъ къ себѣ настоятеля Крупецкаго монастыря, архимандрита Августина, сказалъ ему: «исповѣдуй меня». О. Стефанъ, узнавъ отъ доктора о безнадежномъ положеніи своего архипастыря, подошелъ къ нему и, напомнивъ о его собственномъ наставленіи совершать надъ болящими соборованіе, просилъ разрѣшить его пособоровать. «Хорошо. Дѣлайте что́ нужно; но скорѣй, скорѣй, скорѣй: мнѣ худо. А вы, докторъ, будьте тутъ». А самъ все крестится и молится; то пожметъ руку доктору, ослабѣвшею, похолодалою рукою, то возьметъ его за плечо. Это выраженіе признательности врачу было послѣднею данью землѣ... Въ два часа ночи приступили къ соборованію. Во время чтенія седьмаго Евангелія начались его предсмертныя страданія. Въ пятомъ часу утра стали читать канонъ на отходъ души, а въ пять часовъ не стало Филарета. Осталось только его имя, которое съ благоговѣніемъ должно передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію въ признательной памяти соотечественниковъ. Двѣнадцати-кратно раздавшійся звонъ соборнаго колокола тяжелымъ эхомъ отозвался въ сердцахъ осиротѣлой паствы....

Или утомленное безсонною ночью и тревогою, или напуганное страшною болѣзнію, опасности которой не сознавались до того времени, духовенство не скоро собралось отслужить панихиду надъ тѣломъ своего архипастыря. И первый, пожелавшій помолиться и отслужить панихиду, былъ помѣщикъ Р.

На слѣдующій день, 10-го Августа, тѣло Филарета, положенное въ бѣломъ глазетовомъ гробѣ, было внесено въ соборъ, а на пятый день, послѣ литургіи и панихиды, гробъ этотъ былъ поставленъ въ другой, бо́льшій, обитый желѣзомъ. Этотъ гробъ, накрытый чернымъ сукномъ съ бѣлыми позументами, поставили на дроги, запряженныя въ 6 лошадей цугомъ, и такъ повезли, подъ сѣнію рипидъ, тѣло святителя въ Черниговъ. Въ то время въ Конотопѣ уже началась Успенская ярмарка. Изъ опасенія холеры ярмарка была расположена за городомъ. Передъ отбытіемъ тѣла, ярмарка опустѣла: всѣ побѣжали къ собору. Версты 2—3 ярмарочный людъ провожалъ гробъ за городомъ. Не любопытство влекло народъ. Нѣтъ! Тутъ-то сказалась духовная связь народа съ его «добрымъ пастыремъ», раскрывъ смыслъ слезъ, которыя такъ обильно текли изъ глазъ святителя при молитвѣ за себя и за свою паству. Въ народѣ только слышны были возгласы: «Прости нашъ владыка, прости владыка, прости»... Да, можно было видѣть, какъ набожно осѣнялъ себя народъ крестнымъ знаменіемъ. Это было такое торжественное шествіе, съ какимъ не сравнятся шествія царей, вождей и побѣдителей, потому что здѣсь соединялась земля съ небомъ... Отъ одной церкви до другой провожали гробъ съ

хоругвями и крестнымъ ходомъ, при неумолкаемомъ пѣніи лика. А народъ, смѣняя одинъ другаго, въ числѣ 10—12 тысячъ, сопутствовалъ гробу отъ Конотопа до Чернигова, 180 верстъ. За 20 и болѣе верстъ народъ шелъ къ пути слѣдованія гроба отдать послѣдній долгъ усопшему. Кто оповѣщалъ народъ и что̀ звало его къ этому гробу, что̀ на простыхъ дрогахъ, прикрытый чернымъ сукномъ, двигался мѣрнымъ ходомъ по дорогѣ къ Чернигову? И дивное дѣло—ни одного холернаго случая! И забыли всѣ объ этомъ страшномъ бичѣ. Холера и не доходила до Чернигова, и прекратилась. Филаретъ какъ бы отдалъ себя въ искупленіе за многихъ. Кто разгадаетъ смыслъ его поѣздки, его постояннаго воспоминанія о смерти, его молитвы и рыданій за послѣдней литургіей?...

18-го Августа въ 10 часовъ утра, на берегу рѣки Десны, въ трехъ верстахъ отъ города, гробъ былъ встрѣченъ Кіевскимъ викаріемъ епископомъ Порфиріемъ съ многочисленнымъ духовенствомъ и всѣми, можно сказать, жителями города, начиная отъ представителя администраціи. Какъ только съ парома свезли гробъ, вся многотысячная толпа народа заколыхалась. Гробъ остановился. Оказалось, что народъ отпрягъ лошадей, желая самъ везти гробъ своего архипастыря. Когда этотъ гробъ остановили для литіи на Красномъ мосту, противъ зданія семинаріи, сооруженнаго усопшимъ святителемъ, то примкнули къ шествію воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній и духовнаго дѣвичьяго училища, основаннаго тѣмъ же святителемъ. «И Боже, какъ плакали дѣти!» восклицаетъ очевидецъ.

19-го, послѣ отпѣванія, колесницу съ гробомъ народъ опять повезъ на себѣ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія святителя, къ Троицко-Ильинскому монастырю, отстоящему въ 4-хъ верстахъ отъ собора. Здѣсь подъ самымъ престоломъ Троицкаго храма была приготовлена могила. Надъ гробомъ Филарета устроенъ каменный надгробникъ въ видѣ продолговатаго престола. Въ ногахъ у святителя поставленъ, усердіемъ игумена Нѣжинскаго монастыря, большой крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа, а въ головахъ утверждена икона,—усердное приношеніе одного помѣщика,—съ изображеніемъ Спасителя во славѣ и надписью: «*Идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ*». Эта усыпальница представляетъ недостроенный храмъ. Онъ оштукатуренъ, своды его мѣстами украшены лѣпною работою, гладкій каменный полъ. Словомъ, не достаетъ только иконостаса и печей, да болѣе удобнаго входа, чтобъ превратить эти катакомбы въ теплый храмъ. Несомнѣнно, рано или поздно, это устроится, и надъ гробомъ ревностнаго слуги Христова будетъ со временемъ возноситься безкровная жертва. Такое

мѣсто для своего упокоенія, можно сказать, выслужилъ, вымолилъ и выплакалъ Филаретъ.

Въ установленное время было вскрыто и прочитано слѣдующее завѣщаніе Филарета:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. По благости Твоей, Господи, Ты открылъ человѣку все необходимое для спасенія его. По премудрости Твоей Ты скрылъ отъ него день и часъ смерти его, чтобы каждый день и часъ готовились мы къ отвѣту за дѣла свои. Благодарный къ благости Твоей и благоговѣйный предъ мудростію Твоею, на случай смерти моей, въ полномъ смыслѣ и памяти, пишу завѣщаніе моею рукою».

«1) Предъ Тобою, Господи, должникъ я неоплатный. Благодѣянія и милости, излитыя Тобою на меня недостойнаго, необозримы; а я платилъ и плачу́ за любовь Твою нечестіями сердца. Агнче Божій, вземляй грѣхи міра, покрой долги моя предъ правдою Отца Твоего! Заступница христіанъ, благая Матерь Сына Божія, не оставь меня недостойнаго, защити меня грѣшнаго Твоею молитвою къ Сыну и Богу Твоему».

«2) Прошу и молю всѣхъ, кого когда-либо, намѣренно или ненамѣренно, оскорбилъ или навелъ на грѣхъ, простить меня по любви христіанской и помолиться за меня недостойнаго. Если же кто и предо мною остался должнымъ, въ чемъ бы то ни было, молю Господа не только не вспоминать о долгѣ его́, но воздать ему щедротами благодати. Всѣхъ прошу для любви христіанской поминать меня въ молитвахъ».

«3) Книги мои, которымъ есть каталогъ, написанный моею рукою, отдать въ библіотеку семинаріи той епархіи, гдѣ застанетъ меня смерть. Если противъ каталога не окажется на лицо какихъ-либо книгъ, за недостатокъ ихъ не взыскивать ни съ кого. Туда же поступятъ и всѣ рукописи, въ томъ числѣ дѣла, относящіяся къ Лифляндской церкви [1]). Прошу за сіе приношеніе творить о мнѣ поминовеніе въ Субботу передъ Сырною недѣлею» [2]).

«4) Изъ денегъ двѣ тысячи рублей назначаю въ пользу общежитія Хорошевскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы монастырь пользовался процентами съ капитала, а капиталъ всегда находился въ кредитномъ установленіи. Если найдутся при смерти моей, то двѣ тысячи назначаю отдать въ кредитное установленіе, съ тѣмъ, чтобы процентами пользовались дѣти роднаго брата моего о. дьякона Василія, Григорій

---

[1]) Къ сожалѣнію, всѣ дѣла и переписка Филарета изъ семинарской библіотеки исчезли.

[2]) Время установленное церковью для поминовенія усопшихъ.

и Иванъ, а по смерти ихъ проценты по распоряженію Св. Синода имѣютъ поступать въ пользу сиротъ, воспитанниковъ Тамбовской семинаріи».

«5) Собранныя вещи столовыя всѣ останутся въ пользу старшаго сына брата моего, священника Григорія Гумилевскаго».

«6) Если кромѣ всего помянутаго найдены будутъ у меня деньги и вещи мои собственныя, то все употребить въ пользу Харьковскаго духовно-сиротскаго училища дѣвицъ, которому предоставляю право издавать въ свою пользу мои сочиненія и переводы въ опредѣленный закономъ срокъ».

«Филаретъ епископъ Харьковскій и Ахтырскій.

«Написано моею рукою 1853 года Декабря 21-го дня».

И въ завѣщаніи своемъ Филаретъ не измѣнилъ своему правилу: ставить выше всего благо и пользу общую или многихъ.

Капитальными трудами Филарета за послѣднія семь лѣтъ жизни его, т.-е. за время управленія его Черниговскою епархіею, были: «Историческій обзоръ пѣснопѣній и пѣснопѣвцевъ Греческой церкви, съ примѣчаніями и снимками древнихъ нотныхъ знаковъ», «Обзоръ Русской духовной литературы» (отъ 1720—1858 г.) и «Дополненіе» къ нему (по 1862 г.), «Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно», «Св. подвижницы Восточной церкви», «Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи» и много статей по разнообразнымъ предметамъ. Къ этому же времени относится изданіе его знаменитаго «Догматическаго Богословія», «Историческаго ученія объ отцахъ церкви» и въ сокращенномъ изложеніи «Исторія Русской церкви». Онъ же положилъ основаніе изданію «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій», въ которыхъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Тамъ, между прочимъ, онъ помѣщалъ очень много библіографическихъ замѣтокъ и статей о современныхъ вопросахъ общественной жизни.

/ Его любознательность и разнообразіе предметовъ его знаній были дѣйствительно изумительны. Стоитъ посмотрѣть на каталогъ его собственной библіотеки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Тамъ были и всевозможные журналы свѣтской литературы за нѣсколько лѣтъ, и юридическія сочиненія, или напримѣръ Азанчевскаго «Сатирическіе журналы 1763—1774 г.», Императрицы Екатерины «Были и небылицы», Снегирева «Русскія пословицы», «Объ электро-магнитныхъ телеграфныхъ линіяхъ» и т. д. Не говоримъ о замѣчательныхъ отдѣлахъ богословскомъ и историческомъ. И все это онъ читалъ. На многія статьи литературныхъ журналовъ онъ отвѣчалъ своими критическими замѣчаніями. Даже «Пословицы» Снегирева къ нему попали не случайно.

Онъ составилъ изъ нихъ статью «Народная мудрость», извлекши для поученія все, что говорилось въ нихъ о Божествѣ, о вѣрѣ, о спасеніи и (ненавистной ему) тяжбѣ.

Въ трудахъ Филарета поражаетъ масса критическихъ статей и замѣтокъ. Это была особенность его таланта: пытливо относиться ко всякому предмету, все провѣрять путемъ критики. Такой способъ отношенія къ прочитанному, облегчая усвоеніе его памятью, до такой степени развилъ у него послѣднюю способность, что онъ изумлялъ ею всѣхъ. Рѣдкое письмо его къ Горскому не заключало какой-либо критической замѣтки. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы ближе познакомиться съ оригинальностью его выраженій, его таланта, его взгляда.

«Признаюсь искренно, что Могила *) мнѣ очень не нравится по образу мыслей и нѣкоторыхъ дѣлъ; да и почти ничего нѣтъ у него собственнаго, а все, что названо его именемъ, принадлежитъ не ему. Потому мнѣ очень не хотѣлось бы, чтобы дано было ему почетное мѣсто между учителями и просвѣтителями церкви. Папистическій энтузіазмъ или фанатизмъ не даютъ права на такое званіе».

«Съ удовольствіемъ, большимъ удовольствіемъ прочелъ твою статью о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ (Горскій посылалъ ему рукопись). Сдѣлалъ кое-какія замѣчанія. Мнѣ кажется, что временемъ статьи надобно положить конецъ X-го вѣка. Это такъ и по извѣстію объ Адальбертѣ, и по выпискамъ Нестора. Что касается до мысли, что будто слова о Русскомъ Евангеліи вставлены Русскимъ, то она мнѣ несовсѣмъ представляется близкою къ правдѣ. У насъ вставокъ не дѣлали, да и некому было дѣлать. Правда, въ лѣтописяхъ это случалось; но о жизни святыхъ едва-ли можно утверждать туже мысль. Мнѣ кажется, что мысль о Русскомъ Евангеліи и замѣчанія о началѣ Русской грамоты просто мысль недальноумнаго жизнеописателя. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что жизнеописатель точенъ въ своемъ повѣствованіи, выставляетъ обстоятельства, которыхъ исторической вѣрности опровергать нельзя) онъ имѣлъ и средства говорить истину; но согласитесь съ тѣмъ, что онъ не великій философъ и не глубокій богословъ; онъ немногимъ стоитъ выше современныхъ ему писателей легендъ темнаго Запада. Присовокупите къ тому и ту вѣроятную мысль, что онъ имѣлъ въ виду защищать достоинство Славянскаго письма отъ нападеній злыхъ псовъ-Нѣмцевъ. По крайней мѣрѣ мысль о сверхъестественномъ происхожденіи Русской грамоты отзывается этимъ недальновиднымъ

---

*) Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій.

благочестіемъ. До того ему дѣла нѣтъ, что въ другомъ мѣстѣ самъ же проговаривается онъ, что у Славянъ нѣтъ письма. Это вещь сторонняя, нужная для другой бесѣды».

«Другая мысль, не высказанная въ замѣчаніяхъ, относится къ тому, чтобы какъ можно чаще и точнѣе говорить словами жизнеописаній, да и нигдѣ не опускать указаній на жизнеописаніе. Мнѣ кажется, что вы очень много заботились о краткости и сжатости. Фразы легендъ — лишняя пристройка. Ихъ прочь! Но, пожалуста, не опускайте ни одного самаго малаго обстоятельства, сколько бы оно ни было частно. Вы знаете, что энтузіасты слишкомъ дорожатъ каждою щепочкою старины. Да и нельзя иногда и винить ихъ въ томъ. Неважное для насъ важнымъ можетъ быть для другихъ».

Неизвѣстны намъ подробныя «замѣчанія» Филарета, но дальнѣйшая переписка его даетъ понять, что съ изложеннымъ выше мнѣніемъ Горскій не соглашался, и Филаретъ писалъ ему:

«О жизнеописателѣ Кирилла и Меѳодія остается предоставить времени сказать рѣшительное и вѣрное. Теперь, при недостаткѣ фактовъ въ защиту моего или твоего мнѣнія, нельзя рѣшить, кто изъ насъ съ тобою правъ и кто виноватъ. Теорія прочна (въ исторіи), когда основана она на несомнѣнныхъ и многихъ случаяхъ; иначе будетъ волненіе мыслей, не болѣе. Здѣсь же пока не столько у насъ случаевъ, чтобы выдти могло прочное построеніе. Замѣчу еще о нашихъ древнихъ повѣствователяхъ, что прибавленія и вставки въ жизнеописаніяхъ пока не обличены. Не разумѣю того, чтобы у насъ послѣ одного жизнеописанія не являлось другаго; но другой жизнеописатель намъ является обыкновенно въ другомъ кафтанѣ и всего чаще разряженнымъ по примѣру позднихъ Греческихъ сшивателей великолѣпно-пустыхъ фразъ.»

Но не всегда и не вездѣ требовалъ Филаретъ такихъ подробностей, какъ въ статьѣ о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Здѣсь онъ считалъ ихъ полезными ради новизны предмета и споровъ, для рѣшенія которыхъ могъ быть пригоденъ и частный, незначущій на первый взглядъ, фактъ. Тамъ же, гдѣ по его взгляду нужна была сила и блескъ статьѣ, словомъ нужно произвести впечатлѣніе на читающаго, онъ одобрялъ сжатость изложенія, предоставляя мысли читающаго работать. Такъ писалъ онъ о статьѣ Горскаго «Описаніе Сергіевской Лавры»: «Кратко, но сильно, есть о чемъ подумать. Быть можетъ тѣ, которымъ думать — Египетская работа, и недовольны будутъ краткостію; но объ иномъ нельзя говорить пространнѣе, другое не стоитъ многихъ словъ, а потому жалобы — пустяки».

Иногда, разбирая статьи, Филаретъ, подобно своему учителю, доходитъ до мелочей. Такъ, одобряя мысль напечатать слова Серапіона,

онъ замѣтилъ Горскому: «Переводъ чистъ, но одно мѣсто особенно бросилось въ глаза; слова «восхищени быша» переведены «погибли». Это далеко отъ точности. Почему же не сказать «внезапно взяты»? Придирка. Простите. Простите и за то, что̀ скажу. Слово Юліанъ, повторенное до десяти разъ въ замѣчаніяхъ *) и большею частію сряду, немножко странно. Если не встрѣтилось ничего, что̀ надобно было бы прибавить, хотя бы для избѣжанія однозвучія, лучше было бы не повторять сего слова. Почти тоже—Галлъ. Грѣхъ переводчика или издателя, не помню. Но издателямъ во всякомъ случаѣ не легче. Замѣчанія къ переводу на переводчика или издателя падаютъ нелегкою тяжестію. Глазъ критика всего легче пробѣгаетъ ихъ. Съ своей стороны желалъ бы, чтобы были вы болѣе щедры на замѣчанія. Это нужно. Читатель скажетъ вамъ спасибо, если вы не только помогли ему въ уразумѣніи сочинителя, но и подарили его двумя-тремя новыми мыслями».

Поблагодаривъ Горскаго за замѣчанія на статью его о Златоустомъ, онъ пишетъ: «Одно замѣчаніе считалъ бы ненужнымъ, это относительно чудесъ. Мнѣ самому случилось слышать отъ одного монаха, добраго и разсудительнаго: почему «Христіанское Чтеніе» ничего не сказало о чудесахъ Златоуста, о коихъ говорится въ Четьи-Минеи? Предполагаю, что вопросъ монаха можетъ измѣнить мысль издателя на счетъ спроса читающей публики. Если пустынный монахъ предложилъ вопросъ любопытства, что̀ же сказать о другихъ? Читающіе житія святыхъ послѣ Четьи-Минеи прежде всего потребуютъ, почему такъ и не иначе говорится о святомъ? Недовѣрчивость къ Четьи-Минеи со стороны ученой довольно обща, почти столько же, сколько и довѣрчивость къ назидательности. Пусть такъ, пусть назидательность остается преимущественною цѣлію вашего журнала, по соединеніи его съ чтеніемъ Св. Отцовъ это такъ и должно быть; но не будьте слишкомъ холодны къ требованіямъ ума, чтобы не впасть въ крайность. Назиданія ищетъ «Воскресное Чтеніе», назиданія православнаго домогается «Христіанское Чтеніе»; но согласитесь, что то и другое частію бываютъ каррикатурны: дѣтей нынѣ нѣтъ на Руси, баснями сладкими никого не накормишь, а требуютъ крѣпкой пищи. Святые отцы, и особенно̀ такіе, каковъ Богословъ, предлагали такъ много и для философа, и для поэта, и для историка, и для филолога, что право не такъ легко поставить подъ рядъ ихъ такую ученость, которая, хотя бы на одинъ дюймъ, стала выше ихъ учености. А вамъ

*) Въ жизнеописаніи Григорія Богослова, Твор. Св. Отцовъ, кн. 1-я.

особенно удобно слѣдовать ихъ направленію. Это прилагаю и къ филологическимъ замѣчаніямъ на сочиненія св. Григорія Богослова; не говорю о проповѣдяхъ и статьяхъ назидательныхъ, гдѣ нѣкоторые боятся говорить языкомъ ученыхъ, тогда какъ вовсе не боялся того Богословъ. Ученый поморщится на васъ, прочитавъ ученую историческую статью безъ доказательствъ, а неученый читатель не останется недовольнымъ, если поставлены будутъ доказательства, въ замѣчаніи или inter caetera».

Филаретъ былъ крайне остороженъ въ оцѣнкѣ извѣстныхъ пріемовъ и положеній въ религіозныхъ спорахъ. Такъ, напримѣръ, писалъ онъ: «Получилъ я письмо владыки митрополита. Онъ гнѣвается. Сколько могъ, писалъ я о дѣлѣ, какъ оно было по совѣсти моей. Если не примутъ дѣла, какъ оно было, это уже не моя вина. Судъ предъ Господомъ. Православіе не требуетъ для своей твердости гнилыхъ подпоръ, каковы ни на чемъ не основанныя слова объ апостольскомъ происхожденіи троеперстія. Боятся крика невѣждъ? Ихъ не заставишь молчать тѣмъ, что будешь кричать неправду. Правда сама себѣ защита, а подмостки человѣческія только годны на то, чтобы сломало ихъ время».

«Не получили вы Майевы *Specilegium Romanum?* Ожидаю съ нетерпѣніемъ и доселѣ не дождусь. Даже доселѣ не могу составить точнаго понятія объ изданіи. Видѣлъ, что тутъ помѣщены и Греческія древности святыя; но видѣлъ и то, что довольно латыни несчастной. Признаюсь: если тутъ будетъ схоластика Латинская, брошу въ печь. Этотъ скелетъ и безъ того наскучилъ хуже чумы. Зачѣмъ бы его вытаскивать изъ помойной ямы, или Ватикана? Послѣднія слова по моему однозначущія. Пусть бы грѣхи отцовъ лежали покрытые пылью». Но, не смотря на такой суровый взглядъ, онъ упрекаетъ Евсевія за его статью «Бесѣды о Таинствахъ». «Скажите, Господа ради, къ чему приняли проповѣдывать такъ открыто недоразумѣнія папизма, давно оставленныя?». Въ религіозной полемикѣ онъ требовалъ особенной чистоты и ясности.

А въ печку у Филарета, какъ видно, летала не одна книга. Такъ писалъ онъ между прочимъ: «Вчера взялъ я въ руки Аммона *) и принужденъ былъ бросить, какъ мерзость запустѣнія. Кажется, препровожду его въ печку».

Филаретъ чистою душою понималъ православіе. Разбирая «Таинства» Евсевія, онъ говоритъ: «Правда, я бы сказалъ еще и то, что

*) Fortbildung des Christenthums zur Weltreligion. 1840.

мнѣ не нравится, когда проводятъ мысль откровенія по категоріямъ церковной схоластики, какъ душу по мытарствамъ. De gustibus non est disputantum. Иначе, одинъ любитъ формы катихизиса, а другому кажется, что иное дѣло катихизисъ, другое—размышленіе систематическое; одному кажется, что верхъ совершенства, когда освѣтятъ склоненія вѣры логикою вѣры, а другому думается, что для вѣры размышляющей суха и скудна подобная пища. Единая, апостольская, вселенская церковь: эти вещи полезно помнить христіанину; это формы, которыя въ немногомъ говорятъ ему о многомъ». «Желаете ли знать мысли мои о письмахъ и стихахъ Григорія? Вы почти знаете ихъ. О первыхъ тоже скажу, что̀ вы говорите, т.-е. немногія изъ нихъ имѣютъ догматическое или христіански-нравственное значеніе; они образцы письменнаго слога; кажется, они съ тѣмъ преимущественно и писаны, чтобы христіанское юношество видѣло въ нихъ, а не въ письмахъ язычниковъ, образцы писемъ. Впрочемъ можно бы потрудиться надъ тѣмъ, чтобы избрать лучшее и не оставить безъ вниманія труды великаго мужа. Между ними нѣкоторые по крайней мѣрѣ столько же важны, сколько и письма Василія Великаго. Потрудитесь пересмотрѣть».

«Между стихами Григорія есть превосходные, кто какъ ни думай о нихъ. Вы знаете, что по моей мысли непреодолимое затрудненіе переводить стихи Григорія. Но капля пробиваетъ камень. Чтобы сказать вамъ о лучшемъ, посылаю недавно изданныя стихотворенія Григорія, признанныя Греками за лучшія. Правда, вкусъ Грека ищетъ только Греческой языческой красоты: это дѣло давно извѣстное. Для поздняго Грека нѣтъ философа выше Аристотеля, и нѣтъ поэта выше Гомера или Софокла; для поздняго Грека сокровище, богатство всѣхъ родовъ въ томъ позднемъ произведеніи, гдѣ, какъ видимъ, говорятъ съ нимъ или діалектика Аристотелева, или пѣвучій слѣпецъ миѳологическаго вѣка. Потому-то, слѣдуя своему вкусу, отмѣтилъ я карандашемъ то, что̀ мнѣ показалось лучшимъ, и не могу не сказать, что стихи, поставленные Грекомъ на послѣднемъ мѣстѣ, въ Русскомъ переводѣ должны занять первое мѣсто. Къ сему надобно присовокупить особенно двѣ молитвы къ Богу, одну ту, которая у Галанда; стихи: «Жизнь», переведенные и въ «Христіанскомъ Чтеніи», два стихотворенія о самомъ себѣ и жизни своей. Послѣднія два прилично могли бы составить заключеніе сочиненіямъ, хотя по достоинству своему они должны слѣдовать послѣ Билліевыхъ: τὰ απόρρητα. Вотъ пересмотрѣлъ содержаніе всѣхъ переведенныхъ статей (но не переводъ) и отмѣтилъ то, что̀ показалось лучшимъ. Очень нелишнее дѣло издать ихъ. Въ нихъ го-

воритъ душа. Иныя отличаются глубиною мысли. Вотъ вамъ все извѣстное мнѣ по памяти о Григоріевыхъ стихахъ».

Слѣдующее сужденіе Филарета болѣе всего даетъ понять всегдашнее настроеніе его души: «Моей душѣ грѣшной казалось бы взять-ся надобно послѣ Григорія за Ефрема. Если говорить строгую правду, пустынный Ефремъ, несмотря на то, что пустынникъ, едва ли не во всѣхъ отношеніяхъ выше Василія. Съ какой стороны ни посмотрите на него, возьмете-ли его какъ проповѣдника, онъ не уступаетъ Каппадокійскому учителю; даже по сердечной живости слова ближе онъ говоритъ сердцу, чѣмъ Василій. У послѣдняго есть искусство, да и строгость его нѣсколько пугаетъ душу грѣшную, тогда какъ слезы Ефрема Сирина—сладость сердечная. Не сравниваю Ефрема толкователя съ Василіемъ. Тутъ нѣтъ между ними и сравненія». Вотъ почему писалъ онъ Горскому: «Отцы церкви, особенно преп. Ефремъ Сиринъ, вѣрные путеуказатели». «Творенія преп. Ефрема—любимыя мои пѣсни, толкованія его—драгоцѣнные камни».

Сдѣлавъ выборку изъ писемъ Филарета къ Горскому, можно составить цѣлый покаянный канонъ. А если привести на память потоки слезъ, которыя неудержимо текли изъ глазъ его во время совершенія имъ Божественной службы, для насъ будетъ понятнымъ, почему такъ близки душѣ Филарета были слезы Сирскаго пустынника.

Самый близкій сотрудникъ Филарета по образованію паствы *) такъ опредѣляетъ значеніе трудовъ и дѣятельности Филарета для церкви и общества:

«Дѣятельность пастыря, а тѣмъ болѣе архипастыря, слагается изъ сочетанія самыхъ разнообразныхъ отношеній общественныхъ и личныхъ; его обязанности касаются всѣхъ сторонъ жизни пасомыхъ, его вліяніе простирается на всю нравственно-общественную жизнь его паствы. Научить спасенію невѣдущихъ, руководить неопытныхъ и слабыхъ, возбуждать недѣятельныхъ, вразумлять строптивыхъ—какое широкое, многотрудное поприще для дѣятельности! Немногіе успѣваютъ подвизаться едва на одной какой-либо сторонѣ сего поприща, и ихъ память не остается безъ благословеній. Какова же должна быть память о томъ, кто преуспѣлъ во всѣхъ сторонахъ великаго служенія, кто указалъ и новыя стороны въ семъ служеніи и во всѣхъ родахъ архипастырской дѣятельности былъ мужемъ, преисполненнымъ жизни, мысли и добродѣтели?»

---

*) Ректоръ Черниговской семинаріи, нынѣ преосвященный Евгеній, епископъ Астраханскій.

«Архипастырь, первѣе всего, учитель-просвѣтитель своей паствы свѣтомъ вѣры. Вѣчная память тебѣ, нашъ приснопамятный наставникъ и просвѣтитель, свѣтило всей Русской церкви! Не встрѣтимъ противорѣчія, если скажемъ, что чада Русской церкви только отъ почившаго получили понятіе, чрезъ него приняли въ сознаніе, кто они и что они по отношенію къ св. вѣрѣ Христовой. Ибо что такое его «Исторія Русской церкви», какъ не глубоконазидательное руководство Русскому народу къ самосознанію въ религіозномъ отношеніи?»

«Церковь Русская, богатая простотою вѣры и жизни христіанской, далеко не была знакома съ тѣми свѣтильниками вѣры и жизни христіанской, которые своими писаніями уяснили, раскрыли ученіе Христово. Не имѣя знакомства съ писаніями отеческими, Русскій народъ не могъ надлежащимъ образомъ понимать высокаго историческаго достоинства христіанскаго ученія. «Ученіе объ Отцахъ церкви», пополнившее этотъ пробѣлъ въ нашей духовной литературѣ и въ нашемъ религіозномъ сознаніи, составляетъ и будетъ составлять нерушимый и блистательный памятникъ почившему учителю церкви Русской.»

«Не всѣ имѣютъ время и возможность изучить ученіе Христово въ писаніяхъ отеческихъ; но для каждаго христіанина необходимо твердо и сознательно помнить основныя истины христіанства, всякому вѣрующему подобаетъ готову быть къ отвѣту всякому вопрошающему о его упованіи. Является новый трудъ—обстоятельное изложеніе догматическаго ученія православной церкви, и при томъ не только расширяющій область нашихъ познаній въ вѣрѣ вообще, но и руководствующій въ борьбѣ съ современными лжемудрыми лжеученіями».

«Догматы, какъ созерцательныя истины, требуютъ своего осуществленія въ жизни; оказывается нужда въ наставленіи о томъ, какъ жить съ исповѣдуемою нами вѣрою. Почившій, блюститель вѣры и жизни христіанской, не отказался и отъ этого труда. Но, какъ премудрый учитель, задумалъ изобразить намъ жизнь христіанскую не въ сухихъ правилахъ, не въ отвлеченныхъ истинахъ, а въ живыхъ образахъ святыхъ лицъ вселенской церкви (Лавсаикъ) и преимущественно въ жизни нашихъ отечественныхъ святыхъ и близкихъ къ намъ по народности, исторіи и жизни, святыхъ Русскихъ и южныхъ Славянъ. Можетъ ли быть изображеніе жизни христіанской назидательнѣе, вѣрнѣе, понятнѣе для насъ?»

«Но жизнь, видоизмѣняясь ежеминутно, каждый разъ предлагаетъ ученію христіанскому вопросы, какъ смотрѣть съ христіанской точки зрѣнія на такое или другое явленіе, на ту или другую истину; какъ поступать по-христіански въ такихъ или другихъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ? Въ отвѣтъ на такіе вопросы заботливый учи-

тель Русской церкви отверзалъ уста свои для поученія, и мы изумляемся въ нихъ тому высокому благодатному искусству, которымъ слово Божіе, христіанство, непосредственно прилагается къ жизни и дѣятельности, озаряетъ яснымъ свѣтомъ самые темные углы нашей обыденной жизни и научаетъ дѣлать изъ нея свѣтлый праздникъ».

«Христіанская церковь, какъ общество, имѣетъ свои законы, правила, которыми установляются различныя отношенія между ея членами, опредѣляется образъ жизни и поведенія. Каноническія правила соборовъ и св. отцовъ въ точномъ и ясномъ видѣ издавна составляли крайнюю потребность для Русской церкви. Почившій не отказался и отъ сего труда на пользу церкви, и (переводъ Книги Правилъ) съ обычною ему ревностію, со свойственною ему добросовѣстностію исполнилъ его во славу Божію, а не въ похвалу своего имени».

«Обозрѣвъ такимъ образомъ труды почившаго, какъ пастыря-учителя церкви, кто не согласится, что онъ сказалъ всю волю Божію, насколько это требовалось необходимо состояніемъ не одной ввѣренной ему паствы, а состояніемъ и потребностями всей Русской церкви? Одного изъ его трудовъ было бы достаточно для всякаго учителя, чтобы его имя не исчезло изъ благодарной памяти людей».

*

Принявъ на себя задачу составить жизнеописаніе Филарета и сдѣлать извѣстными тѣ цѣнные матеріалы, кои имѣются у насъ, мы не беремъ на себя непосильнаго труда входить въ критическую оцѣнку его ученой дѣятельности, тѣмъ болѣе, что слово о ней произнесено уже людьми авторитетными. Мы позволимъ себѣ въ подтвержденіе или опроверженіе извѣстнаго мнѣнія указать на раскрытую нынѣ жизнь усопшаго святителя. О значеніи литературной дѣятельности Филарета говорится въ прекрасной статьѣ г. Пономарева, вышедшей въ годъ кончины Филарета. Онъ же перечислилъ его печатныя произведенія. Мнѣніе г. Пономарева цѣнно по безпристрастію, котораго не ослабило у него потрясающее впечатлѣніе внезапной смерти такого крупнаго отечественнаго дѣятеля. «Гдѣ разгадка такой плодовитой дѣятельности?» спрашиваетъ Пономаревъ, и далѣе говоритъ: «Разгадка заключается въ его неоспоримо-великихъ и разнообразныхъ дарованіяхъ, въ его громаднѣйшей учености, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, принадлежавшихъ его времени и въ нѣкоторыхъ свойствахъ, принадлежавшихъ исключительно его натурѣ. Послѣ смерти митрополита Евгенія, у насъ не осталось ни одного духовнаго писателя съ такимъ разностороннимъ объемомъ дѣятельности. Кто же были другіе?... Въ «Обзорѣ

Русской духовной литературы (1720—1858)» мы встрѣчаемъ, въ сороковыхъ годахъ, многіе десятки писателей; но изъ нихъ мы можемъ привести здѣсь, конечно, только замѣчательнѣйшихъ, такихъ, съ которыми можно болѣе или менѣе поставить въ уровень нашего автора. Это были митрополитъ Московскій Филаретъ, архіепископы Григорій Казанскій, Игнатій Воронежскій, Иннокентій Херсонскій, Іаковъ Нижегородскій, архимандритъ Гавріилъ, протоіереи: Веніаминовъ, Голубинскій, Григоровичъ, Дебольскій, Кочетовъ, Маловъ, Никольскій, Нордовъ, Павскій, Путятинъ, Скворцовъ; монахъ Іакинѳъ Бичуринъ; профессоры духовныхъ академій: Авсеневъ, Амфитеатровъ, Горскій, Делицынъ, Карповъ, Сидонскій, Шимкевичъ; къ нимъ же присоединимъ и Надеждина. Изъ свѣтскихъ, кажется, одинъ Муравьевъ. Лица эти такъ извѣстны вамъ, читатель, что вы сами, конечно, легко вспомните объемъ и характеръ ихъ дѣятельности; припомните же хорошенько, загляните въ «Обзоръ Русской духовной литературы (1720—1858 г.)» нашего автора,—и вы убѣдитесь въ относительномъ однообразіи и скудости (не пугайтесь этого слова), скудости духовной литературы въ то время, при столькихъ высоко-даровитыхъ дѣятеляхъ. Изъ «Обзора» вы видите, что наличная духовная дѣятельность, въ сороковые годы и нѣсколько далѣе, преимущественно отличалась религіозно-нравственнымъ и проповѣдническимъ характеромъ. Если и были сочиненія другаго содержанія, то ихъ сравнительно было немного. Въ свѣтскую литературу и публику едва ли проникалъ десятокъ именъ изъ всѣхъ названныхъ нами.... Является преосвященный Филаретъ. У него на первомъ планѣ стали Исторія Русской духовной литературы, Исторія Русской церкви—предметы такіе, которые болѣе прочихъ способны заинтересовать собою любопытное вниманіе общества. Онъ изъ первыхъ завелъ сношенія съ свѣтскими органами литературы или, по крайней мѣрѣ, съ учеными обществами. Онъ сталъ издавать труды свои и отдѣльно, и въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно свѣтскихъ. Естественное дѣло, что всѣмъ этимъ онъ быстро расширилъ кругъ своей извѣстности. Съ перваго же шагу его къ литературѣ, о немъ шумно заговорили. Московское Общество исторіи и Древностей поспѣшило избрать его въ свои дѣйствительные члены; журнальная критика возложила на него широкія надежды. Періоды его «Исторіи Русской церкви», въ которыхъ впервыя послышался разсказъ о временахъ сравнительно-недалекихъ отъ насъ и интересныхъ, встрѣчены были живымъ любопытствомъ, громкимъ одобреніемъ и привлекли къ нему вниманіе публики. Литературная извѣстность его скоро была упрочена твердо и незыблимо. Людей подобныхъ ему по учености, въ сороковые годы, было слишкомъ мало; у

нихъ былъ свой кругъ занятій, и въ разборы его сочиненій они не пускались; журнальная критика положительно не могла сравняться съ нимъ по широтѣ знаній и глубокомыслію взглядовъ; она большею частію привѣтствовала его почтительными отзывами; понятно, что остальная публика только съ безмолвнымъ уваженіемъ встрѣчала его труды. И преосвященный Филаретъ очень хорошо понималъ всю эту обстановку своей дѣятельности. Его, конечно, радовала мысль, что онъ своими учеными трудами занялъ себѣ мѣсто, недосягаемое для многихъ; но онъ и на этомъ мѣстѣ не позволилъ себѣ успокоиться. Почти вслѣдъ за нимъ явился новый могучій дѣятель, также во всеоружіи и также разнообразный; второстепенными свѣтилами явились и другіе, несомнѣнно-даровитые и трудолюбивые; историческое, осмысленное изученіе состоянія церкви и духовенства сдѣлалось предметомъ немалаго числа ученыхъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Эти успѣхи, безъ всякаго сомнѣнія, радовали нашего автора, но еще болѣе побуждали его къ новой дѣятельности. Словно избѣгая малѣйшаго соперничества и какъ бы стремясь оставить всѣхъ далеко за собою, онъ неутомимо и еще съ большею энергіею прилагалъ труды къ трудамъ. Окрыленный успѣхомъ, историкъ Русской церкви скоро сдѣлался энциклопедистомъ въ духовной области, но въ этомъ энциклопедизмѣ видна была и серьезная подготовка. Раскройте любое капитальное сочиненіе Филарета 50-хъ и 60-хъ годовъ,—и васъ сейчасъ же поразитъ неоглядное обиліе въ немъ ссылокъ и цитатъ; въ нихъ пестрѣютъ названія многихъ сотенъ изслѣдованій, памятниковъ, изданій, рукописей.... Съ великимъ изумленіемъ глядишь на эту громадную начитанность и думаешь: «Господи, да когда онъ успѣлъ прочитать все это; какъ могъ удержать въ памяти и кстати примѣнить къ дѣлу всю эту массу свѣдѣній?» Притомъ, не смотря на все обиліе цитатъ и ссылокъ, мы положительно утверждаемъ, что и тѣ и другія дѣлаемы имъ были еще довольно скупо, часто отличались крайней сжатостью (и къ сожалѣнію—иногда неопредѣленностью и невѣрностію). Соображая все это, я готовъ думать, что онъ писалъ свои книги, приводилъ цитаты, ставилъ ссылки наизустъ, приблизительно, лишь бы не останавливалось дѣло».

«Вся жизнь его была посвящена чтенію и труду. Обществу, публикѣ онъ отдавалъ себя только по крайней необходимости. Время между рукъ у него не уходило. Науколюбивый духъ его не позволялъ ему ни минуты бездѣйствія. Люди, близко къ нему стоявшіе, говорили намъ, что онъ и работалъ, и отдыхалъ, и ѣлъ, и пилъ вѣчно съ книгою въ рукахъ и что въ туже минуту онъ дѣлалъ нужныя ему замѣтки и извлеченія. «Надо удивляться, говоритъ одинъ близко знав-

шій покойнаго преосвященнаго, надо удивляться его неутомимой дѣятельности. Онъ не ложился иначе спать какъ при двухъ горящихъ свѣчахъ. Ночью онъ часто пробуждался, бралъ свѣчу, шелъ въ библіотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать. Такихъ занятій, какъ видно, онъ не отлагалъ на утро; даже и во время сна его занимала какая-либо умственная задача». Этимъ отчасти объясняется изумительно-быстрая производительность этого многоталантливаго трудолюбца. Говоримъ «отчасти», потому что не можемъ же не признать въ немъ другой, внутренней силы—яркаго энергическаго желанія за все взяться, во всемъ явиться если не первоначинателемъ, то успѣть больше прочихъ, во всемъ оставить по себѣ широкій слѣдъ, добрую память. Съ теченіемъ времени, у него не было уже спеціальной задачи, опредѣленнаго вопроса, рѣшеніе котораго заняло бы его исключительно; дѣйствовать на сценѣ обширной стало его завѣтною думой. Его не смущали ни огромные размѣры поприща, ни разнообразіе предметовъ, ни недостатокъ многихъ необходимыхъ данныхъ и источниковъ. Нисколько не задумываясь передъ трудностями, онъ отважно погружался въ начатое дѣло, быстро освоивался съ его фактической обстановкой и въ увлеченіи спѣшилъ извлекать изъ него сжатые, рѣшительные выводы. Послѣ этого неудивительно, что, при его огромной начитанности, при быстрой его работѣ, разнороднѣйшія книги и статьи являлись одна за другою на свѣтъ Божій. Разнообразіе это наиболѣе замѣтно въ послѣднія десять лѣтъ его жизни, когда уже, казалось бы, можно было человѣку почувствовать утомленіе. Онъ его не зналъ вовсе. Немощи тѣлесныя нисколько не осиливали его духа. Переѣзды съ епархіи на епархію были для него новымъ толчкомъ къ новой дѣятельности. На новомъ мѣстѣ онъ словно чуялъ въ себѣ новыя силы. Немедленно оглядывалъ онъ поле для своихъ литературныхъ работъ, быстро усматривалъ невоздѣланные углы и тотчасъ рѣшалъ, что̀ ему нужно дѣлать, за что̀ прежде всего взяться. Понятно, что такихъ пробѣловъ открывалось довольно, и онъ брался за все разомъ. Съ 1860 годовъ замѣчаемъ въ немъ особенно усиленное вниманіе къ крупнымъ явленіямъ жизни и движенію современной мысли, и тутъ онъ спѣшилъ сказать свое отрывистое, смѣлое слово. Глядя на эту кипучую, на все бросающуюся дѣятельность, готовъ думать, что ему во всемъ хотѣлось дѣйствовать одному; а между тѣмъ и обстоятельства приводили его къ этому. Онъ не только опредѣлялъ для себя кругъ занятій, но указывалъ и другимъ на то дѣло, для котораго, по его мнѣнію, настало время. Онъ заботился, чтобы извѣстный трудъ былъ совершенъ какъ можно успѣшнѣе и для этого указывалъ, какъ раздробить работу, гдѣ соединить силы. Но видя, что совѣты его при-

нимаются равнодушно, видя, что жатвы много, а дѣлателей мало, и что одни изъ нихъ занимаются ученою роскошью, другіе погрузились въ епархіальное управленіе, третьи просто-на-просто облѣнились, а дѣло остается нетронутымъ, и наконецъ, сознавая, можетъ быть, про себя, что почти всѣ дѣятели много уступаютъ ему и въ свѣдѣніяхъ, и въ дарованіяхъ, и въ любви къ труду, онъ смѣло бралъ на себя ту работу, для исполненія которой нужны были усиленные труды десятка лицъ. При этомъ невольно вспоминается одно крупное обстоятельство, подтверждающее наше послѣднее предположеніе. Именно, при своей стремительной и гибкой натурѣ, онъ довѣрялся исключительно своему огромному запасу силъ и не всегда оказывалъ должное вниманіе къ чужому голосу, чужимъ однороднымъ изслѣдованіямъ (особенно разборамъ его сочиненій), а почти всегда самъ, своимъ трудомъ, и составлялъ, и переработывалъ, и дополнялъ свои произведенія.... Такимъ образомъ, два самыя дорогія сокровища ученаго—время и трудъ не всегда у него сберегались какъ должно бы. Въ послѣдніе годы его жизни, физическія силы его ослабѣли до того, что онъ не могъ писать сидя; но онъ не остановился передъ этимъ: онъ началъ писать лежа, дрожащею рукою.... Вслѣдствіе этого ослабленія тѣла, вслѣдствіе этихъ смѣлыхъ надеждъ на свои свѣдѣнія и вслѣдствіе спѣшной работы, въ трудахъ его появлялось нѣсколько упущеній и неточностей, и любому кропотливому изыскателю можно было уловить эти промахи. Но за то едва ли кому можно было сравниться съ нимъ въ способности опускаться въ глубину дѣла—кратко и рѣзко обозначить сущность предмета, ярко и мѣтко опредѣлить значеніе писателя. Свѣжестью вѣяло, правдою било отъ иныхъ его изслѣдованій, точнѣе отъ многихъ и многихъ страницъ. Въ этомъ случаѣ, самый языкъ его, обыкновенно сухой и неясный, получалъ неотразимую силу, жизненность и счастливую своеобразность. Гибкая находчивость его способна была уловить тончайшіе оттѣнки выраженія, чтобы ярче выставить на видъ особенности предмета или лица. Въ своихъ приговорахъ онъ не любилъ тратить словъ и всегда выражался отрывисто и сильно, смѣло и увѣренно. Трудно было на первыхъ порахъ примириться съ этимъ свойствомъ его приговоровъ, тѣмъ болѣе, что они часто не подкрѣплялись доказательствами, выписками, и произносились голословно; но критическая сила автора и его начитанность заставляли потомъ вѣрить такимъ его сжатымъ приговорамъ, хотя они и напоминаютъ собою резолюціи. Дѣйствительно, онъ всегда велъ свою рѣчь, какъ власть имѣющій. Нельзя однако не вспомнить, что приговоры его иногда отзывались неумолимою суровостью, а въ судѣ о дѣятеляхъ древняго періода—нерѣдко и неточностію. Здѣсь видимъ, что

онъ судитъ иногда по первому впечатлѣнію, самоувѣренно уклоняясь отъ болѣе внимательныхъ изысканій. Въ этомъ случаѣ взгляды и выводы его нуждаются по временамъ въ пересмотрѣ и повѣркѣ».

«Въ литературѣ нашей, всякій разъ, чуть только заходила рѣчь о преосв. Филаретѣ, можно было встрѣтить довольно любопытное признаніе, что труды его все еще остаются не вполнѣ оцѣнены нашею духовною критикою. Отсутствіе-ли преданій, страхъ-ли оскорбить достоинство святителя, или что другое удерживали критику нашу отъ такого шага, какъ бы онъ ни былъ честенъ и серіозенъ. И вполнѣ справедливо замѣтилъ въ 1862 году «Духовный Вѣстникъ», что критика въ духовной журналистикѣ еще такое молодое дитя, которое, Богъ знаетъ, когда выростетъ. «Духовный Вѣстникъ» первый повелъ открытую, смѣлую рѣчь о сочиненіяхъ преосв. Филарета, рѣчь, основанную на трудолюбивомъ изученіи ихъ. И что же? На эту критику многіе и очень многіе взглянули съ изумленіемъ, дивясь ея смѣлости и выдумывая закулисные намеки; а дѣльности ея отдали справедливость очень немногіе. Оставимъ въ сторонѣ (какъ недостойную сплетню) затаенныя догадки, почему явилась подобная критика въ Харьковскомъ журналѣ; обратимъ вниманіе только на то, что̀ было высказано по поводу содержанія этой критики. Въ какой степени показалась нова и смѣла ея попытка, можно видѣть изъ того, что даже ученая редакція «Православнаго Обозрѣнія» поспѣшила довести до общаго свѣдѣнія, что критика «Духовнаго Вѣстника», на преосв. Филарета напоминаетъ отвагу моськи противъ слона. Въ публикѣ, сколько мы знаемъ, нашлось немного голосовъ за эти статьи; а большинство ея, знакомое по слуху съ трудами преосвящ. Филарета, было озадачено отчасти смѣлостью тона критики, отчасти слишкомъ невысокимъ мнѣніемъ ея о достоинствѣ трудовъ давно и громко извѣстнаго автора. Самого преосвящ. Филарета сильно задѣли эти статьи: много разъ, и въ своихъ предисловіяхъ, и въ своихъ сочиненіяхъ, онъ скорбно жалуется на рѣзкость и односторонность приговоровъ о его произведеніяхъ и, не любя оставаться въ долгу, направляетъ въ лица, допустившія подобные приговоры, свои тяжелые, раздраженные укоры и насмѣшки. Мы охотно соглашаемся, что духъ придирчивости и осмѣянія дѣйствительно сказывается въ статьяхъ «Духовнаго Вѣстника» о книгахъ преосв. Филарета; но эти свойства можно было съ избыткомъ найти, напримѣръ хоть въ «Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ», гдѣ извѣстныхъ литераторовъ ставили въ ряды дураковъ и, какъ мы уже видѣли въ «Православномъ Обозрѣніи», гдѣ обзывали честныхъ труженниковъ «моськами». Значитъ, нечего сваливать вину за это печальное настроеніе рѣчи на одинъ «Духовный Вѣстникъ»... Время это прошло, и теперь,

судя спокойно, говоримъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что критика «Духовнаго Вѣстника», по своему содержанію, права во многомъ: пробѣлы, разнородные промахи въ сочиненіяхъ преосвящ. Филарета были указаны въ ней съ такою убѣдительностію, что самъ преосвящ. Филаретъ поспѣшилъ признать нѣкоторые изъ нихъ и отчасти воспользовался трудами критики. Но преобладающій *тонъ* этой критики, ея *изложеніе,* далеко нечуждые прицѣпокъ и придирокъ, могли бы быть въ самомъ дѣлѣ значительно смягчены».

«Итакъ, громадныя дарованія, вооруженныя глубокою ученостью, всегдашній трудъ, проникнутый увлеченіемъ, вѣчно-производительное чтеніе, кипучая жажда научной дѣятельности, стремительная отвага во все проникнуть, лаконическая сжатость выводовъ, неослабное вниманіе ко многимъ движеніямъ современной мысли и (кто упрекнетъ его за это?) жажда пріобрѣсти себѣ имя доброе, вотъ что произвело то обиліе работъ, которое такъ изумляетъ насъ. Но вслѣдствіе научныхъ обстоятельствъ времени, вслѣдствіе жизненной обстановки его, вслѣдствіе разнородной массы работъ и спѣшнаго характера дѣятельности, во многихъ сочиненіяхъ его, при необыкновенной широтѣ и раскидостости ихъ поля, не видишь строго обдуманнаго плана, не встрѣчаешь полнаго рѣшенія задачи, сообразно современнымъ требованіямъ науки; такъ что почти всѣ сочиненія его представляютъ собою по преимуществу *матеріалы,* счастливо собранные и удачно сгруппированные. И въ этомъ отношеніи, значеніе его чрезвычайно велико; во многихъ областяхъ духовной науки, безъ книгъ его нельзя и шагу ступить. Труды его, какъ богатѣйшая организованная масса матеріаловъ, какъ пособіе для дальнѣйшаго дѣланія, составляютъ обильный, драгоцѣнный и незамѣнимый вкладъ въ сокровищницу духовной литературы».

«Такимъ же по преимуществу сборникомъ полезныхъ матеріаловъ являются и «Черниговскія Епархіальныя Извѣстія», которыя онъ создалъ, въ которыхъ онъ принималъ непрерывное, самое широкое участіе въ теченіи пяти лѣтъ и своими трудами доставилъ имъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій. Ими, впрочемъ, не столько дорожила масса публики, сколько ученый труженикъ; да и тотъ, взглянувъ на содержаніе иного нумера, думалъ про себя: «А, хорошо! Вотъ будетъ случай, обращусь за справкой».

«Если въ свѣтской литературѣ дорожатъ всякой мелкой рецензіей даровитаго критика, до того даже, что перепечатываютъ ее въ собраніи сочиненій его; то, уже по одному закону справедливости, подобная доля должна постигнуть и критическія замѣтки такого автора, какъ преосвящ. Филаретъ. Но нами руководитъ здѣсь не авторитетъ

его имени, а сущность самыхъ статей его: оцѣнить достоинства книги, указать ея слабыя стороны, произнести мѣткое заключеніе и выразиться языкомъ живымъ, сжатымъ и бойкимъ, во всемъ этомъ преосв. Филаретъ являлся истиннымъ мастеромъ. Всякій, кто хочетъ получить о разобранныхъ имъ книгахъ яркое и точное понятіе, необходимо долженъ прочесть его отзывы».

«Наконецъ, нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что литературные труды его и вся его дѣятельность всегда были проникнуты у него ревностію о чистотѣ православія. Достаточно вспомнить, какъ оберегалъ онъ школы отъ незванныхъ педагоговъ, какъ зорко слѣдилъ за книгами, изданными для народа *). Какъ энергически возстаетъ онъ въ своей догматикѣ противъ дерзающихъ колебать святость вѣры!... Люди, близко знавшіе его, передадутъ, конечно, много трогательныхъ фактовъ о томъ, какъ радовался владыка всякому проявленію добра и уваженія къ тѣмъ началамъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь наша».

*

Прежде, чѣмъ остановиться на догадкахъ и заключеніяхъ объ извѣстныхъ проявленіяхъ въ дѣятельности Филарета, мы постараемся нѣсколькими штрихами обрисовать его характеръ и склонности. Мы воспользуемся, какъ весьма цѣннымъ для того матеріаломъ, письмами его къ другу его Горскому, изданными почтеннымъ протоіереемъ С. К. Смирновымъ.

Прежде всего Филаретъ привлекаетъ къ себѣ своею беззавѣтною любовью къ правдѣ, для которой онъ готовъ былъ жертвовать всѣми невзгодами жизни. Жалуясь, напримѣръ, на комитетъ, гдѣ задерживали его рукописи, онъ писалъ, что будетъ писать о дѣлѣ митрополиту Антонію, «и объясню ему дѣло по христіанскому расположенію, и не съ тѣмъ, чтобы враждовать съ людьми; впрочемъ не скрою и правды, хотя и горькой для нѣкоторыхъ. О Господѣ увѣренъ, что митрополитъ не оставитъ дѣла безъ вниманія и защиты. Итакъ съ своей стороны я не желалъ бы избѣгать косыхъ взглядовъ людей нѣкоторыхъ и останавливать дѣла. Истина не боится свѣта. «Начальство поддерживаетъ книгу». Дай Богъ счастія начальству! Я не желалъ и не желаю быть въ тягость начальству, а желалъ и желаю не быть лѣнивымъ рабомъ предъ церковію Господа моего, говорить и дѣлать

*) См. отношеніе его къ г-ну оберъ-прокурору Св. Синода о книгѣ „Бояринъ Матвѣевъ“. М. 1864 г.

желаю то, что по совѣсти считаю полезнымъ. Боже мой, мы думаемъ поддержать истину Твою гнилыми клѣтками подмостковъ Римскихъ! Въ стыдѣ останемся. Быть можетъ, и я въ числѣ такихъ же дѣлателей безумія? Но, Господи, просвѣти меня грѣшнаго». «Одесскій Иннокентій былъ въ Харьковѣ, но не засталъ меня», писалъ Филаретъ графу Толстому, «потому что я былъ въ крестномъ ходу съ чудотворною Ахтырскою иконою Божіей Матери. И это къ лучшему. Пріятно-ли встрѣчаться съ людьми, которые не любятъ правды?» — «Недавно былъ здѣсь Сербиновичъ *). Безъ сомнѣнія вы, другъ мой, при всей вашей скромности, или осердились бы, или расхохотались бы, еслибы услышали, что катехизисъ митрополита поручаютъ замѣнить сочиненіемъ другимъ, кому? Мнѣ! Не правда-ли, что это или досадно, или смѣшно. А это было. По какой причинѣ? «Катихизисъ митрополита—лютеранскій катихизисъ», точныя слова Сербиновича. Эти люди истинно почти помѣшаны. Нужно-ли говорить, что на продолжительное разсужденіе объ одной и той же темѣ отвѣтомъ служило глубокое молчаніе. Или нѣтъ, къ сожалѣнію, не выдержалъ обѣта молчанія, сказалъ нѣсколько словъ не по ихъ вкусу. Но моя уже такая судьба: меня давно внесли въ списокъ упорныхъ лютеранъ. Не сѣтую на то, хотя и не радуюсь. Молю Господа, чтобы принялъ душу мою съ вѣрою, которою доселѣ жилъ, воспитанный молитвами угодника Его, преподобнаго Сергія».

Очень льстиво и очень лестно было такое предложеніе для молодаго ученаго, но въ подобныхъ случаяхъ его не колебали земныя выгоды.

«Другъ мой! Тебѣ хотѣлось узнать правду, и ты допустилъ до души безпокойство. Въ такомъ случаѣ надобно много имѣть вниманія къ своей душѣ, чтобы не позволять ей приходить въ тревогу, не давать ей покуситься на какую-либо несправедливость. Слѣдуетъ говорить въ пользу неправой стороны, но душею оставаться на сторонѣ правой; беречься того, чтобы оскорбляться чѣмъ-либо въ тѣхъ, съ кѣмъ на этотъ разъ имѣешь дѣло. Трудно въ дракѣ соблюсти равнодушіе и правду, но надобно соблюдать; тогда только можемъ съ спокойною совѣстью оставлять мѣсто брани и спора, когда внутренно не отступили ни въ чемъ-нибудь отъ правды. Слова—не важное дѣло. Они только развѣ въ такомъ случаѣ должны обратить на себя вниманіе, когда, не возмущая меня, возмущаютъ сосѣда. А душа? Душа должна быть охраняема».

---

*) Состоявшій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода.

«Лѣта приближаются, лѣта приближаютъ къ гробу; а душа не лучше, не смотря на приближеніе грознаго отчета. Опытность научаетъ многому для житейскаго обихода, а для душевнаго спасенія и она не прибавляетъ ничего. Человѣкъ бывалъ грѣшникомъ, грѣшникъ и теперь. Страсти владѣютъ всѣмъ по прежнему. Однѣ засыпаютъ, другія пробуждаются; однѣ слабѣютъ, другія становятся сильнѣе. Что это за страшная сцена—человѣкъ? Не отвергни меня, Господи, во время старости моей, когда оскудѣвать будетъ крѣпость моя. Силы тѣлесныя вѣтшаютъ, а что̀ пріобрѣтено для вѣчности?»

«Работаемъ, трудимся; а не видно, не ощутительно, сколько изъ того плода для вѣчной блаженной жизни».—«Понемногу, но будемъ идти впередъ по пути спасенія; многаго гдѣ ожидать намъ отъ себя? Но будемъ побуждать себя къ немногому. Нынѣ и завтра будемъ говорить себѣ: надобно явиться на судъ, надобно давать отчетъ въ жизни, надобно отвѣчать за все, даже за слово праздное, даже за мысль блуждающую».

Это смиреніе и строгое блюденіе за собою пріучили Филарета не только благодушно выслушивать дѣлаемыя ему замѣчанія, но понуждали его постоянно просить людей близкихъ ему и которымъ близокъ былъ онъ, какъ, напримѣръ, митрополита Филарета и Горскаго, указывать ему на его недостатки. «Отъ владыки получилъ я нагонку», писалъ онъ изъ Харькова, «да и по дѣламъ. Спасетъ его Господь за любовь». «Благодарю, искренно благодарю тебя, другъ мой, за дружеское письмо твое. Въ горькой земной жизни (писано изъ Риги), которая и для всѣхъ горька, но отъ того не легче тому, кому больше она горька, чѣмъ другимъ, въ горькой земной жизни любовь друга—даръ Божій, за который надобно благодарить Господа. Такъ и я благодарю Господа за дружескую любовь твою, которая даритъ меня утѣшеніями». Въ чемъ же эти утѣшенія? Горскій сдѣлалъ ему замѣчанія и вѣроятно довольно жестко, такъ что самъ поспѣшилъ поправиться, извиняясь, что вѣроятно прошедшее письмо было ему непріятно. Но Филаретъ кротко отвѣчаетъ: «Не знаю, отъ чего показалось тебѣ, будто прежнее письмо твое могло сколько-нибудь быть непріятнымъ мнѣ. Всѣ письма твои читалъ и читаю съ сердечнымъ удовольствіемъ. Еслибы и встрѣчалась въ нихъ горькая для меня правда: знаю, что пишетъ другъ мой, который желаетъ мнѣ одного добра. Но это и не нужно объяснять».

Когда Горскій огорченъ былъ какимъ-то замѣчаніемъ митрополита, Филаретъ писалъ ему въ успокоеніе: «По опыту убѣжденъ, что слова владыки весьма благотворны. Надобно дорожить ими. Такихъ словъ, какія онъ говоритъ, отъ другаго нельзя услыхать. Это такая правда святая

что въ ней не сомнѣваюсь, какъ въ томъ, что предо мной горитъ теперь свѣча. Нужды нѣтъ, что слова его бываютъ черствы; но они всегда полезны».

Съ теченіемъ времени, съ годами стала ослабѣвать забота Горскаго о своемъ другѣ, а, быть можетъ, и неумѣстнымъ уже считалъ онъ дѣлать нравоученія шестидесятилѣтнему архіепископу. Но Филаретъ, боясь ослабнуть въ надзорѣ за собою, съ любовію и смиреніемъ отвѣчаетъ просьбою на суровый отказъ своего друга. «Ты предлагаешь мнѣ избрать вмѣсто тебя кого-либо, кто бы сталъ говорить мнѣ о всемъ? Нѣтъ, если отказываешься отъ меня ты, который такъ много знаешь меня, кому придетъ желаніе быть вмѣсто тебя около меня? Всего же прежде надобно сказать, что у меня не лежитъ душа къ кому-либо другому. Что же дѣлать съ своей душею? Надобно ломать себя? Но и тогда едва ли выйдетъ что-либо въ пользу для меня и для дѣлъ. Если другіе не расположены такъ, какъ бы мнѣ для души моей хотѣлось, къ чему близость къ нимъ? Нѣтъ, другъ мой, для Господа не оставляй ты меня. Говори о нужномъ и полезномъ. При помощи Божіей буду отвѣчать на слова души словами души, а не одного языка. Господь не оставитъ тебя за твои добрыя желанія; и если отъ худобы моей тебѣ бываетъ иногда больно, Онъ утѣшитъ тебя, а ты прости меня. Я буду стараться, чтобы не быть худобою моею тебѣ въ тягость и въ скорбь. Господь не безъ милости и къ грѣшнику. Онъ подаетъ крѣпость не увлекаться движеніемъ оскорбленнаго самолюбія, оскорбленной гордости и всей подобной дряни. Отъ души и для Господа прошу тебя, не бросай негоднаго Филарета».

Любовь къ правдѣ заставляла Филарета отворачиваться отъ лести, клеветы и нестерпимаго для него наушничества. «Искренно скажу тебѣ и о томъ, что, право, не имѣю желанія и не дозволяю себѣ принимать слухи со стороны. Всякому дѣлу есть свое мѣсто. Каждому чувству есть правило. Каждому знакомству есть свой кругъ. Зачѣмъ мнѣ мѣшать дѣла, неподходящія одно къ другому? Повторяю, что не только не люблю, но ненавижу людей и тѣхъ, которые по видамъ своимъ домогаются низкими поступками (каковы сплетни) что-либо выиграть для себя, такъ и тѣхъ, которые приближаютъ къ себѣ подобныхъ людей. Не скрою и того, что подъ послѣдними разумѣю одного извѣстнаго тебѣ и мнѣ. Кажется, передъ судомъ Божіимъ могу сказать неукоризненно, что не принималъ къ себѣ наушниковъ. По моему, они низки во всякомъ случаѣ. Ужели чья-либо совѣсть дозволитъ считать подобныхъ людей доброжелателями? Не вѣрю. Китайская пословица говоритъ умно: правду или неправду говоритъ низкій человѣкъ, не слушай его».

Мы указали на отзывъ о Филаретѣ архіепископа І. И дѣйствительно Филаретъ имѣлъ младенческую душу и желалъ, чтобъ она соблюдена была и его другомъ, которому писалъ: »Вы упомянули: многое нынѣ мнѣ не такъ кажется, и то, что̀ прежде поражало душу, теперь не сильно дѣйствуетъ на нее». Не знаю, какіе предметы имѣете вы при семъ въ виду. Но если и вообще говорить о перемѣнѣ, какая бываетъ въ душѣ при переходѣ изъ одного возраста въ другой, не надобно опускать изъ виду, что дѣтское чувство—чувство прекрасное. Дѣтская душа такъ близка къ тому состоянію, въ какомъ душа вышла изъ рукъ Творца природы какъ не близка другая, по крайней мѣрѣ по отношенію къ невинности и чистотѣ чувствъ. Душа дѣтская такъ близка къ Богу и ко всему святому, какъ не бываетъ близка душа мужа, развлеченнаго разнообразіемъ и множествомъ предметовъ. Душа дѣтская довольно близко идетъ къ мысли о единомъ на потребу; разсудительность мужа всего болѣе разсуждаетъ о нуждахъ и неудобствахъ земной жизни. Пылкость юности всего болѣе развлекается и увлекается воображеніемъ, наполняемая красными міра и поджигаемая пыломъ страстей. Потому надобно даже съ понужденіемъ обращать душу къ положенію дѣтства. Надобно имѣть даже недовѣрчивость къ разсудительности зрѣлаго возраста, созрѣвающаго для земли, незамѣтно для разсудительности, не только для воображенія. Всѣ умремъ, и все пройдетъ. Земная разсудительность полезна для земли. Но съ чѣмъ же явимся въ ту жизнь? Бѣда, если будемъ обмануты холодною разсчетливостію, незамѣтно для насъ разсчитывающею только на спокойствіе земное. Самолюбіе, такъ мало видное въ первыхъ лѣтахъ нашихъ, какъ сильно и какъ умно располагаетъ нами въ зрѣлыхъ возрастахъ; но оно же и готовитъ безотрадную вѣчность».

Опасаясь, чтобы слова его не показались укоризною его другу и не смутили его, онъ спѣшитъ добавить: «Простите меня, Господа ради, что пишу то, что̀ попадется на душу, безъ осмотрительности. Худое, ненужное отбросьте, хорошее употребите въ дѣло и тѣмъ окажите мнѣ благодѣяніе, мнѣ бѣдному и нищему душею. Радъ бы я посмотрѣть на милаго Александра Васильевича, котораго такъ давно не видалъ; очень былъ бы радъ. Да вотъ уже скоро два года какъ не вижу васъ. Посидѣлъ бы съ вами, поговорилъ бы съ глазу на глазъ. Заочная бесѣда какъ-то не все даетъ душѣ, что̀ даетъ личная. Провелъ бы часъ хвораго здоровья и облегчилъ бы тяготу души. Но да будетъ воля Господа!»

Труды свои Филаретъ не подогрѣвалъ тщеславіемъ, имѣя о нихъ самое скромное понятіе. Посылая Горскому статьи свои, онъ просилъ, по примѣру своего великаго наставника, митрополита, замѣчаній и,

можно сказать, съ жадностію на нихъ бросался. «Добрый другъ мой!» писалъ онъ изъ Петербурга. «Ты любишь меня по прежнему и по прежнему выполняешь докучливыя мои желанія. Спасетъ тебя Господь! Какъ томимый жаждою и голодомъ, напалъ я на твои замѣчанія и все принялъ къ сердцу и всѣмъ воспользовался. Такъ я здѣсь скуденъ, такъ нуждаюсь въ душевной пищѣ, или лучше въ пищѣ для ума».— «Недостатокъ мой, о которомъ говорятъ мнѣ и котораго доселѣ не могу исправить, хотя и желаю, состоитъ въ томъ, что иногда не договариваю кое-что или неясно говорю. Да, это бѣда моя!» Не указываетъ ли это вопервыхъ на быстрый полетъ мысли, за которою едва успѣвалъ онъ слѣдовать; а вовторыхъ на увлеченіе предметомъ, которое иногда можно было приравнять вдохновенію? Такимъ образомъ, этотъ недостатокъ свидѣтельствуетъ только о богатствѣ мысли и обиліи матеріаловъ для ея работы.

Напечатавъ статью о Макимѣ Грекѣ (въ Ноябрьской книжкѣ «Москвитянина» 1842 г.) онъ, по прочтеніи ея въ печати, самъ произнесъ надъ нею суровый приговоръ. А прочитавъ статью Горскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ, написалъ ему: «Основательное и осмотрительное изслѣдованіе; мнѣ никогда не написать такой статьи. Это чувствую вполнѣ. Каждая часть осмотрѣна съ разныхъ сторонъ, и для каждой мысли цѣльной найдено нужное объясненіе или подтвержденіе. Особенно же важно то, что нѣтъ лишняго, такого, что̀ показывало бы только охоту говорить ученымъ образомъ и не прибавляло бы ничего для ученыхъ, какъ давно знающихъ подобныя вещи. Вотъ это послѣднее свойство для меня недоступно и не по силамъ, отъ того что мало самъ сознавалъ, а только собираю написанное другими. Что̀ дѣлать? Когда нѣтъ силъ, остается только сознаваться въ недостаткѣ ихъ. Бѣдность кругомъ меня; куда ни посмотрю на свой скарбъ—тряпье! Отчасти и досадую на себя; но такъ и быть. Дѣло кончено, путь миновался». Вотъ какъ скромно смотрѣлъ Филаретъ на свои ученые труды.

Мы не можемъ сказать, чтобъ Филаретъ пренебрегалъ замѣчаніями. Даже г-нъ Пономаревъ утверждаетъ, что онъ воспользовался нѣкоторыми замѣчаніями преосв. Макарія. Да можно указать и много подобныхъ примѣровъ. На счетъ цензурованія его «Исторіи Русской церкви» онъ писалъ Горскому: «Отцу протоіерею, пересматривавшему обѣ части «Исторіи», я очень благодаренъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ сдѣлалъ очень дѣльное замѣчаніе». «Очень доброе дѣло сдѣлали для меня, что напомнили о недостаткѣ «введенія». Я въ началѣ дѣла имѣлъ въ виду, по разсмотрѣніи частей дѣла, сдѣлать обзоръ общему; но потомъ забылъ и опустилъ совсѣмъ изъ виду за давностію».— «Душевно благодарю васъ, другъ мой, за душевное, дружеское уча-

стіе ваше въ пересмотрѣ рукописей Харьковской епархіи. Каждое слово, каждое замѣчаніе ваше и цензора принимаю съ благодарною любовію». «Да, жутко бывало выслушивать или читать приговоры трудамъ или замысламъ отъ великаго владыки нашего. За то, какъ это много принесло пользы! Нѣтъ, какъ ни многимъ хочется записать себя въ разрядъ великихъ талантовъ или геніевъ, но доселѣ только одинъ есть въ Россіи и великій богословъ, и великій критикъ, и великій философъ. Не скоро дождется Россія подобнаго человѣка. Да, есть у меня письма владыки нашего. Есть и письма другаго, именующагося знаменитымъ ораторомъ *). Очень много слушалъ я разговоры владыки нашего. Слушалъ недавно и разговоры имянующагося знаменитымъ. Какъ послѣдній далеко ниже стоитъ перваго! Такъ далеко, такъ далеко, что стоя около послѣдняго не видать перваго. А къ сожалѣнію видна охота у послѣдняго критиковать перваго. Къ чему бы, казалось, эти затѣи? Какъ не понять, что это не возвышаетъ, а унижаетъ его самого? Но таково самолюбіе наше! Извините, удалился отъ предмета, впрочемъ, не безъ пользы для предмета. Это показываетъ тоже самое, что̀ нужно мнѣ показать, т.-е. вы, мои милые, выученные подъ ферулою великаго критика, филолога, историка, философа, богослова, вы именно должны не оставлять безъ употребленія данныхъ вамъ теперь способовъ—знакомить съ памятниками древности, которыхъ съ такою жаждою ждутъ теперь всѣ». «Первое извѣстіе твое до крайности изумило меня. Меня обвиняютъ, будто я не отвѣчалъ на письмо владыки объ «Исторіи». Изъ этого составляютъ заключенія. Помню, очень помню и безъ справокъ, что мною написано было въ отвѣтъ на письмо владыки въ самый день и даже въ самый часъ полученія письма его. Но я справлялся въ оправданіе памяти съ почтовою книжкою, и оказалось, что письмо отдано на почту 7-го Февраля сего года (1851). Теперь вопросъ: какъ случилось, что письмо не получено владыкою? Истинно не понимаю. Немедленно написалъ я и вчера же отправилъ на почту новое письмо къ владыкѣ, гдѣ объяснилъ постоянныя расположенія мои къ нему и то, какъ принялъ замѣчанія его на «Исторію». Однако извѣстіе ваше не перестаетъ безпокоить меня странностію дѣла. Непріятно, что независимо отъ воли моей письмо не получено и тѣмъ наведено безпокойство душѣ великаго святителя. Письмо его не было мнѣ непріятно, хотя содержаніе замѣчаній, конечно, неблагопріятствуетъ дѣлу «Исторіи». Но еслибы и во сто разъ оно было непріятнѣе, и тогда у меня есть еще настолько смысла и совѣсти, чтобы понять и оцѣнить расположенія владыки. У меня даже возникаютъ со-

*) Иннокентія.

мнѣнія: не содержаніемъ ли полученнаго письма не совсѣмъ доволенъ владыка? Я въ немъ съ жаромъ сыновней любви благодарилъ его за наставленія. А онъ, быть можетъ, ожидалъ, чтобы я вошелъ въ какое-либо разсмотрѣніе замѣчаній его?» — «Возвращаюсь къ замѣчаніямъ и отзыву: они написаны въ такомъ умѣренномъ тонѣ, съ такою снисходительностію, какихъ прежде не случалось мнѣ ни разу видѣть ни въ письмахъ, ни въ офиціальныхъ отвѣтахъ его. Правда, есть нѣсколько замѣтокъ, которыя могли бы быть и не выставлены, то по ихъ неважности, а то и по оказывающейся исторической неточности; но это противъ прежнихъ его опытовъ критики уже малость, едва замѣтная. Ни въ первомъ, ни во второмъ письмѣ ни слова не сказалъ о содержаніи замѣчаній. Къ чему это? Дѣлу своему тѣмъ не помогу, а между тѣмъ могу обезпокоить душу святителя».

Препровождая иныя статьи свои г. Горскому для передачи въ цензуру, Филаретъ нерѣдко представлялъ ему что̀ признаетъ нужнымъ выбросить, перемарать, отстраняя всякое авторское самолюбіе. И нетолько предоставлялъ ему, но и цензурѣ. «Да, вы спрашиваете отъ имени другихъ, соглашусь ли я, чтобы сдѣланы были перемѣны въ статьѣ о пророчествахъ Исаіи? Пусть дѣлаютъ! Не спорю за свое, не спорю и противъ рѣшимостей чужихъ. Другъ мой, надобно мнѣ помнить, что каждый отвѣчаетъ за свое. Пусть что и какъ хотятъ перемѣняютъ!»

Очевидно, что здѣсь разумѣется отвѣтственность не передъ читающими, для которыхъ ошибки цензуры прикрывались именемъ автора; отвѣтственность, разумѣлась передъ Богомъ, передъ собственною совѣстію. Филаретъ посылалъ сочиненія свои къ Горскому неспорно для провѣрки, чтобъ не было допущено ошибки, погрѣшности противъ чистоты ученія, что̀ легче замѣтить со стороны. Осмотрительность его въ подобномъ случаѣ доходила до того, что когда писалъ онъ «Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа» то выслушалъ лекцію анатоміи знаменитаго профессора и хирурга Харьковскаго университета, Нароновича, чтобъ не погрѣшить въ объясненіи страданій Господа на крестѣ. Также точно всѣ свои статьи присылалъ ему и Горскій. Это дѣлаетъ понятною единственную цѣль этихъ тружениковъ—служить церкви. «Какъ идутъ занятія ваши по переводу Новаго Завѣта?» спрашиваетъ Филаретъ Горскаго изъ Петербурга въ 1858 г., куда вызванъ былъ на чреду въ Синодъ. «Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ скорой присылки трудовъ вашихъ. Ожиданіе общее. Надобно удовлетворить ему, чтобы хотя чѣмъ-нибудь утишить начавшія раздаваться жалобы противъ духовныхъ.... Боже мой, вступись за наслѣдіе Твое! Мы грѣшимъ, виноваты; но желали дѣлать въ Твоемъ

садѣ. Не попусти ругаться наглому невѣжеству и нечестію надъ Твоимъ достояніемъ».

Когда дѣло шло о святой церкви, Филаретъ дѣйствовалъ смѣло и открыто, не кладя на вѣсы свои земныя выгоды, и поучалъ дѣйствовать такъ и Горскаго, которому писалъ: «Будь же храбръ и честенъ въ защитѣ св. вѣры и церкви».

«Извѣстія ваши о результатахъ розысканій вашихъ о Славянскомъ переводѣ Библіи въ высшей степени интересны. Помогай вамъ Богъ въ святомъ трудѣ вашемъ! Такіе труды найдутъ награду на небѣ».

Можно ли же предполагать въ статьяхъ Филарета, направленныхъ противъ критики его сочиненій, широкій размахъ уязвленнаго самолюбія? Вотъ его взглядъ на такой предметъ, изложенный въ письмѣ его къ Горскому. «Вчера получилъ, вчера и нынѣ читалъ статью вашу объ училищахъ XVII столѣтія. Она прекрасна. Пишите, пишите поболѣе такихъ статей. Да, у васъ много готоваго, давно готоваго. Пожалуста, отдавайте печати. Зачѣмъ лежать добру безъ пользы? Такъ пріятно, такъ радостно мнѣ было читать вашу статью. Она такъ богата новыми свѣдѣніями. Почти что́ ни строка, то новость. Благодарю, благодарю душу твою. Господь да осѣнитъ ее Своею благодатію. Знаете ли что? Не отыщете ли чего-нибудь въ дополненіе? Вы сами говорите, что тамъ и здѣсь остается кое-что неяснымъ, неизвѣстнымъ. Дополненіе напечатайте какъ дополненіе. Было бы прекрасно. Повѣрьте—за каждую строку будутъ вамъ благодарны многіе, какъ и я грѣшный. Вы, какъ кажется, думаете, что то и другое извѣстно, то и другое уже знаютъ; зачѣмъ говорить объ извѣстномъ? Напрасно! Сколько людей у насъ съ познаніями? Сколько съ средствами такими, какія вы имѣете, или точнѣе, какія вы добыли любовію къ духовному просвѣщенію и дарованіями, данными вамъ отъ Господа? Немного. Обочтешься на трехъ. Пишите же, пишите, что́ знаете, не дозволяя щекотать себя самолюбію, мыслію объ извѣстномъ, о прошломъ. Самолюбіе, другъ мой, вездѣ беретъ съ насъ подать. Зачѣмъ же уступать грѣху? Лучше смиряться и смирять самолюбіе».

Прежде, чѣмъ сдѣлать заключеніе о рѣзкости отзывовъ Филарета, надо рѣшить, чего самъ онъ требовалъ отъ своего труда. «Вообще мнѣ хотѣлось бы, если Господу угодно, дѣло мое окончить такъ, чтобы по крайней мѣрѣ совѣсть моя была покойна и могла бы сказать о Господѣ: кажется ты дѣлалъ все, что́ было нужно. Если люди (чего и надѣюсь по настоящему ходу дѣла), если люди *) будутъ недовольны

*) Здѣсь говорится о Петербургской духовной цензурѣ.

трудомъ и отвергнутъ его: пусть они сами отдадутъ отчетъ Господу».

Не значитъ ли, что мы должны искать другую причину рѣзкости въ отвѣтахъ и замѣчаніяхъ Филарета, а не оскорбленное самолюбіе? Тутъ дѣйствовали съ одной стороны прирожденная пылкость Филарета и усиленная Рижскою жизнію раздражительносгь, въ чемъ каялся онъ самъ. Въ особенности, какъ не разъ мы имѣли случай замѣчать, эта раздражительность неудержимо обрушалась у него на самихъ виновниковъ этого раздраженія—Нѣмцевъ. Напримѣръ,по поводу его «Синодальнаго періода исторіи Русской церкви», нападали на него за рѣзкость въ изложеніи борьбы съ реформаціею. «Мнѣ писали, будто воюю я съ Нѣмцами, и это-то инымъ не по вкусу. Повѣрялъ и не разъ повѣрялъ написанное о Нѣмцахъ и по совѣсти не нахожу несправедливаго въ сказанномъ. Даже послѣдующія справки мои еще болѣе утвердили меня въ прежнемъ убѣжденіи относительно Лопатинскаго. Рѣзки выраженія? И этого не сознаю. Да, другъ мой, еслибы другому пришлось вытерпѣть тоже отъ Нѣмцевъ и также близко видѣть дѣла ихъ, какъ довелось мнѣ терпѣть и видѣть, не такъ бы заговорилъ онъ о Нѣмцахъ. Въ этомъ убѣжденъ по совѣсти. Нѣмцы въ книгахъ умные и тихіе люди; но пусть пожили бы съ ними въ Лифляндіи, да и на моемъ мѣстѣ. Нѣтъ, другъ мой, не осуждайте меня за рѣзкость. Душа моя грѣшная слишкомъ настрадалась,—въ ней все болитъ до самой малѣйшей фибры. Не думайте и того, что я не удерживалъ порывовъ души, когда доводилось говорить о нихъ. Лучше разберите и мое положеніе, и дѣла исторіи. Я старался говорить каждое слово по совѣсти, справляясь съ документами. Во время Елисаветы не такъ говорили и думали о Нѣмцахъ. Нынѣ иные добры стали къ Нѣмцамъ. Не дай Богъ никому изъ такихъ испытать на себѣ благодарность Нѣмцевъ. Она была бы слишкомъ черства *). Охъ эти универсальные люди! Взялъ бы метлу да и вымелъ ихъ изъ св. Руси, которая такъ тѣсна и дурна для нихъ. И зачѣмъ они не спѣшатъ переѣхать во Франкфуртъ на тамошній сеймъ? Вѣдь имъ тамъ и мѣсто. Знаете ли кто вице-президенты сейма? Два Жида. Кто основатели сейма? Булочникъ да адвокатъ. Честь и слава Нѣмцамъ! Какъ жаль, что Лифляндскіе негодяи отступились отъ рѣшимости своей вступить въ союзъ Франкфуртскій! Но что дѣлать? Всегда успѣваютъ обманывать, точь въ точь, какъ Жиды. Вся исторія ихъ—торговля кровью другихъ».

Мы не можемъ не подмѣтить здѣсь высокой черты Филарета: раздражительность его противъ Нѣмцевъ и укоры замѣчаются у него

*) Здѣсь, конечно, не имѣлись въ виду Австрійцы и Прусаки.

только въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о козняхъ Нѣмцевъ противъ православной церкви, противъ нашего отечества и объ угнетеніи несчастнаго народа. Мы припомнимъ читателю, что Филаретъ переносилъ смиренно козни, лично противъ него направленныя, принимая ихъ, какъ заслуженное имъ наказаніе Божіе. Выражая эту мысль въ письмахъ своихъ къ Горскому, онъ нерѣдко добавлялъ: «да проститъ ихъ Господь!»

Въ своей рѣзкости самъ сознавался Филаретъ. «Другъ мой, и я грѣшный человѣкъ. Ты знаешь, какъ легко и сильно поражаютъ меня непріятности. Правда, скорбь и тревоги жизни довольно истощили и жара и влаги; но перемѣняетъ человѣка только благодать; а грѣшный Филаретъ не лучшимъ, а худшимъ становится день ото дня».— «Благодарю тебя искреннею душею за благое вразумленіе. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. И прежде я неисправенъ былъ въ отзывахъ о другихъ; а тѣсное положеніе мое, какъ кажется мнѣ, увеличило мою раздражительность. Впрочемъ, мнѣ думается, что критическая статья по самому своему содержанію не могла обойтись безъ шероховатостей для тѣхъ, которыхъ касалась. Если согрѣшилъ я, Господи, противъ ближняго по страсти: прости мнѣ негодному».—«Другъ мой, не сѣтуй на меня за мои шероховатыя слова. Иному Богъ далъ способность жить подъ ладъ желаніямъ человѣческимъ. Въ себѣ, грѣшный, я не вижу этой способности. Невѣрный звукъ раздражаетъ мои нервы, потрясаетъ душу. Что же мнѣ дѣлать? Повторю,—горькая жизнь моя въ Ригѣ сдѣлала меня еще болѣе раздражительнымъ. Особенно первыя впечатлѣнія, прежде, чѣмъ съумѣю во-время осмотрѣть ихъ и умѣрить чувства, тяжелы мнѣ бываютъ. Въ настоящемъ случаѣ о. Макарій попался на глаза такъ недавно. Теперь и самъ раскаеваюсь, что одна строка (Латинская) вовсе не нужна и даже не умна. Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ!»—«Ты знаешь меня, каково обходятся душѣ моей нелѣпости людскія, коль скоро душа займется ими. Покоенъ, пока закрываю отъ нихъ глаза. Что же дѣлать съ собой?»

И тотъ же Филаретъ былъ мягокъ и кротокъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ, побѣждая своею кротостію ихъ нерадѣніе и погрѣшности. Но въ этомъ случаѣ онъ видѣлъ зло поправимое, невредящее церкви; оно не составляло плода людскаго самолюбія, которому въ жертву приносились бы чистота св. ученія, польза церкви. Послѣдняя-то «нелѣпость людская» и была невыносимою для Филарета, вызывая его раздраженіе.

Съ этою особенностію характера (мы не назовемъ ея недостаткомъ, какъ называетъ самъ Филаретъ) онъ боролся во всю жизнь. Если рѣзкость идетъ въ уровень съ ревностію къ добру и правдѣ, за-

щищая которыя она вызывается, мы не рѣшимся поставить ее въ укоръ святителю: она для насъ цѣннѣе, нежели спокойное примиреніе съ извѣстнымъ теченіемъ. Рѣзкое слово Филарета—воля ваша—ближе сердцу, чѣмъ равнодушное: «пусть управляютъ!» Но какъ лицо духовное, какъ человѣкъ строгій къ себѣ, Филаретъ самъ порицалъ эту рѣзкость, и все-таки сознавался, что не могъ «подлаживаться подъ тонъ людей». «Статья о Кириллѣ подала поводъ къ искушеніямъ. Мнѣ писалъ о. Макарій. Кажется окончилась ссора, а я право не хотѣлъ ни съ кѣмъ ссориться. Еслибы зналъ я, что «Христіанское Чтеніе» нынѣ подъ особою редакціею людей великихъ, до которыхъ касаться не мое дѣло, то, конечно, не коснулся бы о. Макарія. Да, вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дуракомъ умру». «Не знаю, случалось ли вамъ испытать на себѣ, а мнѣ грѣшному много разъ пришлось испытать, хотя и доселѣ еще не вразумляюсь испытаннымъ: послѣ каждаго случая, когда сильно бываю раздраженъ противъ кого-нибудь, Богъ посылаетъ тяжкія непріятности. Не умѣю рѣшить себѣ, такъ ли Господь милостивъ ко мнѣ грѣшному, что Онъ благоволитъ именно въ наказаніе и наставленіе посылать мнѣ такія обстоятельства и именно при такомъ расположеніи души моей. Только это случалось со мною много разъ. Одно несомнѣнно, что гнѣвъ и раздраженіе мои точно дурны». Не говорятъ ли намъ эти слова Филарета, какъ строго-внимателенъ онъ былъ къ самому себѣ? «Желалъ бы передать тебѣ подробный отчетъ о здѣшнихъ дѣлахъ», писалъ онъ изъ Риги. «Но съ одной стороны много нужно для того времени; съ другой, дѣла здѣшнія такъ мудрены, что христіанскія чувства велятъ лучше покрывать ихъ молчаніемъ, чѣмъ неосторожному сердцу давать просторъ для выраженія мыслей или самолюбія, или униженія другихъ. Желалъ бы я лучше поговорить съ тобою или у тебя на кровати, или у себя на постелѣ, какъ это бывало въ прежніе годы: тогда твой глазъ много увидалъ бы, чего не сказалъ бы языкъ мой; тогда слухъ твоей дружбы понялъ бы живой голосъ сердца, передаваемый теперь въ мертвой буквѣ. Но да будетъ, что̀ угодно Господу».

Указываютъ на рѣзкій отзывъ его о статьѣ «Дня», редактора которой онъ назвалъ дуракомъ. Воспроизведемъ нѣсколько строкъ замѣчаній Филарета. «Редакторъ «Дня» не коротко описалъ свое «сожалѣніе» о порученіи Черниговскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія надзирать за выполненіемъ крестьянами долга исповѣди. Онъ желаетъ, настойчиво желаетъ, чтобы каждый жилъ, какъ хочетъ. Думаемъ, что редакторъ не заявилъ бы такихъ желаній, еслибы онъ зналъ Украинскую пословицу: *паны, якъ дурни, що хотятъ, то роблятъ.*

Еслибы онъ зналъ это, то, конечно, не захотѣлъ бы прежде всего записать себя самого въ число дурней».

Надобно перенестись къ шестидесятымъ годамъ, когда въ печати ратовали о гражданскомъ бракѣ или, другими словами, узаконенномъ сожительствѣ, о свободѣ совѣсти въ исповѣданіи вѣры, т.-е. когда проповѣдывали о всемъ, что̀, идя въ разладъ съ нашимъ историческимъ ладомъ, расшатывало наши государственныя основы. Мы теперь признаемъ мудрою политику Грознаго, понимавшаго хорошо, что чѣмъ болѣе въ такомъ разноплеменномъ и обширномъ государствѣ, какъ Россія, послѣдователей одной господствующей вѣры, тѣмъ прочнѣе связь народная и сильнѣе самое государство. Съ этою цѣлію онъ во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ строилъ церкви, и строилъ ихъ съ поспѣшностію, напримѣръ (какъ говоритъ преданіе) въ Казани церковь была выстроена въ три дня, а въ слѣдующемъ году по покоренiи, какъ извѣстно, уже была открыта тамъ епархія. Мы сознаемъ ошибки наши въ Прибалтійскомъ краю. И вотъ, на перекоръ этимъ урокамъ, усиленно заботились о разобщеніи народа. Вѣдь статья «Дня» какъ нельзя болѣе была на руку агентамъ анархіи. Могъ ли Филаретъ спокойно отнестись къ этой игрѣ въ случайности, въ которую втягивали отечество? Опять вопросъ: власть помѣщиковъ надъ крестьянами въ 1861 году пала; правительство не могло ее вполнѣ замѣнить своими органами; народъ незрѣлый политически, народъ, котораго нравственность была неопредѣленна, такъ какъ ею управляла сила вещей чисто-внѣшняго порядка, могъ проявить самые дикіе инстинкты, и единственнымъ оплотомъ ей могла быть церковь, съ ея уставами, ея словомъ. Но эту-то попечительную роль ея думали замѣнить свободою. Какъ же могъ отнестись къ такому посягательству Филаретъ, какъ служитель церкви, какъ патріотъ, искренно при томъ любившій народъ? Мы не можемъ согласиться съ поклоненіемъ передъ авторитетнымъ именемъ автора и тогда, когда онъ очевидно впадаетъ въ ошибку; она тѣмъ опаснѣе, тѣмъ грознѣе, чѣмъ популярнѣе это имя; и тѣмъ понятнѣе съ другой стороны рѣзкость осужденія: «кому много дано, отъ того много и потребуется». Наконецъ, распоряженіе крестьянскаго присутствія шло какъ нельзя болѣе въ тонъ законодательству; извѣстно, что самый законъ установилъ подобный надзоръ за классомъ даже интелегентнымъ. Такъ лица, состоявшія на государственной службѣ и болѣе двухъ лѣтъ не бывшія у исповѣди и св. причастія, исключались изъ службы. Мы не можемъ теперь провѣрить, что̀ сталось съ этимъ закономъ? Или просто превратился онъ въ мертвую букву, или исчезъ при новой кодификаціи Свода, какъ исчезли, не будучи отмѣнены высочайшею властію, статьи закона, ограждавшія Рус-

ское населеніе отъ разорительной для него эксплуатаціи Евреевъ (въ Малороссіи).

Находятъ слова Филарета крайне-рѣзкими, обидными; но не въ тысячу ли разъ обиднѣе, когда эта обида наносится милліонамъ соотечественниковъ и самому отечеству? Вѣдь эти опасенія за отечество подсказывались Филарету любовью къ нему, а ужели любовь довела проповѣданныя доктрины до позорнаго дня 1-го Марта?!

Филаретъ не имѣлъ времени входить въ тонкій критическій анализъ каждой подобной статьи, изъ какихъ сшита почти вся литература шестидесятыхъ годовъ. Опять надо принять во вниманіе среду, для которой писалась статья Филарета. Здѣсь тонкая философія и политическія разсужденія не приковали бы къ себѣ вниманія читающихъ, а рѣзкія два слова сильнѣе могли подѣйствовать на умы.

Рѣзко относился Филаретъ къ трудамъ А. Н. Муравьева. Намъ со стороны казалось бы, что занятія людьми свѣтскими предметами духовной литературы должны быть привѣтствуемы Филаретомъ. Но такъ ли это? Филаретъ замѣтилъ разъ: «Странное дѣло, какъ въ Греческой церкви дѣла шли запутанно предъ паденіемъ имперіи. Брались судить и рядить о вѣрѣ люди, которыхъ дѣло—тесакъ и ружье». Если онъ съ такимъ предубѣжденіемъ взглянулъ на труды Муравьева, то по ревности его предъ нимъ уже рисовалось сближеніе въ положеніи дѣла двухъ имперій: Византіи и ея преемницы. Жизнь въ Петербургѣ и Ригѣ могла ему дать только прибавку къ его грустнымъ размышленіямъ объ этомъ предметѣ. Къ тому же онъ не вѣрилъ, чтобы труды Муравьева были плодомъ горячей любви къ церкви, а смотрѣлъ на нихъ какъ на спекуляцію. Какъ много могъ извинить онъ въ первомъ случаѣ, такъ непощаденъ былъ во второмъ. Мы знаемъ, что Андрей Николаевичъ удостоился христіанской кончины, а потому съ увѣренностію сказать можемъ, что онъ имѣлъ заслуги передъ Богомъ; но недобрыя свѣдѣнія о немъ доходили до Филарета. Это обстоятельство могло прибавить еще болѣе рѣзкости къ его отзывамъ о немъ. Затѣмъ были и другія причины. «Преосвящ. Иннокентій Одесскій подсыпалъ мнѣ жару подъ огонь, таившійся подъ пепломъ», писалъ Филаретъ. Ѣхавъ въ Москву, Иннокентій убѣждалъ Филарета заняться житіями святыхъ, указавъ на недостатки книги Муравьева. На обратномъ пути, или съ цѣлію подвинуть Филарета къ этому труду, или, можетъ быть, и вовсе безъ всякой цѣли, онъ сообщилъ, что «Муравьевъ поднимаетъ противъ него всѣхъ...» Въ этихъ «всѣхъ» конечно разумѣлся прежде всего митрополитъ, котораго расположеніемъ такъ дорожилъ Филаретъ. «Вотъ вамъ исповѣдь о житіяхъ», писалъ онъ Горскому. «Къ этому надобно прибавить, что Московскому владыкѣ написалъ я, грѣшный, самое

жестокое письмо о Муравьевѣ, съ желаніемъ тѣмъ, чтобы показать несправедливость любви его къ Муравьеву. Послѣднее письмо, какъ думаю, долго будутъ припоминать мнѣ. И по дѣломъ тебѣ, скверный Филаретъ! Зачѣмъ тебѣ смотрѣть на чужіе грѣхи? Смотри на свои».

Митрополитъ, какъ кажется, и былъ недоволенъ; а сюда примкнулъ и Горскій. Къ сожалѣнію, обидѣлись тѣмъ, что другой сказалъ вмѣсто похвалы легкое неодобреніе житіямъ, которыхъ, если говорить искренно, не за что и хвалить. «Вы пишете апологію своимъ намѣреніямъ *); но иное дѣло—намѣренія, другое—выполненіе ихъ. Сознайтесь лучше, писалъ онъ Горскому, что дѣло не обошлось безъ человѣкоугодничества. Иначе же вы дозволяете ожидать, что одобрите «похожденія Ильи Муромца» въ видѣ житія преп. Ильи Муромца. Видно, всякому своя доля. Мнѣ доля—горечь, и горечь, и горечь. Да будетъ благословенно имя Господа Спасителя грѣшниковъ, изъ которыхъ я самый негодный».

«У меня не было ничего на душѣ на Московскую цензуру собственно за мои сочиненія; но, какъ я писалъ, осуждалъ я ее за странныя поблажки къ дичи Муравьева. Владыка принялъ за странность слова мои: «Муравьевъ терзаетъ терпѣніе другихъ своими житіями». «Относительно о. Василія вовсе не могу быть согласнымъ съ вами; его нельзя ставить на одну доску съ простодушными біографами, ошибавшимися по простодушію. Это—человѣкъ гордый, принявшій на себя роль учителя церковнаго и съ высокомѣріемъ разглагольствовавшій о лицахъ и дѣлахъ, хотя и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжда и безтолковый человѣкъ. Владыкѣ писалъ я, что Муравьевъ—почти тоже, что о. Василій. Люди подобнаго разряда всегда наносили страшный вредъ церкви. Такъ думаю по совѣсти, а не по страсти. Судить же насъ всѣхъ будетъ Господь». Вотъ какъ увѣренъ онъ былъ въ правотѣ и чистотѣ своего взгляда на Муравьева.

Изъ Петербурга, когда присутствовалъ Филаретъ въ Св. Синодѣ, въ 1858 году, писалъ онъ Горскому: «А. Муравьевъ говорилъ мнѣ, что Александръ Васильевичъ хотѣлъ писать мнѣ о его трудахъ quasi ученыхъ; но я ничего не получалъ. И до того надобно смириться, чтобы подписать опредѣленіе о выдачѣ 500 рублей на изданіе Греческаго перевода житій! И добрый мой Александръ Васильевичъ стоитъ за благочестіе Муравьева! Господи, прости меня грѣшнаго. Даждь ми зрѣти моя прегрѣшенія». Волей-неволей подписавъ опредѣленіе, Фила-

*) Филаретъ высказался о намѣреніи своемъ составить житія. „Недавнія житія не дѣлаютъ лишнимъ желаніе представить другія, новыя житія“, писалъ онъ Горскому.

ретъ не стерпѣлъ, чтобъ не высказать своего мнѣнія. «Чтобы сказать все, что̀ было, надобно признаться и въ томъ, что, погорячившись, сказалъ я о требованіи денегъ; это безсовѣстно. Вѣроятно не преминутъ довести это до свѣдѣнія Муравьева, и тогда достанется мнѣ на орѣхи! Охъ, чего уже не лили на сѣдую мою бороду? Что-то будетъ далѣе?» «Противъ Андрея Николаевича самое сильное мое неудовольствіе за то (объяснялъ Филаретъ Горскому), что онъ очень много вредитъ столько любимому мною святителю Московскому; къ тому же часто не таковъ въ отношеніи къ нему на дѣлѣ, какимъ является передъ нимъ. Но да будетъ воля Божія! Постараюсь слѣдовать совѣту дружбы вашей».—«Да», добавляетъ онъ, «православіе на устахъ—дѣло очень опасное. Не говорю о немъ (Муравьевѣ) болѣе ничего; потому что съ одной стороны довольно терпѣлъ отъ него скорбей, съ другой потому что, кажется, ему, лицемѣрному фарисею, прошло уже время».

Мы приведемъ здѣсь мнѣніе Филарета о времени Грознаго и Стоглавѣ. «Вы не повѣрите, какъ много глупость самонадѣянныхъ людей времени Стоглава портила въ священной древности своими ребяческими толкованіями. Нельзя довольно надивиться, какъ отважны, какъ самонадѣянны, какъ даже наглы были эти люди, будучи пошлыми невѣждами! Досада на нихъ иногда выводитъ меня грѣшнаго изъ терпѣнія. Этотъ страшный духъ, это чудовище, а не человѣкъ, Иванъ Грозный, столько надѣлалъ бѣдъ и для государства, и для церкви, что послѣдняя и доселѣ не освободится отъ терзаній его. Подумайте и согласитесь. Гордость—истинный сатана для человѣческаго рода. Простите за недостатокъ терпѣливости. Едва освободились изъ подъ арапниковъ Монгольскихъ, какъ уже гордость и подняла ихъ такъ высоко, что чуть-чуть видно стало ихъ на землѣ. «Мы—православные, Греки-бусурманы, мы одни учители и хозяева православія»—кричали эти странные люди, и давай судить и рядить въ книгахъ о церкви; а на дѣлѣ до того были низки, грубы, пошлы и по жизни, и по образованію, что больно смотрѣть на этотъ пошлый сбродъ невѣждъ. Эта-то невѣжественная гордость была тою чумою для святой церкви, которая настолько вѣковъ заразила толпы темныя. Опять прошу прощенія».

Вотъ эта-то боязнь заразить толпы темныя и вызывала строгое отношеніе Филарета къ духовнымъ сочиненіямъ. Но все-таки находя въ «Житіяхъ Русскихъ Святыхъ» Муравьева много недостатковъ, онъ не рѣшался произнести въ печати свой приговоръ. Несмотря на то, что онъ приневоленъ былъ къ тому Св. Синодомъ, онъ медлилъ выполненіемъ возложеннаго на него порученія. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу своему научителю—Московскому митрополиту. «На бумагѣ нельзя написать всего и относительно святыхъ....

Два дѣла надобно дѣлать: представить доказательства на то, что то или другое лице признано святымъ со стороны церкви и представить описаніе Житія Святыхъ. Если нелегко послѣднее, то болѣе тяжело первое. Для перваго, если дѣлать его по совѣсти и со всею отчетливостію, надобно пересмотрѣть патріаршій архивъ и частію митрополичій.... Коротко сказать, легко писать, но легко ли выполнять? Вмѣсто того, если Св. Синоду благоугодно, чтобы выполненъ былъ указъ его, присланный ко мнѣ, надобно вызвать меня въ Петербургъ. Говорю это не для себя и потому говорю съ свободою. У меня готовы и описанія Житія Святыхъ и свѣдѣнія о причисленіи того или другаго лица къ Святымъ; но представить ихъ Синоду не дозволяю себѣ. Легкомысленно поступать въ дѣлѣ важномъ не желалъ и не желаю. Страсти и предубѣжденія вездѣ только портятъ дѣла. О Житіяхъ Святыхъ было и теперь есть слѣдующее убѣжденіе мое. Должно: 1) составить описаніе житій на основаніи лѣтописей, рукописныхъ описаній и повѣстей, чтобы это было чтеніе назидательное и для ума, и для сердца, а не соблазнительное для того и другаго; 2) издать древнія житія, повѣсти и записки о святыхъ, не прибавляя къ ихъ тексту ничего своего; 3) читать же то, что̀ издается Муравьевымъ, простите, святой владыка, за мое мнѣніе, тоже, что́ читать басни, передѣланныя на новый ладъ: тутъ что̀ ни строка, то ошибка—противъ исторіи, хронологіи, языка, логики, психологіи, ошибка во всѣхъ видахъ и родахъ. Богъ видитъ, говорю не по предубѣжденію, но по свѣдѣніямъ какія Богъ далъ. По убѣжденію моему начальство должно быть первымъ дѣятелемъ тамъ, гдѣ дѣло касается до св. церкви. Иначе иновѣрцы давно порицаютъ Русскихъ епископовъ и за недѣятельность, и за рабство; а ихъ голосъ стали повторять и въ слухъ Русской церкви (назидательно ли послѣднее для раскольниковъ и для чадъ церкви?) Изданіе древнихъ біографій, повѣстей и записокъ о святыхъ могло бы легко совершиться при трехъ академіяхъ: каждая издавала бы описанія только тѣхъ святыхъ, которые подвизались въ ея округѣ. Самыя древнія описанія могли бы быть изданы на древнемъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ; позднія довольно издать только въ переводѣ. Изданіе могло бы быть названо: «Памятники Благочестія», и составить, если не особое изданіе, то особый отдѣлъ нынѣшнихъ изданій. Не обвиняйте меня, святой владыка, что не представлялъ и не представляю замѣчаній объ ошибкахъ Муравьева. Не представлялъ прежде отъ того, что не считалъ нужнымъ для своего дѣла, а вызываться на дѣло не свое—не считалъ должнымъ; не представляю теперь по другимъ причинамъ совѣсти моей».

Причина же нынѣ понятна: «довольно терпѣлъ отъ него скорбей» Филаретъ, а потому опасался, чтобы личное неудовольствіе не примѣшалось къ святому дѣлу.

Приведенное письмо къ митрополиту еще разъ свидѣтельствуетъ объ особенной осторожности Филарета въ ученыхъ трудахъ по предметамъ вѣры. Ошибка въ повѣствованіяхъ о политическихъ событіяхъ всегда поправима, она не идетъ далѣе книги; тогда какъ ошибка въ предметахъ вѣры, въ ученіяхъ церкви можетъ вовлечь въ заблужденіе массу и породить разномысліе. Поэтому-то и не могъ равнодушно относиться Филаретъ къ тѣмъ, кто легкомысленно обращался съ этимъ предметомъ. Чтобы поправить ошибки другихъ и предотвратить послѣдствія, Филаретъ бралъ на себя трудъ заняться тѣмъ же предметомъ. Такъ, осудивъ книгу Муравьева, онъ самъ написалъ *Русскіе Святые, чтимые всею церковью или мѣстно.* Замѣтивъ погрѣшности въ сочиненіи Макарія, самъ написалъ *Житіе преподобнаго отца нашего игумена Печерскаго Ѳеодосія, описанное преподобнымъ Несторомъ, въ переводѣ на современный Русскій языкъ.*

Такую ревность о чистотѣ ученія не могъ не замѣтить у Филарета Московскій святитель и не отдать ему дань уваженія. Вотъ почему митрополитъ, какъ ни былъ близокъ ему Муравьевъ, съ довѣріемъ отнесся къ мнѣнію Филарета, къ его глубокимъ познаніямъ и его побужденіямъ и уклончиво отвѣчалъ Муравьеву на его просьбу: «унять Харьковскаго критика».

Раздраженіе, вызванное у Филарета критическими статьями «Духовнаго Вѣстника», имѣло весьма вѣскія причины. Ходили слухи, (мы не беремся рѣшить и, пожалуй, согласны скорѣе отнести ихъ къ сплетнямъ), что этимъ статьямъ было много придано смѣлости, если не сказать болѣе, лицомъ высокопоставленнымъ. Указанія на недостатки и погрѣшности его сочиненій, какъ мы видѣли, принимались съ признательностію Филаретомъ; но такое отношеніе къ трудамъ своимъ, какое замѣчается въ статьяхъ «Духовнаго Вѣстника», не могъ безъ горечи встрѣтить Филаретъ, какъ *извѣстное современное явленіе,* оставляя въ сторонѣ авторское самолюбіе. Огорченный труженикъ не могъ отнестись спокойно къ этому явленію; а тутъ нѣсколько обстоятельствъ подкрѣпляли вѣроятность слуха: 1) журналъ издавался въ Харьковѣ; 2) до сего времени въ духовной литературѣ не встрѣчалось критическихъ статей такого тона и направленнаго противъ не начинающаго, а уже имѣвшаго громкую репутацію ученаго и притомъ заслуженнаго іерарха; 3) когда ученые труды Филарета пріобрѣли ему громкую извѣстность и засвидѣтельствованы всѣми учеными обществами Имперіи, нужно было имѣть большую отвагу, чтобы

рѣшиться окатить ихъ насмѣшками, отвагу, которой до этого случая не замѣчалось у автора статей.

Филарету конечно припомниться могли прицѣпки Петербургской духовной цензуры, впечатлѣніе, какое произвелъ онъ неосторожною критикою статей «Христіанскаго Чтенія», и ему легко могло показаться, что автору статей «Духовнаго Вѣстника» придало бодрости лицо, желавшее свести съ нимъ старые счеты, т.-е. Макарій. Мы вовсе не желаемъутверждать справедливость слуха и пріурочить такое убогое чувство къ достопамятной личности; но желаемъ сказать, что въ силу сложившихся обстоятельствъ оно могло такъ показаться Филарету, впослѣдствіи раскаявшемуся въ своемъ рѣзкомъ отвѣтѣ.

Вотъ что̀ между прочимъ писалъ онъ: «Критическая статья Харьковскаго «Вѣстника» о книгѣ *Историческое ученіе объ отцахъ церкви* имѣетъ въ виду, по ея словамъ, объяснить точное значеніе этого ученія. Мысль добрая, но каково исполненіе ея?» «Любовь критика къ преданію достойна всякаго уваженія; но онъ по мѣстамъ даже патетически говоритъ о томъ, что ученіе объ отцахъ есть ученіе о преданіи. Вѣрна ли мысль его? О томъ ни слова, что отцы церкви въ своемъ ученіи держались преданія, гдѣ было нужно, точно также какъ благоговѣйно описывали дѣянія церкви и частныхъ лицъ. Но они же размышляли о словѣ Божіемъ, о предметахъ вѣры, о правилахъ жизни, они спорили и ораторствовали, философствовали и были филологами, и при томъ даже ошибались. Потому говорить, что ученіе объ отцахъ церкви тоже, что̀ ученіе о преданіи, значитъ не понимать отцовъ церкви или, намѣренно закрывъ глаза для предмета, толковать о немъ по своему изволу. Если хотите, можете извлекать изъ ученія отцовъ церкви ученіе преданія, но это будетъ особая работа у васъ, но не ученіе объ отцахъ. Точно также можете, если угодно, извлекать изъ сочиненій отеческихъ текстъ евангельскій; но это будетъ ли ученіе объ отцахъ? Еще другой составитъ правила герменевтики словами отцовъ; и это будетъ ученіе объ отцахъ? Четвертый и пятый займутся изученіемъ философіи отцовъ церкви; плодомъ труда ихъ будетъ прекрасная и занимательная часть ученія объ отцахъ, но только часть. Критикъ такъ наивенъ, что разъ прямо говоритъ: «патрологія вовсе не должна заниматься обозрѣніемъ тѣхъ сочиненій, гдѣ отцы церкви являются обыкновенными учеными, философами, знатоками естественныхъ наукъ и пр.» Это отъ чего? спросите вы. Видите, критикъ рѣшается показать вамъ отца церкви въ такомъ видѣ, какъ ему критику угодно, а не въ томъ, какимъ былъ отецъ церкви на самомъ дѣлѣ. Скажете, что это несогласно съ значеніемъ историческаго ученія объ отцахъ, что это смахиваетъ на недобросовѣстный папизмъ?

Ужели критику хочется быть въ такомъ нарядѣ? Да, честь православнаго въ томъ, что онъ и не протестантъ и не папистъ, или, какъ писалъ покойный Хомяковъ, не своевольничаетъ, не умничаетъ онъ ни на манеръ папизма, ни на манеръ протестантизма».

Здѣсь Филаретъ, дѣлая возвраженіе по существу дѣла, объ остальныхъ погрѣшностяхъ критики умалчиваетъ, *покрывая ихъ любовію.*

Къ тому же Филаретъ, кажется, не признавалъ геніальности преосвященнаго Макарія. Такъ по поводу напечатанія послѣднимъ сочиненія Іакова въ «Христіанскомъ Чтеніи», Филаретъ писалъ Горскому: «Не могу однако умолчать, что Макарій [1]), скорый въ дѣлахъ, но мало основательный, видѣнъ и въ этомъ дѣлѣ. Къ чему было печатать драгоцѣнную древность съ испорченныхъ позднихъ списковъ? Развѣ въ Петербургѣ далеко отъ него музей Румянцова и публичная библіотека?» — «Слышно, въ духовныхъ журналахъ нашихъ предписано помѣщать статьи о расколѣ. Пожалуста, не допускайте такихъ безтолковыхъ статей, какова помѣщена въ Ноябрьской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» [2]). Такія статьи могутъ только сбивать съ толку нетолковыхъ бородачей». По поводу статьи Макарія «Три памятника Русской духовной литературы XI-го вѣка», Филаретъ писалъ Горскому: «Что̀ касается до статьи о Ѳеодосіѣ Печерскомъ, между нами будь сказано, она могла бы полежать въ бумагахъ сочинителя до времени, пока умъ его будетъ основательнѣе. И я ожидалъ, что дѣльная статья Билярскаго заставитъ сочинителя собраться съ мыслями, которыя у него странствуютъ тамъ и здѣсь, какъ кочующіе Ирокезы... Гораздо болѣе было бы пользы напечатать Несторово житіе Ѳеодосія или въ подлинникѣ съ варіантами по рукописямъ, или въ Русскомъ переводѣ. А статья сочинителя кромѣ неудовольствія на пустыя догадки, на безтолковое многословіе, чѣмъ даритъ читателя? Уставъ Студита —вещь важная; но безъ доказательствъ не вѣрятъ сочинителю, будто уставъ, выписанный имъ, есть уставъ Ѳеодора Студита. Сочинитель не заглянулъ даже въ каталоги Греческихъ рукописей, чтобы точнѣе узнать, что̀ тамъ называется уставомъ Студита? Такъ ли поступаютъ дѣльные ученые люди? Пожалуй и «Москвитянинъ» написалъ жизнь Ѳеодосія. Для кого? Для Чухонцевъ? Русскіе, вѣдаешь, не говорятъ такъ, какъ онъ говоритъ». Или писалъ онъ Горскому: «Петербургскіе рецензенты недовольны мною особенно за изображеніе бояръ Никонова времени; это извѣстно мнѣ и по частнымъ свѣдѣніямъ. Пусть о. Макарій забавляетъ ихъ водянистыми разсказами безъ мысли и силы, и пустыми

[1]) Тогда ректоръ С.-Петербургской Академіи.

[2]) Макарія „Очеркъ исторіи Русскаго раскола".

догадками о проповѣди апостола Андрея Славянамъ. Недавно читалъ его *Введеніе въ Богословіе*. Что это за вздорная путаница? Ни логическаго порядка, ни силы въ доказательствахъ нѣтъ. Еслибы мнѣ грѣшному привелось читать и студенческое подобное сочиненіе, не оставилъ бы четвертой части не измаранною». Но здѣсь не играло роли самолюбіе или пристрастіе вообще, такъ какъ только передъ этимъ онъ съ одобреніемъ отозвался о трудѣ того же Макарія «Исторія Кіевской Духовной Академіи». Очень добрыя и даже близкія отношенія его съ преемникомъ его по академіи Евсевіемъ не помѣшали Филарету въ письмахъ къ Горскому строго осудить его «Бесѣды о спасительныхъ таинствахъ». Къ тому же надо принять во вниманіе, что рѣзкій отзывъ Филарета о сочиненіяхъ Макарія высказывался имъ въ дружескихъ письмахъ, а не въ печати.

Филаретъ, напротивъ, съ особенною радостію привѣтствовалъ всякое дѣльное сочиненіе, какъ цѣнный вкладъ въ науку и высказывалъ похвалу ему въ письмахъ къ Горскому. Такъ, въ томъ же письмѣ, въ которомъ порицалась статья Макарія о расколѣ, онъ писалъ о статьѣ проф. Кудрявцева: «Статья о единствѣ рода человѣческаго», превосходная статья. Я читалъ ее съ наслажденіемъ. Слышалъ прекрасные отзывы о ней докторовъ здѣшняго (Харьковскаго) университета. Дай Богъ молодому сочинителю силъ и усердія трудиться и впередъ съ такою же пользою для св. церкви». Такъ же точно, въ томъ же письмѣ, въ которомъ указаны погрѣшности въ статьѣ Макарія о Ѳеодосіѣ, онъ выхвалялъ сочиненіе Смирнова-Платонова «О преждеосвященной литургіи». Онъ съ восторгомъ отзывался о сочиненіи Нечаева «Житіе святителя Димитрія». «Сколько мнѣ видно, въ ученомъ отношеніи у насъ еще не было ни одного подобнаго жизнеописанія». «По крайней мѣрѣ я съ своей стороны сто разъ цѣлую васъ и, до земли кланяюсь, благодарю. Обзоръ источниковъ Четьихъ-Миней—дѣло превосходное. Это такъ было нужно для церкви, какъ нельзя болѣе. Не только легкомысленныя головы, но люди дѣловые, какъ напримѣръ владыка нашъ, не имѣвъ возможности въ точности знать дѣло, выражали сильныя сомнѣнія противъ вѣрности свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Четьихъ-Минеяхъ. Теперь они могутъ видѣть, что сомнѣнія ихъ были напрасны, или что по крайней мѣрѣ святитель съ своей стороны сдѣлалъ слишкомъ много для перваго опыта, чтобы не имѣли права не довѣрять ему».

При какой бы ни было нравственно-высокой жизни, темпераментъ и характеръ лица всегда скажутся. Люди святые представляли всегда возможность наблюдать ихъ характеръ: настолько онъ сквозь обликъ смиренія просвѣчиваетъ всегда. Мы знаемъ, что полемика св. Іоанна

Златоустаго и св. Кирилла Александрійскаго дошла до того, что послѣдній пересталъ поминать его въ церковной молитвѣ, и даже кончина Златоустаго не примирила его съ нимъ. И въ этомъ разладѣ играла роль ревность къ ученію церкви: каждому казалось съ своей точки зрѣнія, что его оппонентъ нарушаетъ чистоту св. ученія. И такой примѣръ далеко не единичный въ исторіи церкви.

Обращаясь опять къ критическимъ статьямъ «Духовнаго Вѣстника», мы не можемъ не признать ихъ по пріемамъ и по отношенію къ предмету и лицу крайне-неприличными. Неспорно, если взять отдѣльно какое-либо изъ сочиненій Филарета, строгая критика можетъ найти себѣ пищу, но такой способъ оцѣнки трудовъ Филарета не дастъ намъ яснаго понятія объ изумительной дѣятельности и глубокой его учености. Это не одно-два сочиненія, которымъ посвящена вся жизнь, всѣ способности, все знаніе; это масса, въ которой не легко разобраться. У Пономарева одинъ перечень его сочиненій и статей составляетъ до 160 нумеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые заключаются въ томахъ. Чтобы написать все это, по разсчету нужно до 60 стопъ бумаги. Если принять въ соображеніе необходимыя выписки, поправки, дополненія при новыхъ изданіяхъ (такъ какъ большинство сочиненій его выдержало 2, 3 и 4 изданія), разсчетъ этотъ по крайней мѣрѣ удвоится. Чтобы исписать болѣе 120 стопъ бумаги, да, кажется, одного механическаго труда хватить должно на цѣлую жизнь. А сколько для того, чтобъ написать все это, Филаретъ долженъ былъ прочесть, когда его сочиненія поражаютъ массою цитатъ и ссылокъ и когда отзывы его о цѣлой книгѣ иной разъ излагались лишь въ нѣсколькихъ строкахъ?

Одинъ изъ современныхъ ему и знаменитыхъ ученыхъ—неспорно митрополитъ Макарій. Передъ нами его труды: 12 томовъ Исторіи Русской церкви, 6 томовъ Богословія и полтора тома проповѣдей. Но такой серіозный и громадный трудъ митрополита Макарія не только не можетъ умалить, а возвышаетъ передъ нами труды Филарета. Во-первыхъ, Макарій имѣлъ уже передъ собою по этимъ предметамъ труды Филарета; онъ шелъ, такъ-сказать, по торной тропѣ, уже пробитой одинокимъ Филаретомъ. Во-вторыхъ, Макарій имѣлъ у себя до десяти чернорабочихъ, а самъ, можно сказать, бралъ на себя только верховную работу. Въ-третьихъ, онъ вовсе не управлялъ епархіею и всегда имѣлъ викарія. Только по дѣламъ особенно-важнымъ, какъ извѣстно, секретарь докладывалъ ему въ самой сжатой формѣ суть дѣла; самъ же онъ не читалъ ни одной бумаги. А Филаретъ не имѣлъ викарія. И замѣчательно: какъ только перевели его изъ Харькова въ Черниговъ, а на его мѣсто назначили Макарія, послѣднему дали викарія. Какъ только Филаретъ скончался, преемнику его, Варлааму дали ви-

карія. Мы видѣли, какъ Филаретъ управлялъ епархіею. Ни одна жалоба или прошеніе не миновали его рукъ; самъ свѣрялся онъ со справками или дѣлами, самъ разрѣшалъ прошенія. Кромѣ того, онъ обновляетъ монастыри и церкви, строитъ и перестраиваетъ училища и семинаріи, устраиваетъ типографію, свѣчной заводъ для усиленія средствъ монастырей, строитъ съ тою же цѣлію дома, непосредственно наблюдаетъ за ходомъ преподаванія, устраиваетъ церковно-приходскія школы, о коихъ не было и помину, заботится объ обезпеченіи духовенства, призрѣніи вдовъ и сиротъ, неупустительно совершаетъ божественное служеніе и не лишаетъ никого своей назидательной бесѣды. Кажется, для этого человѣка имѣлось 48 часовъ въ сутки, да и тѣ надо работать безъ устали, чтобы добиться подобныхъ результатовъ.

Что же двигало такою кипучею дѣятельностію этого святителя? Было бы ошибкою предполагать, что двигали его слава, польщенное успѣхомъ его первыхъ трудовъ самолюбіе, или даже забота составить доброе имя. Такіе двигатели способны терять свою силу; самый организмъ человѣкъ долженъ устать, и это утомленіе сказаться въ трудахъ. У Филарета же замѣчалось противное: съ годами ученая дѣятельность его, какъ постоянно подогрѣваемая вода доходитъ до кипѣнія, достигла поражающей насъ силы.

Любовь его къ книгамъ была у него, какъ видѣли мы, съ дѣтства. Онъ даже боялся, чтобъ она, развиваясь въ немъ, не обратилась бы въ страсть и не отяготила его души. Такое опасеніе выражалъ онъ Горскому. Выѣзжаетъ онъ на ревизію семинаріи; кажется, дѣла много; но онъ забираетъ съ собою книги и еще не довольствуется этимъ. «Ты конечно поймешь», пишетъ онъ изъ Тамбова (въ Іюлѣ 1841 г.) Горскому, «что мнѣ очень хочется возвратиться скорѣе въ академію и къ книгамъ, здѣсь ничего нѣтъ; что взялъ съ собою, тѣмъ и пользуюсь».—Митрополитъ совѣтуетъ ему отдохнуть, видя слабое его здоровье. «Не знаю, что буду дѣлать», пишетъ онъ по этому поводу Горскому, «но не дѣлать не могу. Такъ привыкъ къ книгамъ и бумагамъ, что безъ нихъ скучаю». Собирается наконецъ онъ на отдыхъ въ Іосифовъ монастырь, бывъ ректоромъ, и проситъ Горскаго привезти ему: «а) тетрадь, въ которой съ синодальной рукописи записаны церковные писатели, б) описаніе рукописей графа Толстаго, в) Калайдовичевы Памятники XII вѣка и «Экзарха Болгарскаго», необходимые ему для его работъ. Отправляясь въ Симбирскъ по непріятному порученію, увлеченный разсказомъ іеромонаха Евстафія, ѣдетъ къ нему осмотрѣть найденную пергаментную рукопись, отнесенную къ XIII вѣку, дѣлаетъ свои замѣчанія и проситъ сейчасъ же Горскаго справиться съ синодальными и Строевскими перечнями

писателей и извѣстить его о результатѣ. Ѣдетъ онъ въ Петербургъ черезъ Новгородъ,—сейчасъ же отправляется въ Софійскую библіотеку. Времени нѣтъ, но все-таки онъ отыскиваетъ тамъ массу любопытныхъ памятниковъ, сообщаетъ о томъ другу своему Горскому, высказываетъ свои предположенія на счетъ нѣкоторыхъ. Пріѣзжаетъ онъ въ Петербургъ и немедленно знакомится съ Румянцевскимъ музеемъ и публичною библіотекою. Двое сутокъ употребляетъ онъ на чтеніе описанія рукописей Румянцовскихъ: такъ заняло оно его. «Что̀ дѣлаю въ Петербургѣ?» отвѣчаетъ онъ Горскому, тоже, что̀ въ лаврѣ: пишу, пишу и пишу». «Пока еще остаюсь съ прежнею привычкою, съ прежними дѣлами. То пишу, то читаю; то читаю, то пишу».—«Другъ мой!», писалъ онъ изъ Риги, «я все живу какъ будто въ академіи: пишу и читаю, читаю и пишу. Лишь только буря затихнетъ, опять весь въ книгахъ, и ночь, и день за книгами. Но когда буря настаетъ,—то уже не до книгъ; не знаешь, куда и душу дѣвать».—«То, что̀ въ рукахъ моихъ часто бываетъ,—это книги. По прежнему книжный червякъ».—Онъ съ интересомъ занимается исторіею Китая, съ увлеченіемъ читаетъ Иделера о Египетской литературѣ. Онъ почти никогда не садился за обѣденный столъ, а вкушалъ пищу, какъ говорится, мимоходомъ, не разставаясь съ книгой. Ночью пробуждался онъ часто, бралъ свѣчу, шелъ въ библіотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать, не отлагая такихъ занятій на утро. Подъ старость, когда физическія силы его слабѣли, онъ ложился спать на полу; по обѣ стороны его горѣли свѣчи, лежали книги и бумаги. Когда уставалъ одинъ бокъ у него, онъ переворачивался на другой и продолжалъ работу.

Откуда же брались силы у этого, отъ дѣтства слабаго организма? Что̀ же двигало его неустанною работою? Мы можемъ не погрѣша сказать, что единственно желаніе служить Богу и ближнему всецѣло управляло трудами и жизнію этого святителя. Только ревность къ этому служенію давала ему благодатную, изумляющую насъ силу. О своихъ трудахъ говоритъ онъ: «Что̀ дѣлать, если иногда и встрѣчаютъ насъ очень неласково. Быть можетъ, что впослѣдствіи признаютъ что-нибудь и доброе въ трудѣ немощи, въ трудѣ грѣшника, но трудѣ искреннемъ. А если не увидятъ люди, Онъ, Сердцевѣдецъ, узритъ. А если и того не будетъ, что̀ же удивительнаго, что у грѣшника все худо?» «Владыка писалъ, что вамъ разрѣшено печатать описаніе библейскихъ рукописей. Поздравляю васъ съ радостію. Это радость и для всѣхъ, понимающихъ значеніе разумнаго служенія Господу». Изданіе «Твореній Св. Отцовъ» не переставало заботить его, и онъ постоянно напоминалъ о немъ Горскому. «Готовьте,

друзья Христовы, готовьте пищу для искупленныхъ Христовыхъ. О Боже мой, Боже мой! Какъ мы грѣшны предъ Тобой и какъ немощны! Надобно творить угодное предъ Тобою для себя и другихъ. А что у насъ? Куда дѣла наши? Скажутъ ли они что-нибудь въ защиту нашу? Найдется ли что полезное для братій? Господи, Господи! Ты Сердцевѣдецъ. Ты управляешь сердцами людей; Ты вѣдаешь полезное для души; Ты и пылинкою двигаешь горы. А что мы? О, грѣшно и вспомнить о себѣ, когда думаешь о Твоемъ величіи, о Твоей святости. И тогда, какъ поставляешь себя вблизи другихъ, и тогда стыдъ покрываетъ лицо за свое ничтожество предъ другими; и тогда чувствуешь грусть и уныніе души, подавляемой силою дѣлъ другихъ, при моей пустотѣ. Безотвѣтенъ я, Господи, предъ Тобою. Безотвѣтенъ я предъ братіями моими. Безотвѣтенъ я предъ самою землею, которую попираю ногами, самъ достойный попиранія всѣми». Наконецъ, когда первая книжка «Твореній» вышла въ свѣтъ, съ какимъ восторгомъ писалъ онъ Горскому: «Душа горитъ и радостію, и желаніями. Дай Богъ, чтобы все было къ Его славѣ. Трудитесь, друзья мои, трудитесь. Награда на небѣ!»

Вотъ тотъ великій двигатель и тотъ источникъ силы, который изумлялъ всѣхъ въ Филаретѣ.

Закончимъ статью нашу словами преосвященнаго Евгенія, произнесенными надъ гробомъ Филарета.

«Гробъ—тайна. Окончившій земное поприще, нисходитъ въ могилу—въ область мрака, недоумѣнія и забвенія. Таковъ удѣлъ большинства людей обыкновенныхъ».

«Не то при этомъ гробѣ! При немъ, какъ бы впервыя, слышишь и понимаешь возгласъ церкви: *вѣчная память*. Этотъ гробъ сокрылъ отъ насъ благочестный ликъ доблестнаго архипастыря. Но не скроетъ онъ, а напротивъ, откроетъ на память родамъ чудное богатство внутренней, сокровенной жизни почившаго. Изъ сего мрачнаго гроба возсіяетъ въ полномъ блескѣ благоплодность, подвиговъ успокоившагося въ немъ, изъ-подъ сумрака могилы поднимется въ полномъ величіи значеніе многотрудной, разнообразной, *обще-полезной и истинно*-христіанской дѣятельности почившаго. Исторія Церкви и Отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если не прежде всего, скрижали книги судебъ царствія Божія, неизгладимо, въ вѣчную память, обозначутся именемъ почивающаго въ семъ гробѣ. Весь многообъемлющій смыслъ молитвеннаго желанія церкви о дарованіи почившему вѣчной памяти только и можетъ быть понятъ надлежащимъ образомъ при гробахъ, подобныхъ сему гробу».

И. С. Листовскій.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1820 годъ.

(Начато въ Тифлисѣ 20 Марта 1820).

6-го Января получили мы бумаги отъ г. главнокомандующаго ген.-отъ-инфантеріи Ермолова. Пономаревъ писалъ къ нему по прибытіи нашемъ въ Баку, представя ему рапортъ мой, въ которомъ я доносилъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ моего путешествія въ Хиву и о пріемѣ, оказанномъ мнѣ ханомъ. Пономаревъ также испрашивалъ разрѣшенія, куда намъ слѣдовать съ посланцами. Главнокомандующій предписалъ намъ прибыть немедленно въ Дербентъ, дабы его еще тамъ застать, а мнѣ онъ писалъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Гвардейскаго генеральнаго штаба господину капитану и кавалеру Муравьеву 4-му. Господинъ маіоръ Пономаревъ доставилъ мнѣ въ подлинникѣ рапортъ вашъ по возвращеніи изъ Хивы. Съ почтеніемъ смотря на труды ваши, на твердость, съ какою вы превозмогли и затрудненія, и самую опасность, противуставшія исполненію возложеннаго на васъ важнаго порученія, я почитаю себя обязаннымъ представить всеподданнѣйше Государю Императору объ отличномъ усердіи вашемъ въ пользу его службы. Ваше высокоблагородіе собственно мнѣ сдѣлали честь, оправдавъ выборъ мой исполненіемъ столько труднаго порученія. Генералъ Ермоловъ. 31 Декабря 1819 г. С. Караулъ въ Дагестанѣ“.

Въ тоже самое время главнокомандующій писалъ къ дежурному генералу при Государѣ Закревскому, который въ то время въ Москвѣ находился. Я недавно получилъ выписку изъ того письма чрезъ брата Александра. Вотъ списокъ съ оной:

„Отсюда ѣду я въ Дербентъ, потому что оттуда теперь недалеко, а когда въ другой разъ представиться можетъ случай, не знаю. Меня влечетъ

*) См. выше, стр. 145.

туда и то, что возвратились сюда посыланные мной къ берегамъ Трухменскимъ. Гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ, имѣвшій отъ меня порученіе проѣхать въ Хиву и доставить письмо къ тамошнему хану, не смотря на всѣ опасности и затрудненія, туда проѣхалъ. Ему угрожали смертью, содержали въ крѣпости; но онъ имѣлъ твердость, все вытерпѣвъ, ничего не устрашиться; видѣлъ хана, говорилъ съ нимъ и, внуша ему боязнь мщенія со стороны моей, побудилъ отправить ко мнѣ посланцевъ. Муравьевъ есть первый изъ Русскихъ въ сей дикой сторонѣ, и свѣдѣнія, которыя передастъ намъ о ней, чрезвычайно любопытны. Увидѣвъ его въ Дербентѣ, я пришлю вамъ рапортъ о происшествіяхъ и похвальной рѣшительности Муравьева".

Вотъ списокъ съ донесенія моего къ маіору Пономареву по возвращеніи изъ Хивы. Донесеніе сіе въ подлинникѣ было послано къ Алексѣю Петровичу.

„Вслѣдствіе отношенія в. высокоблагородія, отъ 14 числа Сентября за № 21 писаннаго, я отправился 18 числа того же мѣсяца въ Хиву и, возвратившись благополучно на корветъ „Казань" къ 13 числу сего мѣсяца, имѣю честь донести вамъ слѣдующее:

„Прибывъ въ Хивинскія владѣнія 3 числа Октября, я послалъ къ Магмедъ-Рагимъ-хану вѣстника о моемъ пріѣздѣ, и 6 числа того же мѣсяца я уже былъ на дорогѣ въ самый городъ Хиву, какъ меня встрѣтили два чиновника, посланные отъ хана. Одинъ изъ нихъ былъ Атъ-Чанаръ Али-Верди, отецъ Ходжашъ-Мегрема, директора таможни, а другой юзъ-баши Эшъ-Незеръ. Чиновники сіи воротили меня и, объявивъ, что я гость Ходжашъ-Мегрема, повезли меня въ крѣпостцу Ильгельди, принадлежащую вышеупомянутому директору. Въ семъ мѣстѣ продержали меня 48 дней подъ самымъ строгимъ надзоромъ, льстя надеждой со дня на день, что ханъ меня призоветъ. Слухи, доходившіе до меня, согласовались съ разсказами Русскихъ и Персидскихъ невольниковъ, съ которыми я по ночамъ имѣлъ тайныя свиданія. На случай пріѣзда моего собранъ былъ совѣтъ, и на ономъ рѣшено умертвить меня; но ханъ не рѣшился на сіе, опасаясь мщенія со стороны Русскаго правительства. Ко мнѣ присланъ былъ чиновникъ для узнанія отъ меня, по какому предмету я прибылъ, полагая, что я присланъ былъ ходатаемъ за Русскихъ, страждущихъ въ жесточайшей неволѣ, или для востребованія удовлетворенія за два купеческія судна, сожженныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Трухменскомъ берегу, или отвѣта за убіеніе князя Бековича, ходившаго въ Хиву въ царствованіе императора Петра Великаго. По дошедшимъ тоже до хана слухамъ, что я дорогою велъ записки, полагали меня лазутчикомъ. Сему посланному я отвѣчалъ, что дѣла, мнѣ препорученнаго, никто кромѣ хана не узнаетъ, потому что я ни къ кому другому не посланъ, какъ къ нему; послѣ сего присмотръ за мной сталъ строже, а обращеніе самое невѣжливое. По прошествіи семи недѣль я упросилъ юзъ-башу Ешъ-Незера съѣздить въ Хиву и представить хану, что если меня будутъ еще далѣе задерживать, то ледъ, плывущій по Балканскому заливу, принудитъ корветъ возвратиться, и что въ такомъ случаѣ я просилъ его высокостепенство написать къ вашему высокоблагородію, по какой причинѣ онъ меня задерживаетъ, дабы случай сей не разстроилъ пріязни, которую главнокомандующій желаетъ съ нимъ имѣть. Такъ какъ юзъ-баши на другой день не возвратился, то я рѣшился спасаться бѣгствомъ. Для исполненія сего предпріятія принужденъ я былъ ввѣриться Трухменцу Сеиду, пріѣхавшему со мной. Ночь уже была назначена для побѣга, но вѣроломный проводникъ обманулъ меня, и мнѣ ничего болѣе не

оставалось, какъ ожидать участи своей. Посланный мною юзъ-баши возвратился съ извѣстіемъ, что ханъ меня требуетъ. 17-го числа Ноября я выѣхалъ изъ Ильгельди и прибылъ въ Хиву, гдѣ былъ принятъ такъ хорошо, какъ народъ Узбекской необразованный принять умѣетъ. 20-го числа ввечеру я видѣлся съ ханомъ. 21-го выѣхалъ изъ Хивы въ Ильгельди обратно, а 27-го совсѣмъ отправился въ путь къ Красноводску."

„Описавъ вашему высокоблагородію вкратцѣ людей, съ которыми я имѣлъ дѣло, честь имѣю донести объ успѣхѣ возложенныхъ на меня препорученій и объ отвѣтѣ, данномъ мнѣ Хивинскимъ ханомъ".

„Привѣтливое письмо, посланное г-омъ главнокомандующимъ въ Грузіи, понравилось его высокостепенству; но онъ повидимому довольнѣе былъ бы, еслибъ онаго совсѣмъ не было. Подозрѣніе, знаменующееся во всѣхъ поступкахъ Магмедъ-Рагимъ хана, оному причиною; безчисленныя казни и даже убіеніе 11-ти своихъ братьевъ возвело его на престолъ. Онъ окружилъ себя людьми, не смѣющими ему противорѣчить. Онъ не согласенъ, чтобы караваны купеческіе ходили изъ Хивы къ Красноводску и, когда я ему представлялъ преимущество сего пути предъ Мангышлакскимъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что здѣшній народъ служитъ Персіянамъ, тогда какъ Мангышлакскій ему повинуется, и потому дорога къ Красноводску ему кажется опасной и неудобной. Когда вы будете въ союзѣ съ нашимъ г-омъ главнокомандующимъ, отвѣчалъ я, то непріятели ваши будутъ нашими. Онъ на сіе ничего не отвѣчалъ, но послѣ прислалъ мнѣ сказать чрезъ Ходжашъ-Мегрема, чтобы мы одни управлялись со своими непріятелями".

„По предписанію вашему, я требовалъ отъ Магмедъ-Рагимъ-хана отправленія пословъ къ главнокомандующему, и онъ на сіе скоро согласился. Имена оныхъ вамъ уже извѣстны изъ предъидущаго моего рапорта. Ханъ сказалъ мнѣ, что, препоручая оныхъ г-ну главнокомандующему, представляетъ ихъ въ его волю и если ему угодно будетъ послать ихъ къ Государю Императору, то они должны и туда ѣхать. Препорученія, данныя имъ отъ хана, мнѣ неизвѣстны".

„Ханъ, принявъ меня, старался какъ можно скорѣе разстаться со мною. Онъ немедленно приказалъ мнѣ ѣхать изъ Хивы. Короткое свиданіе, которое я съ нимъ имѣлъ, не позволило мнѣ распространиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ переговорахъ".

„Я полагаю тоже за нужное донести в. в—ію, что съ нынѣшняго года согласіе, существовавшее между ханомъ и Іомудцами или прибрежными Трухменцами Каспійскаго моря, разстроилось. Ханъ желаетъ покорить подъ свое владѣніе всѣхъ окружающихъ его народовъ. Онъ стращится Бухаріи, но привелъ въ свое послушаніе Киргизскаго хана, съ которымъ вступилъ даже въ родственную связь. Трухменское поколѣніе Теке имъ разграблено и ему повинуется; Мангышлакскіе Трухменцы поколѣній Абдалъ и Игдыръ ему же повинуются. Намѣреніе его теперь въ томъ состоитъ, чтобы покорить Іомудцевъ, которые нерѣдко дѣлаютъ воровства въ его владѣніяхъ. Ханъ началъ съ того, что нынѣшняго года наложилъ на приходящіе караваны пхъ за покупкой хлѣба по полу-тилла съ каждаго верблюда, что̀ выходитъ по два рубля серебромъ. Онъ надѣется, что налогъ сей понудитъ голодныхъ Трухменъ поселиться въ его ханствѣ или признать власть его. Налогъ сей крайне озлобилъ Іомудцевъ, которые готовы вооружиться на Хиву, предвидя себѣ такую же участь, какъ поколѣніе Теке. И нужда заставляетъ ихъ желать, чтобы Россійскія суда приходили сюда съ хлѣбомъ для продажи имъ онаго".

„Долгомъ поставляю себѣ донести в. в—ію о неусыпномъ стараніи находящагося при мнѣ Армянина Муратова, который не щадитъ трудовъ

своихъ, дабы заслужить благосклонность начальства. Я буду тоже покорнѣйше просить в. в—іе, дабы благоволили донести о его службѣ его высокоп—ству и исходатайствовать ему награжденіе, достойное его рвенія. 17 Декабря 1819 г., № 50, Корветъ „Казань“ на Красноводской рейдѣ“.

Я не могъ уговорить Пономарева ѣхать на другой день или въ тотъ же самый по полученіи предписанія отъ главнокомандующаго. Ему подъемъ казался труднымъ; онъ обѣщался еще у иныхъ обѣдать, у другихъ ужинать. Онъ хотѣлъ писать отчеты свои и принялся за оные только 8 числа, когда я почти нахальнымъ образомъ вывезъ посланцовъ на Дербентскую дорогу. Пономаревъ увѣрялъ меня, что онъ непремѣнно сего числа выѣдетъ и въ сопровожденіи толпы старыхъ маіоровъ ходилъ по всему городу водку пить, прощаться и цѣловаться. Видя, что сіе никогда не кончится, я выбрался изъ города украдкою по стѣнѣ крѣпостной и уѣхалъ. Пономаревъ, видя, что меня уже нѣтъ, испугался. Онъ боялся, чтобы я одинъ впередъ не уѣхалъ къ главнокомандующему, хотя я ему прежде обѣщался, что, выѣхавъ разъ изъ Баку, я готовъ его двѣ недѣли ожидать на первомъ посту. Старикъ сѣлъ передъ вечеромъ верхомъ и пріѣхалъ на Сумгаитъ, гдѣ я его съ посланцами ожидалъ. 8-го числа мы выѣхали изъ Баку и переночевали на Сумгаитѣ. 9-го числа проѣхали мы Кализинскій постъ и прибыли на ночлегъ въ Хадершуды; тутъ дожидалась насъ коляска полковника Левенцова, командира бывшаго Троицкаго поста. Мы посадили посланцевъ своихъ въ коляску и повозки и повезли въ Девши, гдѣ ночевали.

11-го числа мы пріѣхали къ Кубу, гдѣ комендантъ Яковъ Михайловичъ Старковъ, человѣкъ почтенный по ревностному исполненію должности своей, по расторопности, по ранамъ, гостепріимству и обращенію, встрѣтилъ насъ и принялъ.

Пономаревъ былъ нѣкогда комендантомъ или окружнымъ начальникомъ въ Кубанской области, попался подъ судъ по нѣсколькимъ стамъ просьбъ, поданныхъ на него жителями за разныя взятки и несправедливости. Изъ нихъ главною причиною была безпечность его, малыя способности и мошенничество окружающихъ его. Онъ раздалъ множество земель бегамъ или дворянамъ, давалъ имъ большую прислугу изъ жителей и раззорялъ нижнее состояніе оныхъ; беки же подносили ему подарки; дѣла не дѣлались и не рѣшались, и наконецъ онъ былъ погубленъ и заведенъ въ ужасные начеты сими же самими беками. Пономаревъ, по добрымъ свойствамъ его сердца, не хотѣлъ видѣть мошенниковъ въ тѣхъ, которыхъ онъ облагодѣтельствовалъ; они вездѣ встрѣчали его и бранили новаго коменданта. Бѣдный Пономаревъ осуждалъ строгость его и восхищался лицемѣрною привѣтливостію бековъ, поставляя въ примѣръ прежнее правленіе свое.

Я хотѣлъ выѣхать на другой день, но старикъ мой такъ упрашивалъ меня, что я принужденъ былъ остаться дневать. 12-го числа у него были тутъ разные пріятели и кумовья, съ которыми онъ пировалъ. Въ теченіи сего дня я успѣлъ познакомиться съ полковникомъ Левенцовымъ, высохшей муміей чудака, извѣстнаго еще по прежнимъ проказамъ его. Я въ Кубѣ видѣлся тоже съ братомъ Наумова, съ маіоромъ Левенцовымъ и Табунщиковымъ, которые возвращались къ своимъ мѣстамъ, кончивши съ княземъ Мадатовымъ кампанію противъ несчастныхъ поселянъ, коихъ грабили, вѣшали и уничтожали жестокимъ образомъ.

13-го мы выѣхали изъ Кубы, а 15-го пріѣхали въ Дербентъ, гдѣ были приняты новымъ чудакомъ, подполковникомъ Бухвостовымъ. Ген.-маіоръ баронъ Вреде, тамошній бригадный командиръ, принялъ меня съ той же лаской и дружбой, которыми я пользовался отъ него въ бытность его въ Тифлисѣ. Разсказы барона Вреде и отъ другихъ слышанные мною касательно кампаніи Алексѣя Петровича не могутъ быть здѣсь помѣщены; ибо, не имѣя настоящихъ свѣдѣній на сей счетъ, мнѣ бы не хотѣлось обсуживать дѣйствія двѣнадцати-тысячнаго корпуса, который въ теченіи цѣлаго лѣта, какъ мнѣ кажется, только грабилъ и раззорялъ окрестныя деревни и нѣсколько разъ разсѣялъ вооруженныя толпы жителей.

16-го числа видѣлся я съ Коцебу, который впередъ пріѣхалъ изъ отряда главнокомандующаго.

17-го числа прибылъ самъ Алексѣй Петровичъ. Бобарыкинъ и Воейковъ помѣстились со мной, и мы разсказывали взаимно другъ другу происшествія, случившіяся съ нами въ теченіи прошлаго лѣта. Пріемъ, который оказалъ мнѣ главнокомандующій, чрезвычайно огорчилъ меня. Онъ былъ крайне холоденъ, не хотѣлъ вѣрить во многихъ случаяхъ словамъ моимъ, такъ что я совсѣмъ потерялъ охоту объяснять ему дѣла, за которыми онъ посылалъ меня. Онъ, кажется, былъ доволенъ симъ: дѣла, занимающія его болѣе 20-ти часовъ въ сутки, совершенно разстроили его. Къ тому же многіе старались сердить его на Татаръ, коихъ по личнымъ неудовольствіямъ называли измѣнниками. Главнокомандующій сердился и до такой степени забывался, что всякій разъ самъ при себѣ и даже собственными руками наказывалъ несчастныхъ жителей. Жестокіе поступки, которыми онъ себя ознаменовалъ въ теченіи прошлаго года, совсѣмъ несовмѣстны со свойственнымъ ему добродушіемъ. Одно отравленіе Измаилъ-хана Текинскаго, коего исполнитель былъ г.-м. Мадатовъ, заставляетъ всякаго содрогаться. Таковое разстроенное его положеніе обрушилось частью на насъ. Вѣроятно еще, что главнокомандующій получилъ

отъ Государя непріятныя бумаги, можетъ быть и выговоръ за посланіе нашей экспедиціи, которую онъ устроилъ безъ воли царской и которая нанесла много безпокойствъ Персіянамъ, съ коими Государь хотѣлъ быть въ ладахъ. Аббазъ-Мирза былъ признанъ наслѣдникомъ Персидскаго престола противъ воли главнокомандующаго и противъ всѣхъ политическихъ выгодъ, которыя Россія могла имѣть, содержа братьевъ, ищущихъ престола, въ раздорѣ и не признавая ни того, ни другаго. Всѣ сіи обстоятельства безпокоили главнокомандующаго, который вѣроятно еще тогда сбирался оставить Грузію по требованію Государя. Безтолковый Пономаревъ, который спалъ все время пребыванія нашего на Трухменскихъ берегахъ и ничего не видѣлъ и не зналъ, поролъ такую дичь главнокомандующему, что и слушать его жалко было. Но слова его противурѣчили одно другому и не имѣли никакого вѣса. «Тебѣ теперь предстоитъ», сказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ, съ такимъ видомъ, какъ будто я зачинщикъ сей экспедиціи, «представить все это дѣло въ такомъ видѣ, чтобы правительство продолжало начатое». Мнѣ никакой нужды не было вязаться съ нимъ. Онъ приказалъ мнѣ подать записки о Хивѣ и Трухменіи. Я написалъ ихъ кое-какъ, дабы отвязаться и представилъ при слѣдующемъ рапортѣ:

Вслѣдствіе повелѣнія вашего высокопревосходительства, отъ 10-го Іюня прошлаго 1819 года писаннаго, я отправился подъ начальствомъ г-на маіора Пономарева изъ Тифлиса 17-го числа того же мѣсяца. По прибытіи нашемъ въ Баку, мы сѣли на корветъ „Казань“, изготовленный на предметъ экспедиціи нашей къ Трухменскимъ берегамъ, куда мы прибыли въ концѣ Іюля мѣсяца. Обозрѣвъ вышеупомянутый берегъ отъ Серебрянаго Бугра, что̀ близъ Астрабада, до Красноводскаго залива, я отправился изъ сего послѣдняго мѣста Сентября 16-го дня въ городъ Хиву и доставилъ къ тамошнему владѣльцу Магмедъ-Рагимъ-хану письмо отъ вашего в-ва и подарки, полученные мною отъ г-на маіора Пономарева. Возвратившись 13-го Декабря на корветъ, я донесъ г-ну маіору о пріемѣ оказанномъ мнѣ ханомъ и объ успѣхѣ въ данномъ мнѣ препорученіи. Народъ Трухменскій поколѣнія Іомудъ, населяющій восточный берегъ Каспійскаго моря отъ Балканскаго залива до Астрабадскаго, прося у вашего в-ва, чрезъ избраннаго имъ старшину Кіатъ-агу, покровительства и защиты отъ Персіянъ, съ коими они въ непримиримой враждѣ, будучи въ невольной покорности у нихъ, согласенъ, чтобы мы имѣли крѣпость и пристань на ихъ берегахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ правительству нашему сіе заведеніе заблагоразсудится устроить. На предметъ торговыхъ сношеніи съ Хивой предстоитъ весьма удобное мѣсто въ Красноводскомъ заливѣ, гдѣ находится прѣсная колодезная вода и весьма удобное пристанище для судовъ. Краткость времени не позволила мнѣ произвести съёмки на семъ мѣстѣ. Изъ рапорта моего къ г-ну м-ру Пономареву, представленнаго къ в-му в-ву, вамъ уже извѣстно, что Хивинскій ханъ, отстраняясь отъ дружественныхъ связей съ Россіей, несогласенъ, чтобы караваны его ѣздили въ Красноводскъ. Привезенные мною изъ Хивы посланцы объяснятъ вамъ причины, по которымъ ханъ сіе отказалъ; но, со стороны военныхъ видовъ противъ Персіянъ, Красноводскій заливъ мнѣ кажется слишкомъ отдаленъ отъ

Астрабада. Серебряный Бугоръ, близъ котораго протекаетъ рѣка Гюргенъ, или устье рѣки Атрека, казались бы удобными, еслибы суда могли имѣть хорошее пристанище; но въ сихъ мѣстахъ заливовъ не имѣется, и суда должны стоять въ открытомъ морѣ въ разстояніи шести или десяти верстъ отъ берега. Іомуды пользовались всегда хлѣбомъ изъ Астрабада и изъ Хивы, который они покупали на деньги выручаемыя ими отъ продажи нѣкоторыхъ домашнихъ издѣлій, а большею частію отъ продажи невольниковъ, которыхъ они въ большомъ количествѣ похищаютъ изъ Персіи, дѣлая въ оную частые набѣги. Подать, наложенная на нихъ вновь Магметъ-Рагимъ-ханомъ разстроила согласіе ихъ съ Хивой, и они ищутъ покровительства Русскихъ, дабы получать отъ насъ хлѣбъ, порохъ и свинецъ, въ чемъ состоитъ главнѣйшій недостатохъ ихъ. Они готовы намъ оказать всякую помощь въ случаѣ нападенія на ихъ сосѣдей. Не имѣя начальника и управляясь весьма умѣренной властью старшинъ, по различнымъ поколѣніямъ ихъ, они не въ состояніи собрать значительныхъ силъ, но готовы пристать къ тому, который ловкостью и храбростью возметъ надъ ними власть. Въ такомъ случаѣ они могутъ собраться въ нѣсколькихъ тысячахъ и причинить явный вредъ сосѣдямъ своимъ. Впрочемъ необыкновенная алчность Трухменцовъ къ деньгамъ и недостатокъ чувствуемый ими въ хлѣбѣ могутъ лучше всего побудить ихъ къ исполненію совершенно всѣхъ видовъ нашего правительства. Недовѣрчивый нравъ отдаленнаго отъ нашихъ границъ владѣльца Магметъ-Рагимъ-хана и боязнь, чтобы цѣль знакомства нашего съ нимъ не имѣла въ послѣдствіи мщенія за 3.000 Русскихъ, страждущихъ въ жесточайшей неволѣ въ его владѣніяхъ, причиною тому, что онъ удаляется отъ всякой связи съ нами".

„Изслѣдовавъ, сколько возможно въ столь короткое время, берега Трухменскіе, народъ оные населяющій, караванныя дороги въ Хиву и распросивъ о дальнѣйшихъ сношеніяхъ Хивинцовъ съ Бухарой, Кабуломъ и Индіей, я буду имѣть честь представить в-му в-ву подробное описаніе узнаннаго мною и чертежи нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ скоро время позволитъ мнѣ привести въ порядокъ мои записки. Теперь же прилагаю только краткое описаніе народовъ Трухменскихъ и Хивинскаго и записку Русскихъ невольниковъ, найденную мною въ стволѣ ружья моего въ Хивѣ."

Алексѣй Петровичъ самъ приказалъ мнѣ представить ему при рапортѣ записку Русскихъ невольниковъ; когда же я ее представилъ, онъ мнѣ сказалъ, что я могу держать ее у себя и хранить, какъ памятникъ моего пребыванія въ Хивѣ. Я его благодарилъ за возвращеніе сей записки, которую я долженъ свято хранить. Это не несчастные, сказалъ Алексѣй Петровичъ, а бѣглые канальи, которые должны страдать. Я удивился, что на все говоренное мною главнокомандующій противорѣчилъ мнѣ, лиша меня той довѣренности, которую онъ всегда ко мнѣ показывалъ. Обстоятельства сіи крайне огорчали меня, особливо когда я вспоминалъ обхожденіе его со мной, когда онъ отпускалъ меня, прощаніе и малую надежду, которую имѣлъ онъ въ исполненіи даннаго мнѣ препорученія, ругая Ртищева, предмѣстника его, за дурной пріемъ, оказанный имъ призваннымъ Трухменскимъ посланцамъ во время заключенія мира съ Персіей въ 1813 году. Я сооб-

щилъ мысли свои и неудовольствіе Бобарыкину, который старался оспоривать меня и увѣрять, что я ошибался.

21-го числа главнокомандующій принялъ сперва Хивинскихъ, и послѣ того Трухменскихъ посланцевъ, обошелся съ ними сухо, такъ что Кіатъ, пріѣхавшій второй уже разъ искать покровительства Русскихъ для единоплеменниковъ своихъ, и второй разъ обманутый, между тѣмъ лишившійся большей части своего имущества, находящагося въ Астрабадѣ, гдѣ онъ торговалъ, былъ въ отчаяніи. Мнѣ жалко и стыдно было смотрѣть на него, послѣ тѣхъ увѣреній, которыми мы его склонили къ намъ ѣхать по приказанію главнокомандующаго.

22-го. Приняты были подарки отъ Хивинскаго хана. Оные состояли въ двухъ хорошихъ шаляхъ, но совсѣмъ въ пятнахъ, въ десяти Бухарскихъ мерлушкахъ, двухъ неважныхъ сѣдлахъ и въ нѣсколькихъ фунтахъ изюму. Хивинцевъ отдарили двумя небогатыми перстнями, а Трухменцамъ ничего не дали. Кіатъ, видя то малое вниманіе, которое на него обращалъ главнокомандующій и понимая, что слова его и распросы клонились къ пустому, сталъ тоже говорить шутками и отвѣчать въ такомъ же смыслѣ, какъ у него спрашивали. «Вы дрожите отъ Персіянъ?» сказалъ ему главнокомандующій.—«Теперь время зимнее», отвѣчалъ Кіатъ съ улыбкой: «всѣ дрожатъ».

30-го числа Алексѣй Петровичъ уѣхалъ въ Кизляръ, а Вельяминовъ въ Тифлисъ.

31-го вечеръ я провелъ у барона Вреде, который разсказывалъ мнѣ объ различныхъ жестокостяхъ и пыткахъ, дѣланныхъ Алексѣемъ Петровичемъ во время пребыванія его въ Дербентѣ надъ людьми невинными.

1-го Февраля мы выѣхали изъ проклятаго Дербента; но Пономаревъ не упустилъ случая, чтобы не отобѣдать у Рябинина, командира Севастопольскаго полка. И меня завели на тотъ же обѣдъ, что́ было причиною, что мы въ тотъ день не могли далѣе Кувлярскаго поста доѣхать. Съ нами былъ Лачиновъ, братъ того, который въ Грузіи служилъ, и этотъ тоже былъ колоновожатымъ и учился у моего отца, но былъ выключенъ изъ службы за небольшой проступокъ и опредѣлился въ службу рядовымъ въ 7-й карабинерный полкъ. Вельяминовъ отдалъ намъ его для привезенія въ Тифлисъ.

3-го числа мы прибыли еще довольно рано въ Кубу и могли бы далѣе ѣхать, но Пономаревъ выпросилъ у меня опять сей день и слѣдующій, чтобы погулять. Между тѣмъ я дѣлалъ розыски съ помощію коменданта Старкова о мѣстѣ погребенія подполковника Бакунина, родственника моего, убитаго во время экспедиціи графа Зубова въ Персію Лезгинами. Братъ Александръ Михайловичъ про-

силъ меня о томъ, когда я выѣзжалъ изъ Торжка, и заготовилъ для костей брата своего Ивана Михайловича мѣсто въ саду своемъ. Нашли въ Кубѣ одного Армянина Артюна Осипова, который былъ при похоронахъ Бакунина, и сказалъ, что тѣло его было положено на кладбищѣ церкви Петра и Павла, находящейся въ деревнѣ Кильварахъ, что̀ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Кубы и недалеко отъ селенія Хачмаръ. Какъ я ни старался проѣхать изъ Сумгаита прямо на Арбатскій постъ для минованія Баки, но мнѣ никакъ не удалось сего сдѣлать. Намъ велѣно было ѣхать въ Тифлисъ, съ посланцами, дабы показать имъ Грузію и угостить ихъ. Мнѣ приказано было заняться какъ можно поспѣшнѣе записками о Хивѣ и Трухменіи, а мы теряли время въ гуляньяхъ и пирахъ. Мы уѣхали въ Баку и провели тамъ три дня по напрасному. Я все торопилъ Пономарева; онъ сердился, но принужденъ былъ противъ воли своей отказать многимъ зовущимъ его.

Во время пребыванія нашего въ Дербентѣ была ужасная буря въ Бакѣ; сильный нордовой вѣтеръ въ тамошней пристани потащилъ всѣ суда съ рейды въ ночи съ 17-го на 18-е число Января, и одно купеческое судно погибло. Ужасная мятель и холодъ, сопровождавшіе сіи бури, не позволяли военнымъ судамъ подавать помощи купеческимъ. Вообще зима по всему западному берегу Каспійскаго моря была жестокая; погибло нѣсколько людей и множество скота и птицъ.

Третье избавленіе мое изъ Баки послѣдовало 10-го числа Февраля. Мы ночевали, отъѣхавши 12 верстъ; съ нами была фура и бричка Пономарева. Бричка сія намъ дѣлала много остановокъ. Вездѣ были намъ выставлены казачьи конвои съ офицерами для почета посланцамъ; но Пономаревъ, по свойственной ему медленности и безпечности, оставлялъ посланцевъ безъ всякаго вниманія. На всякой станціи безъ исключенія происходили между Трухменцами и Хивинцами ссоры, потому что отпустятъ ихъ однихъ, не отведутъ имъ квартиръ, и нѣсколько дней провели они даже безъ пищи. Я двадцать разъ о семъ говорилъ Пономареву; но его ничего не занимало, кромѣ его брички, для которой онъ полагалъ, что конвои выставлены. Я не могъ его уговорить, чтобы онъ не ѣздилъ въ сторону въ гости къ Макаеву, приставу у Мустафы, хана Ширванскаго, который выѣхалъ къ намъ и звалъ къ себѣ. Онъ непремѣнно хотѣлъ погубить еще двое сутокъ, и я рѣшился ѣхать одинъ, дабы не терять времени и не бросить совершенно однихъ посланцевъ. Пономаревъ, видя, что я уѣзжаю, поѣхалъ за мной. Переправившись съ трудомъ черезъ Шемахинскія горы и пріѣхавъ въ Новую Шемаху, Пономаревъ получилъ письмо

изъ дома: Елисаветпольскій казначей звалъ его скорѣе назадъ, говоря, что присутствіе его крайне нужно дома. Въ самомъ дѣлѣ, мы узнали послѣ, что жена его съ ума сошла. (Она поправилась только къ нашему пріѣзду.) Письмо сіе крѣпко безпокоило Пономарева, но онъ не могъ рѣшиться впередъ ѣхать. Мы пріѣхали въ Елисаветполь 17-го числа. Дочери Пономарева встрѣтили его верстъ за восемь, и онъ вѣрно забылъ въ это время всѣ выговоры, которые я ему дѣлалъ за его медленность и безпечность.

20-го числа мы выѣхали изъ Елисаветполя. Во время пребыванія моего тамъ, я былъ принятъ какъ нельзя лучше въ семействѣ Максима Ивановича *). Гостепріимство есть главная его добродѣтель. Скромное семейство его достойно всякаго уваженія; жаль, что бѣдность, въ которой оно находится, будетъ большая препона къ счастью дочерей. Старшаго же сына Пономаревъ лишился въ бытность его въ Трухменіи; мальчикъ былъ 13 лѣтъ умный и подавалъ много надежды. Безпечность старика до того простирается, что онъ оставляетъ бѣдное семейство свое безъ денегъ и безъ всякихъ средствъ, гоститъ, гуляетъ, мотаетъ и забываетъ о нуждахъ дѣтей своихъ.

24-го Февраля мы прибыли въ Тифлисъ. Я остановился у Василья Бебутова. Пріемъ, который оказали мнѣ всѣ товарищи и знакомые, осчастливилъ меня, и я отчасти забылъ огорченія, нанесенныя мнѣ Алексѣемъ Петровичемъ. Я былъ обласканъ ими свыше всякой мѣры; они любили меня и уважали мой поступокъ. Квартиру мнѣ отвели у князя Арсенія Бебутова. Иванъ Александровичъ Вельяминовъ принялъ меня со свойственнымъ ему добродушіемъ, учтивостію и ласками. Онъ принялъ тоже дня черезъ два посланцевъ, и 12 Марта подарилъ ихъ сукнами и шелковыми матеріями на кафтаны.

Много частныхъ происшествій случилось въ теченіе сей дороги, но я не помѣщаю оныхъ здѣсь за неимѣніемъ времени. Пономаревъ уѣхалъ въ Елисаветполь около 15 числа Марта мѣсяца, и посланцы остались на моихъ рукахъ. Меня же уволили отъ должности оберъ-квартирмейстера, дабы я имѣлъ время заниматься обработываніемъ своихъ записокъ, и я провожу день за письмомъ. Гордѣевъ, который на десять мѣсяцевъ арестованъ по рѣшенію изъ Петербурга, присланному вслѣдствіе его дѣла съ Энгольмомъ, сидитъ у меня съ утра до вечера и помогаетъ мнѣ. Лачиновъ чертитъ, и занятія мои идутъ успѣшно. Изъ писемъ, найденныхъ мною въ Тифлисѣ, узналъ я о смерти сестры моей и о рожденіи двухъ сыновей у братьевъ моихъ.

Въ послѣднихъ приказахъ было производство между нашими офицерами, въ Грузіи находящимися. Коцебу произвели въ подполковники,

*) Т.-е. Пономарева. П. Б.

а Воейкова перевели въ гвардейскій генеральный штабъ. На дняхъ отъ Алексѣя Петровича пришла бумага, изъ Кизляра писанная. Его извѣщаетъ губернаторъ Астраханскій, что туда прибыли Трухменскіе посланцы съ просьбой отъ всего народа того же содержанія, какъ та, которую мы привезли, т.-е. предлагаютъ себя въ подданство Россіи, съ тою разницей, что выискался какой-то наслѣдникъ Трухменскаго престола. Алексѣй Петровичъ прислалъ мнѣ копію съ сего прошенія. Въ копіи сей помѣщены были имена всѣхъ старшинъ съ названіями хановъ, и Кіатъ былъ помѣщенъ; но онъ ничего о семъ не зналъ и увѣрялъ, что прошеніе сіе есть ложное. Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ разыскать сіе дѣло, и я узналъ, что прибывшій въ Астрахань былъ родной братъ Коджы, въ 1812 году начальствовавшаго надъ Трухменскимъ поколѣніемъ противъ Персіянъ и убитаго сими послѣдними. Братъ его, родомъ изъ-подъ Китайской границы, прибѣжалъ къ Трухменцамъ требовать лошадей, оружія, невольниковъ и дорогихъ каменьевъ убитаго; но его съ безчестіемъ Трухменцы прогнали. Онъ домогался власти надъ симъ народомъ чрезъ наше правительство.

Алексѣй Петровичъ, кажется, уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь дѣлаютъ тайну изъ сего. Многіе говорятъ, что онъ уже сюда болѣе не возвратится, а замѣнится графомъ Воронцовымъ. Жаль, если сіе совершится: Грузія много потеряетъ.

22-го Марта, ввечеру послѣ зари, пріѣхалъ сюда противъ всякаго чаянія Алексѣй Петровичъ. Я ходилъ къ нему. Увидя его, вся досада, постигшая меня въ Дербентѣ, опять возобновилась во мнѣ.

28-го я былъ у заутрени, которая совершалась здѣсь обыкновеннымъ своимъ порядкомъ. Послѣ ранней обѣдни мы разговлялись у Ѳеофилакта. Потомъ провелъ я цѣлое утро въ бѣганьяхъ визитовъ; обѣдалъ у князя Дарги Бебутова, вечеръ же провелъ дома.

30-го я былъ на разводѣ, видѣлся съ Алексѣемъ Петровичемъ, спросилъ когда онъ прикажетъ посланцевъ представить; онъ мнѣ отвѣчалъ, съ той же сухостью, съ которою я былъ въ Дербентѣ принятъ, что ему недосугъ.

31-го ввечеру было первое собраніе послѣ Великаго поста. Собранія сіи, учрежденныя Петромъ Николаевичемъ *), похожи на что-нибудь; благопристойность особливо, вещь столь чуждая Тифлискому обществу, соблюдается со всевозможной строгостью.

1-го Апрѣля я ходилъ къ Алексѣю Петровичу, дабы взять отъ него нѣсколько книгъ, нужныхъ къ описанію древней исторіи Хивин-

*) Ермоловымъ. П. Б.

скаго ханства; онъ мнѣ ихъ далъ и приказалъ какъ можно скорѣе кончить описаніе, потому что черезъ двѣ недѣли я долженъ ѣхать съ княземъ Мадатовымъ въ отрядъ, собравшійся для наказанія Суркай-хана Казы-Кумыкскаго. Вечеръ я провелъ у Самойлова, гдѣ вновь прибывшій сюда комендантъ Граборичъ отличался своими штуками.

4-го посланцы мои были представлены Алексѣю Петровичу, который ихъ очень ласково принялъ; ввечеру были они въ Благородномъ собраніи.

7-го я носилъ къ Алексѣю Петровичу черновую записку мою, въ которой я представлялъ мнѣніе мое объ учрежденіи крѣпости въ Красноводскѣ и мысли о распространеніи торговли нашей въ Хивѣ и Бухаріи. Я читалъ ему сіе, и ему очень понравилось мое мнѣніе; онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ готовиться ѣхать на дняхъ въ Петербургъ ходатаемъ по симъ дѣламъ. Предоставляя себя совершенно судьбѣ, я не радовался сему случаю и не противился поѣздкѣ сей.

8-го я обѣдалъ у Алексѣя Петровича, гдѣ тоже обѣдали Англичане; ввечеру они провели время у меня. Кажется, что они оставили Персію, будучи оттуда вытѣснены вновь прибывшими Французскими офицерами Наполеоновой гвардіи.

9-го я относилъ поутру бумаги мои къ Алексѣю Петровичу и былъ принятъ самымъ ласковымъ образомъ. Онъ мнѣ опять подтвердилъ быть готовымъ къ скорому отъѣзду и велѣлъ мнѣ соединить описаніе, поданное ему въ Дербентѣ, съ тѣмъ, которое я ему нынѣ представилъ.

10-го я получилъ 2000 р. отъ отца изъ Москвы. Цѣлый день занимался изготовленіемъ записокъ своихъ; вечеръ провелъ очень скучно у князя Севарземидзева.

14-го я свидѣлся съ вновь пріѣхавшимъ Нижегородскаго драгунскаго полка маіоромъ Крещенскимъ; онъ служилъ прежде въ л.-уланскомъ полку, послѣ въ другихъ драгунскихъ полкахъ и, кажется, сосланъ въ Грузію за что-то. Я его зналъ всегда за порядочнаго человѣка и пригласилъ его къ себѣ на вечеръ, прощался съ пріятелями своими и сдѣлалъ вечеринку; она была довольно веселая.

15-го гости мои разошлись довольно поздно, но Самойловъ и Крещенскій остались и играли до 10 часовъ утра. Они выигрывали и проигрывали другъ другу большія деньги и когда дѣло вышло къ разчету, то Крещенскій оставался долженъ Самойлову 1000 рублей; онъ отказался отъ сего долга и началъ быть невѣжливымъ. Самойловъ принужденъ былъ ему напомнить, что онъ забывается, и велъ себя отлично, тогда какъ Крещенскій замаралъ себя совершенно. Я ушелъ изъ дому, Крещенскій остался у меня до вечера. Я вызвалъ

Самойлова, чтобъ онъ не сдѣлалъ тутъ то, отъ чего онъ удерживался и посылалъ людей къ Крещенскому, уговаривая его оставить домъ мой. Ничего не помогло, и я принужденъ былъ писать къ нему, чтобы онъ вышелъ; онъ оставилъ мою квартиру, и я былъ чрезвычайно радъ, что избавился отъ человѣка, котораго правила никакъ не сообразовались съ общимъ образомъ мыслей тѣхъ людей, которые составляютъ кругъ знакомыхъ моихъ.

Третьяго дня пріѣхалъ сюда одинъ Англичанинъ Гордонъ изъ Охотска, возвращающійся сухимъ путемъ въ Индію. Его приняли въ Ленкоранѣ за шпіона и прислали сюда. Алексѣй Петровичъ приласкалъ его и приказалъ отправить въ Персію, куда онъ ѣхать сбирался.

16-го Алексѣй Петровичъ позвалъ меня къ себѣ около полудня, говорилъ со мною долго объ отправленіи моемъ, совѣтовалъ мнѣ, какимъ образомъ себя долженъ вести въ Петербургѣ и къ кому я буду адресованъ. Ввечеру онъ приказалъ мнѣ привести Кіата; мы у него сидѣли часа два. Главнокомандующій былъ очень ласковъ съ нимъ и отпустилъ, обѣщаясь исполнить просьбу. Кіатъ хотѣлъ ѣхать обратно съ Хивинцами въ скоромъ времени, дабы успокоить Трухменскій народъ на счетъ долгаго отсутствія своего и опять возвратиться въ Тифлисъ, дабы дождаться моего возвращенія изъ Петербурга.

18-го. Въ вечеру собралъ я товарищей своихъ, провелъ съ ними время, и они остались у меня сегодня до 8-ми часовъ утра.

19-го. Третьяго дня получено здѣсь извѣстіе о убіеніи Гуріельцами полковника Пузыревскаго, командира 44-го егерскаго полка. Въ Имеретіи совершенный бунтъ, и вчера поѣхали для усмиренія онаго Вельяминовъ, начальникъ штаба, съ нимъ уѣхалъ и Бобарыкинъ. Передъ вечеромъ главнокомандующій дѣлалъ ученье для одного баталіона, дабы показать Хивинцамъ и Трухменцамъ наши войска. Послѣ ученья была вечеринка у Мадатова. Я принужденъ былъ грозить Хивинцу Якубъ-Баю, что я его выгоню, если онъ не будетъ себя лучше вести, потому что онъ разными нахальничествами хотѣлъ показать презрѣніе ко всѣмъ обычаямъ нашимъ.

22-го. Сегодня я отпустилъ поутру Хивинскихъ посланцевъ и вручилъ имъ письмо къ Мегмедъ-Рагимъ-хану слѣдующаго содержанія:

Посланныя вашимъ высокостепенствомъ довѣренныя особы ваши, Юзъ-Баши, Ешъ-Незеръ и Якубъ-Бай, были представлены мною главнокомандующему Государя нашего, пославшему меня въ прошломъ году къ вамъ. Люди ваши донесутъ вашему высокостепенству, какимъ образомъ они были приняты у насъ и увѣрятъ васъ въ благорасположеніи главнокомандующаго. Я препоручилъ имъ тоже изъявить совершенную мою благодарность великому владѣтелю странъ восточныхъ, коего милости, излитыя на мою голову, еще болѣе ознаменовались довѣренностію ко мнѣ гос-

подина главнокомандующаго, который, согласно со словами сказанными вамъ мною лично, посылаетъ меня на дняхъ къ Государю Императору съ донесеніемъ о новой дружественной связи, устроившейся между Востокомъ и Западомъ. Одно солнце, восходящее и закатывающееся, да озаритъ связь сію во вѣки. Свѣту свѣтила сего да уподобится сіяніе искренней связи сей; да рушится оная тогда только, какъ рушится свѣтъ. Позвольте, ваше высокостепенство, мнѣ, тому, который имѣлъ счастіе предстать предъ вами, надѣяться, что вы примете письмо сіе съ благорасположеніемъ равнымъ уваженію, которое я къ вамъ имѣю. Я былъ бы слишкомъ счастливъ, еслибъ могъ надѣятся, что мысли ваши обратятся иногда на того, который желаетъ вамъ неугасимой славы и продолженія всѣхъ благъ, коими Всевышній одарилъ ваше высокостепенство.

Ввечеру Алексѣй Петровичъ вручилъ мнѣ бумаги къ Государю и другимъ особамъ. Я набралъ тоже множество писемъ.

23-го. Около полудня я выѣхалъ изъ Тифлиса въ сопровожденіи человѣкъ двадцати знакомыхъ и пріятелей, которые меня довели почти до Дигомскаго поля. Мнѣ было чрезвычайно лестно и пріятно видѣть, что въ бытность мою въ Грузіи я нажилъ себѣ столько людей, благорасположенныхъ ко мнѣ. Я разставался съ прискорбіемъ съ Тифлисомъ. Когда я ѣхалъ одинъ, я скучалъ до крайности и готовъ былъ всякую минуту возвратиться, еслибъ сіе возможно было.

Я познакомился во Владикавказѣ съ комендантомъ подполковникомъ Николаемъ Петровичемъ Сиверцовымъ, человѣкомъ, казалось мнѣ, порядочнымъ.

Послѣдніе три перехода до Моздока были опаснѣе, нежели когда: Чеченцы выѣзжали всякій день партіями по 30 и 20 человѣкъ и разбивали проѣзжихъ. Незадолго до моего проѣзда убили 10 козаковъ и при нападеніяхъ на другіе отряды ранили нѣсколькихъ. Отъ Владикавказа до Елисаветинскаго я проѣхалъ съ 25-ю козаками; послѣдніе же два перехода со мной было по 70 человѣкъ пѣхоты, по два орудія и по 10 козаковъ. Когда я прибылъ къ Тереку, то редутъ Александровскій, находящійся на ономъ, переносился выше шестью верстами на террасѣ же.

28-го я въѣхалъ въ карантинъ, гдѣ просидѣлъ пять часовъ. Меня окурили и выпустили. Ввечеру я выѣхалъ изъ Моздока. Я ѣхалъ всѣ дороги благополучнымъ образомъ; но хотя у меня подорожная была курьерская, я имѣлъ на станціяхъ нѣсколько остановокъ, отъ безпорядка или мошенничества смотрителей происходящихъ. 9-го числа Мая передъ вечеромъ я увидѣлъ колокольни Москвы бѣлокаменной, и сердце мое забилось. Я въѣхалъ на дворъ нашего дома и не нашелъ отца, который уѣхавши былъ въ деревню. Я хотѣлъ тутъ переночевать и на другой день ѣхать далѣе, но узналъ, что братъ Михайло жилъ напротивъ. Я вбѣжалъ къ нему; онъ сидѣлъ съ тещей

своей и женой. Не ожидая моего возвращенія, удивленіе ихъ было несказанное. Послали тотъ же часъ за Александромъ. Андрей и Сергѣй тутъ же были, и я послѣ четырехъ лѣтъ разлуки съ родственниками провелъ нѣсколько часовъ въ кругу всѣхъ собранныхъ насъ пяти братьевъ, что̀ еще ни одного раза не случилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ службу вступилъ. Сестры моей уже не было; она скончалась въ то время какъ я въ Хивѣ былъ. Я испыталъ участь тѣхъ, которые отлучаются на долгое время изъ родины своей: части родныхъ и друзей моимъ уже на свѣтѣ не было; другая же часть совершенно преобразовалась. Многіе переженились, имѣли уже дѣтей, и я нашелъ себѣ въ Россіи множество племянниковъ, о которыхъ я прежде понятія не имѣлъ.

11-го Мая, около полудня, я отправился далѣе въ путь къ Петербургу. 14-го числа на разсвѣтѣ около 2-го часа утра я прибылъ и остановился въ домѣ князя Григорія Семеновича Волконскаго на Мойкѣ, у Павла Колошина, который жилъ съ Тучковымъ. Того же дня я явился къ Закревскому, къ Селявину и пр. Передалъ часть бумагъ своихъ. Государь и князь Волконскій были въ Царскомъ Селѣ; но и они вскорѣ пріѣхали. Я явился къ князю и былъ принятъ съ отличными уваженіемъ, похвалой и ласками. Бумаги, которыя Алексѣй Петровичъ обо мнѣ писалъ, были очень лестны для меня; но въ представленіи было только упомянуто объ одномъ производствѣ въ слѣдующій чинъ, и я дня три тому назадъ произведенъ въ полковники съ переводомъ въ квартирмейстерскую часть, тогда какъ я былъ первымъ капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, а потому награжденіе сіе для меня не можетъ счесться лестнымъ.

Я былъ у графа Нессельроде уже нѣсколько разъ, былъ тоже у графа Каподистріи. Они восхищались моимъ поступкомъ и удачей; но я не видалъ, чтобы взято было живое участіе въ исполненіи прежняго намѣренія. Мнѣ было крайне прискорбно видѣть такую безпечность со стороны правительства, и я готовъ былъ все бросить и убираться снова въ Грузію; но вчера я былъ у Каподистріи, который, распросивъ меня обстоятельно, вошелъ въ виды Алексѣя Петровича, писалъ къ нему съ Поповымъ (который сегодня отъѣзжаетъ) и обѣщался мнѣ непремѣнно дать рѣшительный отвѣтъ въ теченіи слѣдующаго мѣсяца. «Государь хотѣлъ непремѣнно видѣться съ вами», сказалъ онъ, «и дастъ тогда отвѣтъ. Я же полагаю», продолжалъ онъ, «что самое лучшее будетъ предоставить Алексѣю Петровичу разсудить, полезно ли будетъ для нашего правительства заведеніе на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Если онъ сіе сочтетъ за нужное, то онъ пошлетъ другую экспедицію къ тѣмъ берегамъ, сдѣлаетъ смѣты и

представитъ ихъ къ Государю». Государь долженъ черезъ два дня возвратиться изъ Царскаго Села. И Волконскій, и Нессельроде, и Каподистрія обѣщались меня представить въ скоромъ времени. Я потому отложилъ писать къ Алексѣю Петровичу и намѣренъ написать къ нему уже по разговорѣ моемъ съ Государемъ.

Пріѣздъ мой въ Петербургъ и поѣздка въ Хиву надѣлали здѣсь много шуму. Я здѣсь служу предметомъ разговоровъ во всѣхъ обществахъ: даютъ мнѣ ужасныя награжденія, выдумываютъ и сами уже не знаютъ что̀ говорятъ. Многіе ищутъ со мною познакомиться для того единственно, чтобы закидать меня самыми глупыми вопросами.

Я былъ также нѣсколько разъ у Корсакова, который женатъ на двоюродной сестрѣ моей Софіи Мордвиновой. Они меня очень любятъ и принимаютъ живое участіе въ моемъ положеніи касательно тѣхъ дѣлъ, по которымъ я согласился жить четыре года изгнанникомъ изъ своего отечества. Адмирала здѣсь нѣтъ. Они обѣщаютъ мнѣ совершенный успѣхъ; но я сказалъ имъ, что не могу рѣшиться приступить къ дѣлу такого рода, получивъ уже одинъ разъ столь постыдный отказъ и что я никакъ не могу рѣшиться шутить собою такимъ образомъ въ другой разъ; но, что если будетъ съ той стороны сдѣланъ первый шагъ, который бы могъ меня удостовѣрить въ успѣхѣ моихъ предпріятій, то я ихъ опять сдѣлаю для достиженія своей цѣли. Между тѣмъ служба и занятія мои влекутъ меня въ Грузію, а Николай Семеновичъ пріѣдетъ сюда только въ Октябрѣ мѣсяцѣ сего года.

30-го я познакомился съ графомъ Воронцовымъ и завтракалъ съ нимъ. Онъ мнѣ очень понравился, обхожденіе его отличное, разговоръ умный, гордости ни малѣйшей, и онъ всякій день принимаетъ множество просителей, удовлетворяя каждаго.

Я получилъ вчера письмо отъ отца, въ которомъ онъ увѣщеваетъ меня не возвращаться въ Грузію и оставаться при училищѣ его, напоминая мнѣ, что я обязанъ отдать ему долгъ за воспитаніе, данное имъ мнѣ. Онъ написалъ сіе по внушенію брата Михайлы, который хочетъ выйти въ отставку. Ввечеру я писалъ ему и братьямъ (не упоминая имъ о полученіи письма сего) и написалъ имъ о рѣшеніи моемъ продолжать службу въ Грузіи.

1-го Іюня я былъ поутру у князя Волконскаго и графа Нессельроде, дабы узнать, когда я буду представленъ Государю. Оба обѣщались мнѣ, что они напомнятъ обо мнѣ Государю; но о сю пору еще ничего нѣтъ. Пребываніе мое здѣсь промедленіемъ своимъ весьма похоже на пребываніе мое въ Хивѣ. Вечеръ я провелъ у Корсакова и получилъ отъ него заимообразно денегъ; ихъ я здѣсь найти не могъ, ни между

родными, ни между товарищами, тогда какъ въ Тифлисѣ, краю чужомъ, я всегда могъ найти до 10.000 рублей въ одинъ вечеръ. Вотъ различіе гостепріимства тамошняго и здѣшняго. Тимковскій *), съ которымъ я вчера вечеръ провелъ у Корсакова, предлагалъ мнѣ путешествіе въ Бухарію въ видѣ довѣреннаго и уполномоченнаго посланника. Я бы желалъ, чтобы правительство было мнѣ признательно за послѣднюю поѣздку мою въ Хиву, дабы отправиться въ Бухарію.

2-го, я былъ у графа Каподистріи, который снова обѣщался доложить Государю обо мнѣ. Я обѣдалъ на Каменномъ островѣ у Екатерины Ѳедоровны Муравьевой.

4-го, по приказанію князя Волконскаго, я явился во дворецъ въ 8 часовъ утра для представленія Государю. Я ходилъ нѣсколько часовъ по коридору, видѣлся со многими пріѣзжими знакомыми, которымъ всѣмъ желательно было очень знать чудесныя происшествія, сопровождавшія мое путешествіе въ Хиву. Прусской службы подполковникъ Лукаду тутъ же былъ. Онъ уже писалъ королю своему о прибытіи моемъ и съ большимъ вниманіемъ распрашивалъ меня, но тоже о пустякахъ. Часу въ 12-мъ Волконскій позвалъ меня къ Государю. Онъ отвелъ меня сперва въ сторону и говорилъ что-то очень много и скоро, кланяясь и нагибаясь за всякимъ словомъ. Я не понялъ, чего онъ именно хотѣлъ отъ меня; но изъ движеній его и замѣшательства догадался, что онъ учитъ меня какъ представляться Государю. Я внутренно смѣялся сему. Онъ предложилъ мнѣ въ это время ѣхать посломъ въ Бухарію, представляя, сколь такого рода препорученіе лестно. Я былъ согласенъ съ нимъ на счетъ послѣдняго, но не далъ ему рѣшительнаго отвѣта. Я вошелъ къ Государю. Онъ принялъ меня съ особою ласкою, обнялъ меня и благодарилъ за усердіе, съ которымъ я исполнялъ службу. Все обращеніе его было отличное, такъ что едва ли видалъ я подобное со стороны какого бы то ни было начальника. Онъ говорилъ съ полчаса со мною, распрашивалъ съ большимъ вниманіемъ о послѣднихъ сношеніяхъ нашихъ съ Хивой, о претерпѣнномъ мною въ бытность мою тамъ, не судилъ дерзко и неосновательно о краяхъ неизвѣстныхъ, какъ то дѣлали всѣ тѣ, съ которыми я на сей счетъ говорилъ. Скромность его была примѣрная. Я имѣлъ случай показать ему записку, доставленную мнѣ въ Хивѣ Русскими невольниками. Онъ читалъ ее и, отдавая Волконскому, сказалъ: «Надобно имъ помочь. Какъ бы это сдѣлать? Надобно послать сказать хану Хивинскому, чтобъ онъ ихъ возвратилъ». Рѣчи

*) Извѣстный путешественникъ, служившій въ Азіатскомъ Департаментѣ. П. Б.

сіи, сказанныя съ непомѣрнымъ самонадѣяніемъ, не понравились мнѣ; казалось, что онъ сію минуту пошлетъ фельдъегеря съ симъ приказаніемъ къ хану. «Какъ васъ приняли?» послѣ того спросилъ у меня Государь, «тогда какъ васъ уже освободили и видѣли въ васъ довѣренную особу?»—«Со всѣми почестями», отвѣчалъ я, «но я былъ еще болѣе лишенъ свободы въ то время».—«Каково было обращеніе съ вами во время заточенія?»—«Очень грубое и невѣжливое».—«А послѣ?»—«Послѣ того какъ ханъ старался подарками и ласками заставить меня забыть прежній пріемъ, то всѣ тѣ особы, которыя не уважали меня, были ниже травы и старались подлостями загладить свою вину передо мною». На сей отвѣтъ Государь улыбнулся и, обратясь къ Волконскому, который одинъ изъ постороннихъ тутъ въ комнатѣ былъ, сказалъ ему: «Я это знаю; это всегда такъ; это всегда такъ у восточныхъ государей». Отпуская меня, Государь пересказалъ мнѣ всѣ тѣже привѣтствія, которыя сначала говорилъ и больше ничего. Я ожидалъ, что буду награжденъ послѣ сего свиданья за службу свою: но ничего такого не бывало. Я не хотѣлъ однакоже оставить въ рукахъ князя Волконскаго единственный памятникъ моего пребыванія въ Хивѣ и вытребовалъ у него назадъ вышеупомянутую записку Русскихъ невольниковъ, оставя копію съ оной въ канцеляріи князя Меншикова.

5-го Іюня поѣхалъ къ Тимковскому, дабы объясниться съ нимъ на счетъ Бухарской экспедиціи и узнать, въ чемъ состоятъ власть и выгоды избраннаго посланникомъ. Тимковскій уже зналъ о предложеніи графа Нессельроде. Онъ относился самымъ лучшимъ образомъ о семъ и совѣтывалъ мнѣ ѣхать къ Родофиникину, управляющему департаментомъ Азіатскихъ дѣлъ для личнаго объясненія съ нимъ.

Я въ тотъ же вечеръ къ нему поѣхалъ, засталъ его на дачѣ. Онъ принимаетъ живое участіе въ семъ дѣлѣ и много обѣщаетъ; но я не хочу обязаться, не знавъ всего навѣрное, и сказалъ ему, что если черезъ десять дней я не буду увѣренъ, что исполненіе всѣхъ требованій моихъ свершится, то я брошу предпріятіе сіе и возвращусь въ Грузію, гдѣ служба представляетъ мнѣ многія преимущества. Они меня ищутъ, и потому я могу дорожить собой. Если же они не согласятся, то я найду себѣ хорошую дорогу и въ Грузіи. Вчера я былъ опять у Тимковскаго, который совѣтовалъ мнѣ изготовить записку о требуемомъ мною. Я сегодня представилъ ее Родофиникину и долженъ ожидать отвѣта. Между тѣмъ я началъ отыскивать себѣ чиновниковъ. Я нашелъ для секретарской должности одного Семенова, который служитъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ; человѣкъ со свѣдѣніями, воспитаніемъ, образованіемъ, бѣдный, съ хорошимъ нравомъ

и трудолюбивый; такъ онъ мнѣ показался, и такъ мнѣ объ немъ говорили вездѣ. Онъ не отказывается отъ моего предложенія, но не рѣшается тоже, пока не узнаетъ все обстоятельно.

Если мнѣ не удастся ѣхать съ посольствомъ въ Бухарію, то я немного потеряю промедленіемъ моимъ въ Петербургѣ. Таскаясь по всѣмъ первымъ лицамъ государства, я имѣю случай узнать ихъ, наблюдать ходъ дѣйствій ихъ и взаимныя сношенія. Какъ не пожертвовать поучительному наблюденію сему нѣсколько времени, проведеннаго въ скучной столицѣ сей?

Я познакомился вчера съ нѣкіимъ Газаномъ, Французомъ, капитаномъ инженеровъ путей сообщенія. Онъ жилъ долго въ Царьградѣ, гдѣ выучился языкамъ восточнымъ, и ѣдетъ теперь въ Грузію. Полезному для меня знакомству сему противостоитъ привящивость его какъ всѣхъ иностранцевъ и ненависть, которую я къ нимъ имѣю.

10-го я провелъ день у Никиты Муравьева, въ надеждѣ заняться поправкой моихъ записокъ; но на мѣсто сего былъ завлеченъ матерью его, которая цѣлый вечеръ таскала меня по Крестовскому острову и надоѣла мнѣ до крайности. Однако же я былъ въ тотъ вечеръ у Каподистріи, который, узнавши о намѣреніи министерства послать меня въ Бухарію, изъявилъ мнѣ чрезъ Николая Назарьевича Муравьева желаніе видѣть меня. Каподистрія противится сему намѣренію; цѣль его въ томъ состоитъ, чтобы назначили туда какого-нибудь Грека, единоземца его, и дать ему случай нажиться. Я сказалъ Каподистріи, что я никогда не искалъ сего мѣста и не отказывался отъ онаго; что начальство, удостоивая симъ препорученіемъ меня, увѣряетъ меня, что симъ я могу принести большую пользу отечеству и что я считалъ долгомъ не отказываться отъ сего. Онъ былъ, кажется, очень доволенъ тѣмъ, что я не назывался прямымъ образомъ на сію поѣздку, и обѣщалъ мнѣ ходатайства своего, чего мнѣ совсѣмъ не нужно, для скорѣйшаго отправленія моего въ Грузію.

Въ Субботу, то-есть сегодня, будетъ докладъ съ двухъ сторонъ обо мнѣ Государю. Каподистрія ругаетъ безъ милости Нессельроде и хочетъ отсовѣтовать его предложеніе касательно меня; а тотъ, подстрекаемый Радофиникинымъ, будетъ за меня вступаться.

11-го я провелъ утро у Муравьева же, читая ему свои записки.

17-го князь Волконскій потребовалъ меня въ Царское Село. Я поѣхалъ. Графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, хотѣлъ видѣться со мной. Онъ распрашивалъ меня о сношеніяхъ съ Трухменами, о выгодахъ торговли съ ними и проч. Послѣ того видѣлся я съ княземъ, который опять предлагалъ мнѣ посланство въ Бухарію. Я согласился. Онъ обѣщался дать мнѣ отвѣтъ на дняхъ. Онъ распраши-

валъ меня тоже объ офицерахъ нашихъ, служащихъ въ Грузіи. Я не упустилъ сего случая сказать ему объ Енгольмѣ и просить его отъ имени всѣхъ офицеровъ, чтобы онъ избавилъ наше общество отъ сего человѣка, заслужившаго всеобщее презрѣніе. Князь принялъ участіе въ семъ дѣлѣ и обѣщался удалить его.

22-го я былъ у министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына и просилъ его принять участіе въ положеніи несчастныхъ Русскихъ, находящихся въ неволѣ въ Хивѣ. Я ему далъ записку, въ которой я изображалъ горестное ихъ положеніе, и онъ обѣщался ходатайствовать объ нихъ у Государя.

27-го меня призывалъ графъ Нессельроде. Я уволенъ отъ Бухарскаго посольства, что меня весьма радуетъ, видя то малое вниманіе, которое обращали на сію экспедицію. Нессельроде призывалъ меня, чтобы разсудить обстоятельно о намѣреніи Трухменовъ, вступающихъ въ наше подданство. Завтра долженъ состояться комитетъ Азіатскихъ дѣлъ, въ которомъ засѣдаютъ графъ Кочубей, Каподистрія, Нессельроде и князь Волконскій, и тамъ будутъ разсуждать о дѣлахъ Трухменовъ, послѣ чего меня отправятъ.

29-го ввечеру я былъ у князя Волконскаго и просилъ его снова, чтобы онъ меня отпустилъ въ Москву на 28 дней; но онъ отсрочилъ опять до 4-го числа сего мѣсяца, говоря, что комитетъ Азіатскихъ дѣлъ только 29-го собрался, дабы обсудить дѣло, представленное мною о Туркменахъ и что 3-го числа будетъ докладъ Государю о семъ. Между тѣмъ мнѣ кажется, что меня хотятъ послать опять курьеромъ въ Грузію, послать, не давъ мнѣ времени заѣхать къ отцу, и причиною ихъ торопливости то, что, вмѣсто того, чтобы уже давно дѣломъ заняться, министры гуляли и разъѣзжали по мызамъ. Нерадѣніе и безпечность сихъ людей безпримѣрна. Ихъ не можетъ занимать самое выгодное дѣло для правительства нашего, но весь предметъ ихъ службы состоитъ только во взаимныхъ распряхъ и въ стараніяхъ выманить себѣ что нибудь отъ Государя. Если, какъ говорятъ, во всѣхъ частяхъ нашего отечества находится такое же равнодушіе, то намъ остается только сожалѣть о семъ.

7-го Іюля я получилъ отпускъ отъ князя Волконскаго на 6-ть недѣль въ Москву. Родофиникинъ давалъ мнѣ читать журналъ комитета Азіатскихъ дѣлъ, гдѣ рѣшено отпустить Алексѣю Петровичу 25.000 рублей на покупку 2000 четвертей хлѣба и наемъ судна для продажи онаго Туркменамъ и 10.000 на подарки имъ. Мнѣніе сіе утверждено Государемъ.

Сегодня я былъ у Государя, который меня принялъ очень ласково и благодарилъ меня снова за рачительное исполненіе службы.

Завтра я сбираюсь ѣхать въ Тифлисъ черезъ Москву по Ярославской дорогѣ и заѣхать къ Корсакову. Множество занимательныхъ обстоятельствъ случилось со мною во время пребыванія моего въ Петербургѣ. Время не позволило мнѣ описать ихъ.

Село Долгія Ляды, 27-го Іюля. 9-го я оставилъ Петербургъ, гдѣ проведено было мною столько скучныхъ и досадныхъ дней. Выѣхавши изъ заставы, я былъ въ восхищеніи, видя, что новый родъ жизни мой отчасти уподобится тому, который я столько лѣтъ велъ, и я радовался избавленію своему изъ рукъ людей, которыхъ я презиралъ отъ всего сердца. Я торопился, дабы застать еще Государя въ Москвѣ. Я нашелъ батюшку и Михайлу въ Москвѣ. Мнѣ пріятно было слышать, что Государь благодарилъ старика моего въ присутствіи всѣхъ за мою поѣздку въ Хиву, говоря, что не всякій въ состояніи сего сдѣлать. 20-го числа Государь выѣхалъ изъ Москвы, и батюшка тоже поѣхалъ въ деревню.

22-го числа я выѣхалъ изъ Москвы и прибылъ въ село Покровское, Шереметевыхъ, гдѣ нашелъ брата Михайлу, Андрея и Сергѣя. Особенное гостепріимство знаменуетъ сей домъ. Обширный и обработанный умъ Михаила, при рѣдкихъ добродѣтеляхъ его, доставляетъ ему особое уваженіе отъ знающихъ его.

Предметовъ много, описывать множество, и нравы, и лица, и прошлыя дѣла. Класть мнѣнія свои, все сіе неизлишне, потому что въ запискахъ сихъ, гдѣ не трудно пристрастію дѣйствовать (ибо ихъ никто не видитъ) можно судить довольно вѣрно. Но не хочу сдѣлать сего вдругъ; первое, потому что я и другимъ занятъ, а второе, потому что терпѣніе мое истощилось въ толь долгомъ писаніи; напрягая терпѣніе, я бы сталъ торопиться и многимъ бы, можетъ быть, не отдалъ справедливости; а дѣло сіе я лучше намѣреваюсь дѣлать исподволь со дня на день, наблюдая лица и слѣдуя обстоятельствамъ. Я писалъ отсюда Алексѣю Петровичу, которому я объяснялъ ходъ дѣйствій моихъ въ Петербургѣ.

27-го я посѣтилъ на островахъ, передъ домомъ среди пруда находящихся, одно дерево на которомъ 10 лѣтъ тому назадъ я изобразилъ имя... Я нашелъ оное, и множество воспоминаній посѣтило меня и повергло въ задумчивость, когда разсудокъ заглушили чувства. Я обозрѣлъ весь ходъ дѣйствій моихъ, имѣвшій причиною первую сію связь.

31-го пріѣхала къ обѣду Надежда Николаевна Шереметева со своимъ семействомъ. Братъ Андрей тоже пріѣхалъ съ учителемъ своимъ Раичемъ, который ѣздилъ въ Москву отдавать брата Сергѣя въ пансіонъ Бибикова.

1-го Августа, воскресенье, послѣ обѣдни, я отслужилъ благодарственное молебствіе за благополучное возвращеніе мое на родину.

2-го я занимаюсь здѣсь обдѣлываніемъ своихъ записокъ о Хивѣ. Вчера прибылъ сюда колоновожатый Менжинскій, который занимается рисованіемъ видовъ для путешествія моего.

12-го числа я вздумалъ ѣхать въ Вязьму съ братомъ Михайломъ, для отысканія мѣста, гдѣ похороненъ Михайло Колошинъ въ 1812 году, отслужить панихиду и положить памятникъ на могилѣ. Братъ ѣхалъ черезъ Вязьму въ Смоленскъ въ свою деревню.

22-го. Я получилъ отъ князя Волконскаго бумагу, въ которой онъ приказывалъ мнѣ возвратиться въ Грузію. Я былъ доволенъ симъ; но какъ мнѣ по службѣ не для чего было торопиться, я остался еще недѣли на три, которое время провелъ большею частію у братьевъ. Братъ Михайла рѣшался выходить въ отставку. Вліяніе его на училище и на самого батюшку было столь сильное, что старикъ почти рѣшался оставить корпусъ, коего содержаніе разоряло его; но онъ отложилъ сіе до будущей осени.

Отецъ и братья мои, а особливо Александръ, уговаривали меня остаться и не обращать болѣе вниманія на Грузію, гдѣ служба моя была столь неудачна. Онъ всячески старался удержать меня, представляя мнѣ то счастье, которымъ я могу пользоваться въ дружескомъ кругу ихъ. Я чувствовалъ, что начиналъ колебаться и, дабы не перемѣнить рѣшенія моего, я объявилъ имъ, что вижу справедливость ихъ, но что мнѣ должно непремѣнно въ Грузію возвратиться, дабы раздѣлаться честнымъ образомъ съ Арміниномъ Петровичемъ, сопутникомъ моимъ въ Хиву, который за службу свою не награжденъ и которому я на всегда обязанъ; я имъ представилъ еще другія причины. Исполнивъ долгъ свой, сказалъ я имъ, я не буду проживать въ Грузіи и поселюсь между вами. Братья обѣщались дать Петровичу пристанище по конецъ жизни его въ своихъ домахъ. Видя дружбу и преданность братьевъ моихъ, я не могъ воздержаться, чтобы не объяснить имъ обстоятельствъ моихъ касательно женитьбы моей. Братья болѣе старались удерживать меня симъ, узнавъ, что я не перемѣнилъ склонности своей, которую они положили, что уже забылъ; но я остался непреклоненъ, 10-го Ноября передъ полднемъ выѣхалъ изъ деревни, на Можайскъ, Верею, Боровскъ, Калугу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ и пріѣхалъ въ Тифлисъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца. Я надѣялся, что дурной пріемъ отъ Алексѣя Петровича дастъ мнѣ поводъ оставить Грузію; напротивъ, онъ такъ обласкалъ меня, что я рѣшился еще остаться на нѣсколько времени. Злодѣйство и безпо-

рядки, произведенные нашими чиновниками и безпечность начальства въ угнетенномъ народѣ, нельзя видѣть честному человѣку хладнокровно.

Короткое повѣствованіе сіе о многихъ происшествіяхъ и личностяхъ весьма недостаточно; но время не позволяло мнѣ болѣе сдѣлать; да потерялъ отъ части и страсть къ занятіямъ. Мнѣ трудно было приняться за оныя и за сіи дневныя записки. Мысли мои разбиты, стремятся во всѣ стороны, и Богъ знаетъ, на чемъ онѣ остановятся. По пріѣздѣ моемъ сюда, я былъ принятъ съ особенною радостію и ласками отъ старыхъ товарищей моихъ и пріятелей; но въ числѣ сихъ я не нашелъ того, съ которымъ былъ всѣхъ дружнѣе. Боборыкинъ умеръ въ Имеретіи. Я тоже ожидалъ по пріѣздѣ моемъ сюда собрать болѣе 3.000 рублей, которые мнѣ должны были; но сіе мнѣ не удалось, и сіе обстоятельство довольно разстроиваетъ мои дѣла.

Дня четыре тому назадъ пріѣхалъ сюда обратно Туркменскій посланникъ Кіатъ-Ага съ сыномъ своимъ и Петровичемъ. Онъ былъ отпущенъ на нынѣшнее лѣто на родину свою и привезъ извѣстіе, что жители Балкана оставили свои колодцы и поселились на Атрекѣ за неимѣніемъ хлѣба. О семъ легко можно было догадаться, и я сколько разъ говорилъ сіе министрамъ иностранныхъ дѣлъ и писалъ къ Алексѣю Петровичу, что медленность и нерадѣніе правительства произведутъ сіе. Хивинскій ханъ, по словамъ Кіата, приказалъ сказать намъ, чтобы мы впередъ не дерзали показываться къ нему, и что онъ сожалѣетъ, что не повѣсилъ меня въ бытность мою въ Хивѣ; что онъ не желаетъ имѣть знакомства болѣе съ Русскими. Слухъ тоже носился между Туркменами, что юзъ-башу ханъ повѣсилъ въ Хивѣ по доносамъ Якубъ-Бая; но сіе, кажется, должно быть ложно.

28-го. Главнокомандующій принималъ Туркменскихъ посланцевъ; онъ опять обѣщался мнѣ доставить Петровичу офицерскій чинъ.

29-го. Ввечеру я ходилъ къ одному здѣшнему Армянину Гамазову для узнанія отъ него о рукописяхъ и древнихъ книгахъ, хранящихся въ подвалѣ одной церкви. Я узналъ, что книги сіи точно тамъ лежатъ съ того времени какъ Ага-Магометъ-ханъ разорялъ Тифлисъ, что̀ случилось въ 1792 году. Онъ мнѣ обѣщался сходить со мной въ сей подвалъ. Отъ него я пошелъ къ Майвалдову, гдѣ узналъ вѣсть весьма непріятную для меня: по отъѣздѣ моемъ отсюда въ Петербургъ Алексѣй Петровичъ распрашивалъ Петровича о Хивинскомъ походѣ и сказалъ ему, что мы струсили въ Хивѣ. Обстоятельство сіе крайне огорчило меня. Я видѣлъ, какъ онъ цѣнилъ заслуги мои, пристрастіе его къ окружающимъ его подлецамъ и безмѣрный эгоизмъ. Я не знаю, что̀ меня еще удерживаетъ здѣсь служить.

10-го Декабря ввечеру я ходилъ съ Василіемъ и Ѳомой Кургановымъ къ Ивану Гамазову для отысканія тѣхъ рукописей, которыя лежали будто въ погребѣ подъ церковью. Онъ сталъ было крѣпко отговариваться отъ насъ, но я настоялъ. Мы пошли въ алтарь, гдѣ были маленькія дверцы на лѣвой сторонѣ; замокъ сломали, и мы пошли по узкой, тѣсной лѣстницѣ, которая шла въ толщину стѣны и привела насъ въ маленькую комнату, сдѣланную тоже въ стѣнѣ. Тутъ мы нашли 12 древнѣйшихъ рукописей, которыя, вопреки всѣхъ стараній хозяина, были унесены къ нему въ домъ и которымъ тотчасъ же сдѣлана опись. Не желая отнять у него сихъ книгъ, уходя я оставилъ ихъ у него; но онъ приступилъ ко мнѣ, чтобы я ихъ взялъ и унесъ ихъ къ себѣ. Тутъ вышло другое дѣло; книги сіи были положены въ церковь во время чумы Гамазовымъ, у котораго весь домъ вымеръ отъ сей болѣзни. Могло легко случиться, что книги сіи были заражены. Я писалъ записку къ Гамазову и справлялся о семъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что книги сіи были положены тогда, какъ стала только показываться въ городѣ чума для предохраненія ихъ отъ сожженія. Я успокоился и пріобщилъ вновь пріобрѣтенныя рукописи къ своему собранію.

13-го поутру я былъ у Алексѣя Петровича, и онъ приказалъ мнѣ приготовить ему записку, въ которой было бы изложено мое мнѣніе объ учрежденіи Красноводской крѣпости на восточномъ берегу моря, дабы ходатайствовать по оной въ Петербургѣ для полученія отъ правительства нужнаго на сіе заведеніе.

Вечеръ вчерашняго дня былъ назначенъ мной для празднованія моего освобожденія изъ Хивы. Я отслужилъ молебствіе благодарное.

Я изготовилъ записку, въ которой было помѣщено все, что̀ потребно мнѣ для лучшаго успѣха экспедиціи будущаго года и всѣ требованія Кіата-аги. Главнокомандующій на все совершенно согласился, подарилъ Кіата, сына его, и далъ первому золотую медаль на шею на Андреевской лентѣ.

Вчера 26 числа Алексѣй Петровичъ у̀ѣхалъ отъ насъ въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ отвелъ меня въ сторону, обнялъ меня, давалъ совѣтъ на счетъ Туркменской экспедиціи, назначилъ мнѣ двухъ артилерійскихъ офицеровъ графа Катани и Рюмина и хотѣлъ еще назначить кого-то, который долженъ быть подъ моимъ руководствомъ и готовиться на смѣну мнѣ, когда я оставлю Грузію. Я увѣрилъ Алексѣя Петровича, что не оставлю сего края, пока онъ будетъ здѣсь. Обстоятельства мои не позволяютъ мнѣ въ отечество возвратиться. Я долженъ быть доволенъ тѣмъ, что̀ имѣю и, сравнивъ себя со многими несчастнѣйшими меня, считать себя счастливцемъ.

ОЧЕРКИ СТАРОДАВНЯГО МѢСТНАГО БЫТА *).

III. Воронежскій помѣщикъ Сѣверцовъ.

Воронежская губернія въ концѣ XVII в., въ меньшемъ противъ нынѣшней объемѣ, называлась Воронежскимъ уѣздомъ. Уѣздъ этотъ составляли четыре стана: Чертовицкій, Усманскій, Боршевскій и Карачунскій; а города Землянскъ, Усердъ, Урывъ и другіе, населенные Черкасами, т.-е. Малороссами, составляли особый полкъ, начальникъ котораго, Черкасскій полковникъ, имѣлъ свое пребываніе въ главномъ городѣ этого полка—въ Острогожскѣ.

Въ Боршевскомъ стану Воронежскаго уѣзда, въ собственномъ селѣ Хвощеватомъ, въ концѣ XVII вѣка, жилъ старинный Воронежскій помѣщикъ и дворянинъ Иванъ Ивановичъ Сѣверцовъ, человѣкъ по тому времени весьма состоятельный, представитель крупнаго землевладѣнія и мѣстный аристократъ, находившійся въ близкомъ родствѣ съ Михневыми, Веневитиновыми, Петровыми. У него много помѣстій, селъ и деревень, какъ Хвощеватое, гдѣ онъ живетъ самъ, село Рядное въ Чертовицкомъ стану и другія. Въ селѣ Рядномъ имѣется приходская церковь во имя Св. Георгія, а при ней священникомъ состоитъ отецъ Іаковъ.

Дѣло происходитъ въ 1704 году. Позднимъ вечеромъ, 11-го Января, уже къ ночи, къ о. Іакову, проживавшему въ томъ же селѣ Рядномъ съ своею попадьею Екатериною Ульяновной, пріѣхалъ неизвѣстно зачѣмъ помѣщикъ И. И. Сѣверцовъ, жившій повидимому не въ ладахъ съ о. Іаковомъ. Необходимо замѣтить, что Сѣверцовъ пріѣхалъ не одинъ, а въ сопровожденіи двухъ человѣкъ. Первый назывался Петромъ Елисѣевымъ и состоялъ въ должности слуги при Сѣверцовѣ, а второй, Ларіонъ Хорупаевъ—деньщикъ, который былъ посланъ изъ Воронежа за Сѣверцовымъ, но вмѣсто того, чтобы отвести его на Воронежъ, онъ почему-то проѣхалъ съ нимъ изъ Хвощеватаго, минуя городъ, въ село Рядное. У о. Іакова Сѣвер-

*) См. „Р. Архивъ“ сего года, вып. 7-й, стр. 289.

цовъ пробылъ съ часъ времени. Что онъ дѣлалъ тамъ, о чемъ бесѣдовалъ съ о. Іаковомъ—осталось загадкой. Равно не выяснено и странное поведеніе деньщика Хорупаева, который, оставивъ Сѣверцова у о. Іакова, поѣхалъ одинъ въ Воронежъ; а Сѣверцовъ, захвативъ съ собою, добровольно или насильно, о. Іакова, отправился ночевать къ своему крестьянину Богачеву, жившему въ томъ же селѣ Рядномъ. Семейство Евменія Богачева состояло изъ старухи матери его Агаѳьи, жены Василисы и дочери дѣвки Акулины. Все это семейство кормилось трудами Евменія Богачева (онъ же Коробовъ), занимавшагося рыболовствомъ и, кромѣ того, еще какими-то темными дѣлами, но съ вѣдома ли или безъ вѣдома своего помѣщика, этого изъ дѣла не видно. Пріѣхавъ въ дворъ къ Богачеву, Сѣверцовъ съ священникомъ зашли въ избу, а Петръ Елисѣевъ остался на дворѣ выпрягать лошадей. Въ избѣ все семейство Богачева оказалось въ сборѣ, за исключеніемъ его самого (онъ отправился на ночь рыбу ловить). Побесѣдовавъ съ Сѣверцовымъ въ избѣ Богачева, о. Іаковъ распрощался со всѣми присутствовавшими и отправился домой. Была уже поздняя ночь, но ночь зимняя и лунная: изъ окошечка видѣли, какъ священникъ вышелъ изъ воротъ и пропалъ *безвѣстно!*..... Для бѣдной попадьи Екатерины Ульяновны прошло десять ужасно-томительныхъ дней, въ ожиданіи возвращенія о. Іакова. Убѣдившись въ тщетѣ своихъ ожиданій, Екатерина Ульяновна, 21-го Января, сама поѣхала въ Воронежъ и взяла съ собою челобитную, написанную другомъ ея безвѣстно пропавшаго мужа Ксизовскимъ священникомъ о. Иродіономъ. Къ несчастью для нея, царя Петра въ это время въ Воронежѣ не было: онъ незадолго предъ тѣмъ уѣхалъ въ Москву и возвратился въ Воронежъ только 21-го Февраля.

Пришлось судиться обыкновеннымъ порядкомъ въ Адмиралтейскомъ Приказѣ. Поданная адмиралтейцу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину челобитная гласила:

„Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій!

Въ нынѣшнемъ, государь, 1704-мъ году, Генваря въ 11 день, пріѣзжалъ въ Воронежскій уѣздъ, въ Чертовицкій станъ, въ село Рядное, къ приходскому попу Іакову въ домъ Воронежецъ Иванъ Сѣверцовъ съ человѣкомъ своимъ, съ вѣдомымъ воромъ, съ Петромъ Елисѣевымъ, приноровя къ ночи, въ вечеру поздно и, бывъ у него у попа въ домѣ и поневолѣ взявъ его попа Іакова изъ дому, посадя въ сани, и повезли въ томъ же селѣ къ крестьянину своему къ Евменію Богачеву, невѣдомо для чего. И съ того, государь, числа и по сіе число тотъ священникъ Іаковъ отъ того его Иванова крестьянина не явился—пропалъ безвѣстно. А какъ, государь, онъ Иванъ Сѣверцовъ съ человѣкомъ своимъ съ Петромъ къ нему попу Іакову въ домъ пріѣзжалъ, и въ тожъ число присланнаго изъ Воронежа деньщика Ларіона Хорупаева со двора отъ него попа сбили, знатно, что надъ нимъ попомъ Іаковомъ для какого лихаго умысла. Всемилостивѣйшій государь! Прошу вашего величества, вели, государь, съ Воронежа изъ Приказу Адмиралтейскихъ дѣлъ по нихъ, по Ивана Сѣверцова и по человѣка его Петра и по крестьянина его Евменія и по жену его и по дѣтей послать и потому жъ деньщика Ларіона Хорупаева сыскать на Во-

ронежъ въ Приказъ Адмиралтейскихъ дѣлъ и противъ сего моего челобитья всѣхъ ихъ допросить порознь, а по допросу свой государевъ указъ учинить. Вашего величества нижайшаго богомольца попа Іакова попадья Екатерина Ульянова дочь. Генваря въ 21 день 1704 году.

Въ тотъ же день было наряжено слѣдствіе. Деньщикамъ Антону Киселеву съ *товарищи* поручено было съѣздить въ села Хвощеватое и Рядное за упомянутыми въ челобитной лицами и объявить ихъ всѣхъ въ Приказѣ Адмиралтейскихъ дѣлъ Ѳ. М. Апраксину. 21-го Января дано было порученіе съѣздить за обвиняемыми, а 23-го Сѣверцовъ, его люди Петръ Елисѣевъ и крестьянинъ Богачевъ съ семействомъ, а также деньщикъ Ларіонъ Хорупаевъ были привезены на Воронежъ и объявлены въ Адмиралтейскомъ приказѣ деньщикомъ Кузьмою Скользневымъ. Начались допросы. Чтобы придать суду видъ безпристрастія, допрашивали не всѣхъ вмѣстѣ, а каждаго порознь. Начали съ Сѣверцова, который показалъ:

Сего-де году Генваря въ 11 числѣ, присланъ былъ по него Ивана съ Воронежа деньщикъ Ларіонъ Хорупаевъ. И онъ-де Иванъ съ тѣмъ деньщикомъ поѣхалъ въ городъ и заѣхалъ въ село Рядное къ приходскому попу Іакову въ домъ съ человѣкомъ своимъ Петромъ Елисѣевымъ, да съ тѣмъ деньщикомъ на своей одной подводѣ сидѣли. И въ то число поилъ-де онъ Иванъ его попа и попадью его своимъ виномъ и сидѣли-де у него съ часъ. И у него-де попа Іакова онъ Иванъ спалъ, а деньщикъ-де Ларіонъ отъ него попа со двора пошелъ впередъ собою, и онъ Иванъ его не сбивалъ, и ночевалъ ли-де онъ въ томъ селѣ, или въ городъ поѣхалъ, про то онъ не вѣдаетъ. А онъ-де Иванъ послѣ него деньщика съ человѣкомъ своимъ, взявъ съ собою того попа Іакова, того же числа, *добродѣтельно, а не насильно*, поѣхали съ нимъ попомъ къ крестьянину его Иванову въ томъ же селѣ Рядномъ, къ Евменію Коробову, Богачевъ онъ же. А какъ-де онъ Иванъ у попа Іакова въ домѣ былъ, опричь ихъ иныхъ людей никого не было. И у того крестьянина, онъ Иванъ его попа тѣмъ же своимъ виномъ подчивалъ-де, а того-де крестьянина въ то число въ дому не было: (былъ у него Ивана, своею братьею, со всѣми крестьяны на работѣ, на рыбной ловлѣ). Только въ то время, въ дому были мать того крестьянина, да жена его Василиса, да дочь дѣвка. И, пивъ-де вино, онъ попъ пошелъ отъ него Ивана изъ избы, того жъ числа, *въ первомъ часу* ночи со двора къ себѣ въ домъ, а онъ-де Иванъ въ той избѣ остался, а его-де попа со двора онъ не провожалъ. И у того крестьянина онъ Иванъ съ человѣкомъ своимъ Петромъ ночевалъ, а опричь-де ихъ въ томъ крестьянскомъ домѣ иныхъ постороннихъ людей никого не было. А гдѣ онъ попъ послѣ того дѣлся, про то онъ не вѣдаетъ и ссоры и никакой недружбы у него Ивана съ нимъ попомъ напередъ сего никакой не было. А на утрѣ-де на первомъ часу дни поѣхалъ онъ Иванъ съ того крестьянскаго двора въ городъ Воронежъ."

Вторымъ былъ допрашиванъ дворовый человѣкъ Сѣверцова Петръ Елисѣевъ, котораго показанія во всемъ подтверждали слова помѣщика Сѣверцова. Существеннымъ дополненіемъ въ его показаніяхъ было то, что, по его словамъ, Иванъ Сѣверцовъ, угощая попа и попадью, и себя не забывалъ, такъ что всѣ опьянѣли и полегли спать. Отдохнувъ, Сѣверцовъ убѣдительно просилъ о. Іакова отправиться съ нимъ къ Богачеву *посидѣть*. О. Іаковъ согласился. Страннымъ однако является тутъ тотъ фактъ, что

Петръ Елисѣевъ въ холодную Январьскую ночь ложится спать на дворѣ въ помѣщиковыя сани „для того-де было въ саняхъ *не порожзс*, всякое харчевое". Однако спустя нѣкоторое время, послѣ ухода несчастнаго о. Іакова, въ полночь, Петръ Елисѣевъ покидаетъ сани и отправляется въ избу спать, а *всякое харчевое* онъ выложилъ въ клѣть. Зачѣмъ было Петру Елисѣеву морозить себя до полуночи на дворѣ, когда можно было *всякое харчевое* съ вечера спрятать въ клѣть, на это судьи не могли или не хотѣли обратить вниманія. Кромѣ того, по его словамъ, Иванъ Сѣверцовъ не прямо поѣхалъ въ Воронежъ, а предварительно заѣхалъ къ вдовому попу Саввѣ, гдѣ сварили рыбу и *пили вино*....

Спрошенный объ этомъ Евменій Богачевъ уклонился отъ дачи показаній, оправдываясь своимъ отсутствіемъ. Бывшій деньщикъ Ларіонъ Хорупаевъ показалъ: „Въ началѣ Января текущаго 1704 года былъ я посланъ въ село Хвощеватое за помѣщикомъ Сѣверцовымъ; а послѣдній, посадивъ меня въ свои сани, повезъ было сначала въ Воронежъ, но, по дорогѣ раздумавъ, поѣхалъ со мною въ с. Рядное къ Георгіевскому священнику о. Іакову. Тамъ онъ звалъ меня ѣхать съ нимъ къ крестьянину Богачеву, но когда я потребовалъ, чтобъ онъ поѣхалъ со мною въ Воронежъ, то Сѣверцовъ крикнулъ. „я-де явлюсь на Воронежъ и безъ тебя"; тогда я нанялъ подводу и уѣхалъ одинъ, а что случилось послѣ меня, того я не знаю".

Допросы заподозрѣнныхъ въ пропажѣ священника лицъ окончились, и окончились очевидно ничѣмъ, ибо съ каждымъ новымъ показаніемъ концы скрывались все глубже и глубже, такъ что наконецъ оставалась одна надежда—допросныя рѣчи семейства Богачева. Только отъ старухи-матери Богачева да молодой дочери его повидимому и можно еще было ожидать, что онѣ обмолвятся словечкомъ, какъ нибудь невзначай проронятъ вѣское для правосудія слово и, кто знаетъ? можетъ отыщется виновникъ этого таинственнаго преступленія. Но, увы! Семья Богачева была прекрасно вышколена послѣднимъ. Не только *неосторожныхъ* словъ не было проронено, но концы дѣла, благодаря показаніямъ матери, жены и дочери Богачева, окончательно ускользнули изъ рукъ правосудія. Дѣло въ томъ, что старуха-мать Богачева не только во всемъ показала согласно съ другими, но добавила, что когда священникъ выходилъ изъ воротъ, то она глядѣла въ окно и видѣла, что никто его не провожалъ. Такимъ образомъ вышелъ обѣленный Петръ Елисѣевъ. Далѣе она показала, что Сѣверцовъ легъ спать на печку (это впрочемъ подтверждала и дочь Богачева), но по словамъ самаго Сѣверцова и другихъ, онъ спалъ на лавкѣ, а не на печи. На это противорѣчіе судъ не обратилъ вниманія, какъ на ту странность, что 70-тилѣтняя старуха видѣла сквозь замерзшія слюдяныя окна, въ часъ ночи, выходящаго изъ воротъ священника. Въ показаніи старухи Агаѳьи интересно еще и слѣдующее: помѣщикъ Сѣверцовъ, проснувшись на слѣдующій день въ первомъ часу дня, посылаетъ къ священнику просить его придти къ нему, Сѣверцову, вмѣстѣ *опохмѣляться*; встревоженная попадья Екатерина Ульяновна проситъ передать Ив. Сѣ-

верцову, что мужа ея нѣтъ со вчерашняго дня, что онъ не возвратился еще; но это обстоятельство почему-то не обратило на себя его вниманія: вмѣсто того, чтобы навѣстить Екатерину Ульяновну и наводить справки, Иванъ Сѣверцовъ ѣдетъ къ вдовому о. Саввѣ, ѣстъ рыбу, пьетъ вино, а затѣмъ преспокойно уѣзжаетъ въ Воронежъ. Жена Богачева, *женка* Василиса и дочь его *дѣвка* Акулина, во всемъ показали сходно съ остальными подсудимыми и запутали дѣло окончательно....

Прошла зима, а за нею и весна. Истомилась Екатерина Ульяновна въ ожиданіи своего единственнаго кормильца и защитника. Настало и лѣто. Вспомнила бѣдная попадья, что она одна осталась съ маленькими дѣтьми, надо самой подумать о прокормленіи, не на кого больше надѣяться, и занялась сама хозяйствомъ: засѣяла свою землицу рожью. Но опять горе: она теперь беззащитна, и этимъ пользуются недобрые люди; кто со двора что̀ унесетъ, а то среди бѣла дня сжали у нея цѣлую десятину ржи. Бѣда! Предстоитъ полное разореніе. Въ довершеніе всего обиды и оскорбленія сыплются со всѣхъ сторонъ; а тутъ Воронежскій судъ, не розыскавъ виновника, не пустивъ въ дѣло *пытки*, распустилъ подсудимыхъ по домамъ. Екатерина Ульяновна уже перестала надѣяться на возвращеніе своего попа; у нея теперь осталась одна цѣль, одно желаніе отомстить, выместить на виновникахъ своей разбитой жизни свое горе, добиться кары правосудія надъ ними. Она старается припомнить всѣ обстоятельства, могущія выяснить суть дѣла и послужить къ открытію преступника.

Въ началѣ Августа Екатерина Ульяновна вторично поѣхала въ Воронежъ. Извѣстный Воронежскій грамотѣй, самъ Осипъ Прокофьевъ принялъ участіе и обѣщался написать челобитную самаго забористаго свойства. 9-го Августа попадья дрожащею отъ волненія рукою подала адмиралтейцу Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину уже готовую челобитную. Волненія ея имѣли основаніе: она успѣла собрать много фактовъ, да къ тому же Осипъ Прокофьевъ, по крайней мѣрѣ какъ ей казалось, очень искусно изложилъ ея жалобу. Такъ какъ и для насъ, благосклонный читатель, челобитная представляетъ немало интереснаго, то приводимъ ее дословно.

Въ нынѣшнемъ, государь, 1704 году Генваря въ 11-мъ числѣ, пріѣзжалъ въ село Рядное Воронежецъ Иванъ Сѣверцовъ продавать церковь Божію Воронежскому пушкарю Савелію Проскурнину. И попъ мой Іаковъ ему Ивану той церкви Божіей продавать не далъ. И о томъ учинилась у попа моего съ нимъ Иваномъ ссора. И того жъ вышеписаннаго числа онъ, Иванъ Сѣверцовъ, съ дворовымъ своимъ человѣкомъ, съ Петромъ Елисѣевымъ, поѣхали отъ попа моего Іакова въ сумерки; а попъ мой его Ивана съ дворовымъ человѣкомъ со двора провожалъ и за вороты *уватя* *) попа моего силою, дворовый его человѣкъ, Петръ Елисѣевъ, посадилъ въ сани и повезли къ своему крестьянину въ томъ же селѣ Рядномъ къ Евменію Богачеву, съ которымъ была у попа моего ссора про свадебное дѣло. И въ томъ крестьянскомъ дому попа моего Іакова онъ Иванъ съ дворо-

*) Т-е. схватя.

вымъ своимъ человѣковъ съ Петромъ, да съ крестьяниномъ Евменіемъ Богачевымъ попа моего съ тѣхъ мѣстъ и по се время невѣдо гдѣ дѣли безвѣстно. И въ той пропажѣ попа своего била челомъ тебѣ, великому государю, а на Воронежѣ, въ Приказѣ Адмиралтейскихъ дѣлъ, подала челобитную на нихъ, Ивана съ товарища, о подлинномъ. И по тому челобитью они, Иванъ съ товарищи, были сысканы и допрашиваны, а подлиннаго розыску по твоему, государеву, указу и по уложенію и по новоуказнымъ статьямъ не учинено, и свобожены изъ Приказу, не пытаны и живутъ нынѣ въ домахъ своихъ. А я раба твоя, послѣ попа своего, съ малыми дѣтьми помираю голодною смертью. Да егожъ Ивановъ крестьянинъ пожалъ у меня нынѣ десятину ржи воровски, Михайло Гуровъ, и ту рожь онъ, Михайло отдавалъ при свидѣтеляхъ Савелію Дементьеву съ товарищи. Да той же церкви дьячекъ Иванъ Поповъ у попа моего Іакова свиную тушу укралъ изъ погреба, и въ томъ же числѣ онъ, дьячекъ Иванъ, въ этой краденой тушѣ винился при свидѣтеляхъ и хотѣлъ платиться при Микитѣ Ѳеѳиловѣ, да при крестьянину Троѳимѣ Васильевѣ, при Аѳанасю Ермоловѣ. А невѣрка, государь, мнѣ въ томъ моемъ пропащемъ попѣ, въ потерѣ по той вышеписанной ссорѣ, на него Ивана Сѣверцова и на человѣка Петра и на крестьянина его Евменія Богачева и на дьячка Ивана Попова. Всемилостивѣйшій государь! Прошу вашего величества, вели, государь, его Ивана Сѣверцова и товарищевъ его Евменія и жену его Вассу и дочь его Акилину и дьячка Ивана Попова, сыскать и противъ прежняго и сего моего челобитья, распросить порознь, съ пристрастіемъ у пытки и пытать на крѣпко, гдѣ они, взявъ попа моего, потеряли и тѣло его скрыли. Нижайшая раба твоя, Воронежскаго уѣзда, села Ряднаго *вдовая* попадья Екатерина, Ульянѣева дочь, 1704 году, Августа въ 9-й день.

Въ простотѣ сердца бѣдная попадья вообразила, что ей можно тягаться съ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ Сѣверцовъ; ей казалось достаточнымъ дать нить дѣла судьямъ въ руки; она не догадывалась, что о сокрытіи концовъ судьи заботились не менѣе подсудимыхъ...

На дѣлѣ появилась новая помѣта: „1704 года, Августа въ 9-й день, взять къ дѣлу и положить на столъ“, что въ переводѣ на современный языкъ означало: пришить челобитную попадьи къ дѣлу, и самое дѣло положить навсегда подъ сукно.

Дѣло Екатерины Ульяновны казалось окончательно проиграннымъ, какъ вдругъ случилось одно маленькое событіе, которое опять заставило Воронежскихъ судей вытащить злополучное дѣло о пропажѣ попа на свѣтъ Божій. Случилось вотъ что: 10-го Августа, т.-е. на другой день послѣ подачи челобитной Екатериной Ульяновной, билъ челомъ государю на Воронежѣ, а Апраксину извѣщалъ словесно, священникъ Пятницкой церкви, о. Іоаннъ, о нижеслѣдующемъ. Утромъ того же дня, вышелъ онъ изъ постоялаго двора на торгъ. И на торгу позади лавокъ на площади, гдѣ продаютъ пріѣзжіе люди хлѣбъ, сошелся онъ съ Успенскимъ дьякономъ Ѳедоромъ Артемьевымъ и съ нимъ стояли и говорили о своихъ нуждахъ. И въ то-де число крестьянинъ Ивана Сѣверцова, Григорій Сафоновъ, того же села Хвощеватки, подошелъ къ нему попу Ивану къ благословленію, и онъ его Григорія, по священническому завѣту, благословилъ и спросилъ у него Григорія, про помѣщика его Ивана Сѣверцова: въ домѣ ль онъ

Иванъ или нѣтъ? И онъ Григорій про него Ивана сказалъ, что онъ въ домѣ. И онъ попъ ему Григорію говорилъ: для чего онъ въ городъ не выѣзжалъ, что села Рядnаго попадья подала челобитную на него Ивана, да на дьячка Ивана Попова, въ безвѣстной пропажѣ попа своего Іакова, что тотъ дьячекъ у него попа Іакова, въ тѣхъ же числахъ, укралъ свиную тушу. И въ то-де время онъ Григорій говорилъ ему попу Ивану, при дьяконѣ Ѳедорѣ, такія слова: „Та-де туша его попа Іакова и съѣла. А онъ дьячекъ за ту тушу ему попу Іакову платилъ денегъ, четыре гривны". Да онъ же Григорій, стоя, говорилъ ему попу Ивану, при немъ же дьяконѣ, про Иванова крестьянина Сѣверцова, про Евменія Богачева, „что онъ вѣдомой воръ и у нихъ-де брата убилъ до смерти, да двѣ лошади укралъ". Чтобъ великій государь пожаловалъ его попа Ивана: велѣлъ словесно его челобитье записать и его крестьянина Григорья Сафонова и дьячка сыскать въ Приказѣ Адмиралтейскихъ дѣлъ и противъ сего его словеснаго челобитья допросить. А буде онъ Григорій въ словахъ своихъ запрется, велѣть допросить свидѣтеля, дьякона Ѳедора и по допросу указъ учинить.

Не помогъ и извѣтъ: вытребованный къ допросу крестьянинъ Григорій Сафоновъ, отрекаясь почти отъ всѣхъ своихъ словъ, признался только въ одномъ, что онъ дѣйствительно говорилъ о. Іоанну: „Евменій-де Богачевъ убилъ брата его въ малыхъ лѣтахъ". Дѣло, конечно, окончилось ничѣмъ. Священникъ исчезъ безслѣдно, несчастная Екатерина Ульяновна подверглась жестокому преслѣдованію за свою дерзкую попытку защищаться, а герои этого таинственнаго преступленія еще долго подвизались на поприщѣ разбоевъ, разврата и самаго наглаго насилія, и поступки въ родѣ продажи церкви на сносъ, убійства и т. п. совершались безнаказанно.

Л. Вейнбергъ.

ТАТЬЯНА МИХАИЛОВНА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Имя той артистки, обзоръ дѣятельности которой составляетъ предметъ настоящаго біографическаго очерка, хорошо извѣстно всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ прошлымъ нашего театра. Любимая актриса двухъ императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины Великой, талантливая сподвижница Волкова и Дмитревскаго, лучшая воспроизводительница героинь Сумароковскихъ трагедій, Троепольская оставила за собой блестящій и неизгладимый слѣдъ въ лѣтописяхъ Русской сцены. Она была ровесницею нашего театра, и уже это одно обстоятельство могло бы придать особенную важность ея біографіи. Къ сожалѣнію, какъ скудны данныя о первомъ двадцатилѣтіи Русскаго театра, къ которому относится дѣятельность Троепольской, такъ же скудны, а часто сбивчивы и противорѣчивы біографическія о ней свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе значеніе Троепольской въ исторіи театра таково, что историку необходимо будетъ разобраться хоть сколько-нибудь въ имѣющихся матеріалахъ. Мы и попробуемъ сдѣлать это въ настоящей статьѣ, гдѣ можно давая опредѣленныя заключенія о жизни и дѣятельности артистки, гдѣ нельзя устанавливая по крайней мѣрѣ спорные пункты.

Первое обстоятельство, которое необходимо отмѣтить въ біографіи Троепольской—это то, что она является одною изъ первыхъ Русскихъ женщинъ, рѣшившихся, вопреки чуть-ли не поголовному предубѣжденію противъ артистической дѣятельности, выступить на театральные подмостки.

Женщины далеко не съ самаго возникновенія Русскаго театра стали принимать участіе въ представленіяхъ. Большинство старыхъ Русскихъ людей считало «комедійное дѣйство» бѣсовскою потѣхой, отъ которой открещивались съ суевѣрнымъ страхомъ. Когда при

царѣ Алексѣѣ Матвѣевъ задумалъ образовать Русскую драматическую труппу, ему не безъ труда удалось найти для этого 27 мальчиковъ. О дѣвочкахъ не было и рѣчи. Возращенныя подъ неусыпнымъ домашнимъ присмотромъ, предназначаемыя для дѣйствованія въ тѣсномъ кругѣ жизни семейной, онѣ не могли и помышлять о какой бы то ни было общественной дѣятельности, а всего менѣе о «скоморошествѣ», какъ тогда называли актерскую службу, мѣшая ее съ дѣломъ шутовъ. Измѣненіе въ понятіяхъ произошло не сразу; медленно, постепенно перерабатывались они. Но уже въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ женщинъ, рѣшавшихся выступать на домашнемъ театрѣ. Есть преданіе, что сама царевна Софія, какъ извѣстно, большая любительница театральныхъ зрѣлищъ, первая подала примѣръ, на своей комнатной сценѣ, выступивъ въ качествѣ актрисы [1]). Во всякомъ случаѣ несомнительно, что именно въ кружкѣ царевны были впервыя нарушены старинные уставы женскаго затворничества. Въ домашнихъ спектакляхъ, которые устроивались ко дню ея рожденія, женскія роли исполнялись уже не мужчинами, а боярышнями царевны. Князь Шаховской разсказываетъ по семейнымъ преданіямъ, какъ его бабка, Татьяна Ивановна Арсеньева, представляла лице Екатерины-мученицы въ драмѣ того же названія, сочиненной самой Софіей и какъ Петръ, посѣщавшій всѣ представленія въ теремахъ сестры, назвалъ Татьяну Ивановну «Екатерина-мученица—большіе глаза» [2]). Любительскіе спектакли царевны имѣли, конечно, очень ограниченное число зрителей; но былъ важенъ починъ. Съ легкой руки Софіи они скоро пошли въ ходъ и распространились среди тогдашней знати, оказывая безъ сомнѣнія большое вліяніе на установленіе правильныхъ взглядовъ на сценическое искусство и на самихъ актеровъ.

Актерство, какъ ремесло, какъ постоянное занятіе, стало однако доступнымъ для женщины лишь съ конца тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Когда въ 1738 году поступалъ на службу балетмейстеръ Ланде, онъ обязался между прочимъ, составить Русскую балетную труппу. 12 дѣвочекъ, отданныя (вмѣстѣ съ 12 мальчиками) къ нему на обученіе, и были первыми Русскими актрисами по профессіи. Изъ танцовщицъ вышли и первыя Русскія сценическія художницы. «Годъ спустя послѣ отдачи Ярославцевъ въ корпусъ (т.-е. въ 1753 г. [3])—

---

[1]) Гречъ. Ист. Рус. Лит., стр. 85.

[2]) Лѣт. Рус. театра князя Шаховскаго. „Репертуаръ“ 1840 г. т. I, стр. 2.

[3]) Сумароковъ вслѣдствіе ошибочнаго разсчета приводитъ 1752 г.; но если первыя актрисы были приняты черезъ годъ послѣ отдачи Ярославцевъ въ кадетскій корпус. 28.

разсказываетъ П. Сумароковъ—во время отсутствія двора въ Москву, приняты были впервыя Русскія актрисы: Зорина изъ танцовщицъ и извѣстная Авдотья» [4]). Актрисы эти не участвовали однако довольно долгое время въ представленіяхъ: женскія роли исполнялись мущинами до 1756 г., т.-е. вплоть до самаго изданія указа объ основаніи Русскаго театра. Въ 1756 г. поступили въ труппу еще три актрисы, оставившія по себѣ память въ исторіи театра. Это были двѣ сестры Ананьиныхъ (изъ которыхъ Марья впослѣдствіи вышла замужъ за г. Волкова, а Ольга за знаменитаго комика Якова Шумскаго) и Мусина-Пушкина, впослѣдствіи жена Дмитревскаго [5]). Вслѣдъ за ними на горизонтѣ Русской сцены появились Авдотья Михайлова, прославившаяся на роляхъ служанокъ, а потомъ комическихъ старухъ, и жена сенатскаго регистратора, Татьяна Михайловна Троепольская.

Что̀ влекло этихъ женщинъ на сцену? Было ли то призваніе, неудержимая жажда артистическаго творчества, или же просто ихъ манила веселая, полная развлеченій жизнь артистки, легкое средство добыть себѣ славу? Но въ то время актерская жизнь была не та, что̀ нынѣ. Первая Русская театральная община осталась въ своемъ родѣ и единственной. Въ труппѣ, гдѣ девизомъ всѣхъ членовъ была горячая преданность дѣлу, безкорыстное служеніе искусству—въ такой труппѣ, по крайней мѣрѣ въ первые годы Русскаго театра, не могло быть мѣста тѣмъ развязнымъ авантюристамъ сценическаго искусства, что̀ теперь въ избыткѣ наполняютъ наши сцены. На актерскую службу смотрѣли какъ на такую, которой надо поучиться. Не легкомысленная, разсѣянная жизнь и не надежда легкой славы манили, значитъ, первыхъ Русскихъ актрисъ на сцену. Ихъ влекло туда призваніе. Да

пусъ (въ чемъ согласны и другіе источники), то это было въ 1753 г., такъ какъ Ярославцы появились въ Петербургѣ лишь въ 1752 г. Именно въ 1753 г. дворъ и находился почти все время въ отсутствіи изъ Петербурга.

[4]) „Отеч. Зап.“ 1822 г. № 32, стр. 307. Эту Авдотью многіе явно смѣшиваютъ съ Авдотьей Михайловой. Оттого, вѣроятно, и произошло разнорѣчіе въ показаніяхъ лѣтописцевъ театра. Одни говорятъ, что Михайлова начала свою службу въ Москвѣ и затѣмъ уже въ началѣ 60-хъ годовъ перешла въ Петербургъ; другія же, смѣшивая ее съ той „Авдотьей“, о которой говоритъ Сумароковъ, утверждаютъ, что она начала свою карьеру въ Петербургѣ, затѣмъ переѣхала въ Москву и потомъ уже вернулась снова въ Петербургъ.

[5]) Щтелинъ („С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1779 г., ч. IV стр. 93—94) называетъ Пушкину въ числѣ Московскихъ актрисъ, но это показаніе ничѣмъ другимъ не подтверждается.

и одно призваніе только и могло помочь имъ преодолѣть всѣ тѣ препятствія, которыя они должны были встрѣтить во всемъ окружающемъ и, можетъ быть, даже въ самихъ себя.

Несмотря на очевидное развитіе даже въ простомъ народѣ любви къ зрѣлищамъ, въ половинѣ прошлаго вѣка находилось еще немало людей, которые боязливо чурались театра; поступленіе же въ актеры дѣтей или родственниковъ, безъ сомнѣнія, почти всѣ считали бы несмываемымъ позоромъ. Актерство все еще смѣшивалось съ шутовствомъ, гаерствомъ. Актеровъ и актрисъ иначе не называли какъ по уменьшеннымъ именамъ, словно горничныхъ или лакеевъ. Знаменитый Русскій танцовщикъ Бубликовъ (одинъ изъ выучениковъ Ланде) такъ и прославился подъ именемъ Тимошки. Мы уже говорили о танцовщицѣ Тимофеевой, которую просто звали «Авдотьей». При такомъ отношеніи общества къ актерамъ, надо было конечно немало рѣшимости, чтобы сдѣлаться актрисой, особенно людямъ болѣе или менѣе привелигированнаго сословія. Первыя Русскія актрисы не высоко стояли на ступеняхъ общественной лѣстницы, но все же три изъ нихъ (Ананьины и Мусина-Пушкина) были офицерскія дочери, а Троепольская—жена мелкаго гражданскаго чиновника. Когда Лукинъ хотѣлъ поставить на сцену въ шестидесятыхъ годахъ свою пьесу «Награжденное Постоянство», то оказалось, что исполнительницы женскихъ ролей пьесы Пульхеріи и Маріи отказались играть, отозвавшись, что имъ приходится «въ мужеское платье наряжаться» и, по ихъ словамъ, «безобразиться» [6]). Очевидно, тутъ дѣло было не въ боязни показаться некрасивыми въ мужскомъ платьѣ (приходилось же имъ играть напр. роли безобразныхъ старухъ), но въ чувствѣ непристойности явиться публично въ костюмѣ мужчины. Порвавъ съ стариною, первыя Русскія актрисы не могли еще, видно, помириться со всѣми послѣдствіями, которыя налагало на нихъ ихъ новое званіе. Старые взгляды и понятія нѣтъ-нѣтъ да и прорывались у нихъ. Но тѣмъ больше имъ чести и славы, что онѣ съумѣли превозмочь всѣ помѣхи и внутреннія, и внѣшнія и подали собою первый примѣръ, поступивъ въ актрисы уже не малолѣтними, несмысленными дѣвочками, но взрослыми дѣвушками съ воли. Починъ здѣсь былъ своего рода заслугой, и этой заслуги исторія театра не забудетъ.

Впрочемъ относительно Троепольской замѣтимъ одно обстоятельство. Она поступала на сцену не одна. Вмѣстѣ съ нею вышелъ на сценическіе подмостки и ея мужъ, регистраторъ сенатской типографіи Алекс. Ник. Троепольскій. Гдѣ и когда произошли дебюты ихъ—лѣ-

[6]) Соч. Лукина, изд. 1868 г. стр. 102,

тописцы театра показываютъ настолько различно, что слишкомъ смѣло было бы на основаніи имѣющихся пока данныхъ отвѣчать точно и опредѣлительно. Лучше всего введемъ читателя въ разсмотрѣніе самыхъ источниковъ и затѣмъ, сдѣлавъ къ нимъ возможныя поправки, хоть сколько-нибудь укажемъ, насколько заслуживаютъ сообщаемыя извѣстія довѣрія.

Источники касательно первыхъ лѣтъ артистической карьеры Троепольской рѣзко дѣлятся на двѣ группы. Къ первой относятся показанія Штелина и П. Сумарокова, ко второй принадлежатъ свидѣтельства Носова и отчасти князя Шаховскаго.

Штелину и Сумарокову, какъ самымъ раннимъ лѣтописцамъ (изъ нихъ Штелинъ былъ даже современникомъ описываемыхъ событій) должно быть отведено первое мѣсто. Ихъ разсказъ простъ и немногословенъ. Троепольскіе, мужъ и жена, начали свою карьеру въ Москвѣ на томъ самомъ первомъ Московскомъ театрѣ, который возникъ подъ покровительствомъ Московскаго университета почти въ тоже время, что́ и Петербургскій. Тутъ играли Михайлова, Базилевичъ, Булатницкій, студенты университета: Фонъ-Визинъ, Я. И. Булгаковъ и другіе. Между ними Троепольская уже тогда замѣтно выдѣлялась своимъ трагическимъ дарованіемъ, такъ что, когда по повелѣнію императрицы въ 1759 году явились въ Москву для образованія тамошняго театра, Ѳ. Волковъ и Шумскій, имъ уже нечего было «отыскивать» ее, какъ говоритъ Араповъ: ее знала вся Москва. Волковъ скоро «съ неимовѣрнымъ (какъ свидѣтельствуютъ позднѣйшіе лѣтописцы) успѣхомъ» образовалъ театръ, до него, повидимому, носившій полулюбительскій характеръ. Но театръ этотъ просуществовалъ недолго, всего какихъ-нибудь два года и послѣ того разстроился. Извѣстность Троепольскихъ за это короткое время дошла однако до такой степени, что ихъ (быть можетъ, по разсказамъ Волкова или Шумскаго) знали уже въ Петербургѣ. Когда Московскій театръ рушился, ихъ тотчасъ же выписали изъ Москвы, и въ 1761 году они были «причтены къ С.-Петербургскому Россійскихъ актеровъ обществу» [7]).

Совершенно иначе разсказываютъ о первоначальной дѣятельности Троепольской князь Шаховской и Носовъ. Носовъ при этомъ обставляетъ свой разсказъ особенно-интересными подробностями.

Татьяна Михайловна—разсказываетъ онъ (замѣтимъ, со словъ Дмитревскаго) — была ученицей Ѳед. Гр. Волкова. Она дебютировала

---

[7]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1779 г. ч. IV, стр. 93—94 и „От. Зап.“ 1822 г. № 32, стр. 311.

впервыя 15-го Февраля 1757 г. на театрѣ новаго Зимняго дворца въ Петербургѣ ролью Семиры въ трагедіи того же названія Сумарокова. Сама императрица и ея придворные были зрителями этого спектакля. «Величественный ростъ Троепольской, важное Греческое лицо, голосъ, пантомима и тѣлодвиженія безъ кривлянья, говоръ безъ крика—все обратило на нее вниманіе» [8]), и она имѣла успѣхъ несомнѣнный. По прошествіи Великаго поста, 14-го Апрѣля того же года, она выступила во второй разъ и все въ той же роли Семиры, а черезъ два дня, 16-го Апрѣля, состоялось третье представленіе съ ея участіемъ. Шла трагедія Сумарокова «Синавъ и Труворъ». Троепольская играла Ильмену, впослѣдствіи лучшую изъ своихъ ролей. Синава исполнялъ Волковъ, Трувора—Дмитревскій. «Нельзя описать, разсказываетъ Носовъ, какъ она вела ту сцену, гдѣ входитъ вѣстникъ и разсказываетъ о смерти князя Трувора, жениха ея; отчаяніе, плачъ и рыданіе пронзали до глубины сердца чувствительныхъ зрителей, кои проливали слезы вмѣстѣ съ несчастною Ильменой». Спектакль этотъ рѣшилъ принятіе Троепольской на службу. Она была зачислена въ труппу съ того же самаго дня—16-го Апрѣля, съ жалованьемъ въ 500 р. Спустя десять дней, 26-го Апрѣля, дебютировалъ и ея мужъ въ роли грѣшника Гаѳанаила въ пьесѣ св. Дмитрія Ростовскаго «Кающійся Грѣшникъ» [10]) и также былъ принятъ на сцену съ жалованьемъ въ 300 р. Такимъ образомъ, по свидѣтельству Носова, оказывается, что Троепольскіе начали свою службу не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ; здѣсь Татьяна Михайловна достигла разцвѣта своей славы и, уже знаменитой трагической актрисой, переѣхала въ 1759 года въ Москву, когда, по соизволенію императрицы Елисаветы, Волковъ, отобравъ артистовъ изъ Петербургской труппы, отправился съ ними устраивать Московскій театръ. Въ своей Хроникѣ Русскаго театра, Носовъ приводитъ много Петербургскихъ афишъ до 1759 года, гдѣ имя Троепольской упоминается чуть ли не подъ каждой значительной ролью въ трагедіяхъ. Съ другой стороны онъ не менѣе подробно описываетъ и составъ труппы, отдѣленной для Московскаго театра, и даже указываетъ день ея отъѣзда—6-го Марта 1759 года [11]). Въ труппѣ встрѣчаемъ имена Ольги Шумской, Головой, Анны Поповой,

---

[8]) „Театр. и музыкальный Вѣстн." 1857 года № 12.

[9]) Тамъ же.

[10]) Такъ значится въ „Хроникѣ" (стр. 101). Въ своей же статьѣ о Троепольскихъ Носовъ передаетъ, что первый дебютъ Троепольскаго былъ въ роли Орфея въ мелодр. „Орфей и Евридика". Въ „Хроникѣ" этотъ спектакль значится подъ 12 Мая 1757 года

[11]) Хроника Носова, стр. 148—149.

Новиковой, Алексѣя Попова, Шумскаго, Гаврилы Волкова, Сѣчкарева, Голова, многихъ другихъ, и между ними на первомъ мѣстѣ имя мужа Татьяны Михайловны А. Н. Троепольскаго. Изъ Москвы, по разсказу Носова, Троепольскіе возвратились въ Петербургъ лишь въ 1763 г., будучи вызваны оттуда императрицей Екатериною [12]).

Для оцѣнки того, насколько достовѣрны эти свѣдѣнія Носова, необходимо припомнить, что какъ біографію Троепольской онъ писалъ по устнымъ воспоминаніямъ ея сослуживца Дмитревскаго, такъ и «Хроника Русскаго Театра» составлена имъ по исторіи театра того же Дмитревскаго. Несостоятельность первой части этой хроники (до половины прошлаго вѣка) теперь указана до очевидности; но это еще не значитъ, что также несостоятельна и вторая, гдѣ Носовъ черпалъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, такъ какъ Дмитревскій хорошо зналъ все касающееся театра послѣ 1752 года. И здѣсь впрочемъ встрѣчается немало очень грубыхъ ошибокъ [13]), но числовыя ошибки легко объяснимы. Дѣло въ томъ, что первый экземпляръ исторіи театра Дмитревскаго сгорѣлъ въ пожарѣ Академіи, и ему приходилось возстановлять свой трудъ, что̀ и было имъ исполнено черезъ *двѣнадцать* лѣтъ. Можно думать, значитъ, что у него не было полной черновой тетради, а возстановляя работу свою по памяти, онъ могъ легко ошибиться въ числахъ, даже въ цѣлыхъ годахъ. Но предоставляемъ судить самому читателю, возможно ли думать, чтобы Дмитревскій позабылъ, а Носовъ, заимствуя у него, спуталъ такіе крупные, основные факты, какъ первоначальные успѣхи Троепольской въ Петербургѣ и затѣмъ отъѣздъ ея въ Москву.

Нельзя умолчать, что разсказъ Носова нѣкоторыми своими чертами сходится еще съ однимъ свидѣтельствомъ—свидѣтельствомъ князя Шаховскаго. Свѣдѣнія сообщаемыя этимъ лѣтописцемъ настолько

---

[12]) „Театр. и Музык. Вѣстн.“ 1857 г. № 12. Въ „Хроникѣ“ въ Петербургскихъ афишахъ имя Троепольской послѣ четырехлѣтняго перерыва появляется впервыя подъ 23 Апрѣля 1763 г. въ роли Изабеллы въ „Менехмахъ“ Реньяра. Затѣмъ спустя 4 мѣсяца она уже играетъ 31 Августа 1763 г. снова въ Москвѣ въ переводной пьесѣ Дмитревскаго „Честный Преступникъ“ роль Амаліи. Къ концу года она опять появляется въ Петербургѣ и теперь надолго. Замѣтимъ, что въ 1763 г. Троепольская не могла играть въ „Менехмахъ“, такъ какъ они были даны впервыя—9 Декабря 1783г. (Др. Сл. 1787 г. стр. 79).

[13]) Кромѣ указанной ошибки съ „Менехмами“, отмѣтимъ по отношенію къ Троепольской еще одну. Она, оказывается, 11-го Октября 1762 г. играетъ въ тр. Сумарокова „Мстиславъ“, тогда какъ эта трагедія была написана двѣнадцатью годами позднѣе, въ 1774 году.

однако своеобразны по своимъ ошибкамъ, что лучше всего привести ихъ въ подлинникѣ: «Въ 1756 году, разсказываетъ князь Шаховской, Волковъ по высочайшей волѣ отправленъ былъ въ Москву для заведенія и тамъ Русскаго театра. Исполнивъ это, Волковъ въ 1757 году возвратился въ Петербургъ, гдѣ и нашелъ Русскій театръ въ самомъ блестящемъ видѣ, подъ главнымъ начальствомъ Сумарокова, который съ помощью страстнаго любителя искусства и самого актера Вас. Ильича Бибикова, отыскалъ на роли трагическихъ любовницъ Т. М. Троепольскую, жену мелкаго гражданскаго чиновника. Она первая играла Семиру, къ восхищенію всѣхъ зрителей. Вскорѣ потомъ вступили на придворный театръ Агр. Михайловна, вышедшая за Дмитревскаго и Авд. М. Михайловы—обѣ превосходныя актрисы» [14]). Въ этомъ разсказѣ Шаховскаго, что̀ ни слово, то ошибка. Несомнѣнно установлено источниками, что Волковъ отправился для устройства театра въ Москву въ 1759 году и слѣдовательно не могъ возвратиться оттуда, исполнивши свою задачу, въ 1757 году. Вас. Ильичъ Бибиковъ, какъ это ясно доказалъ Лонгиновъ [15]), не могъ отыскать Троепольскую, такъ какъ въ 1757 году онъ былъ еще почти мальчикомъ. Троепольская далеко не первая играла Семиру, такъ какъ трагедія эта была поставлена на сцену гораздо ранѣе 1757 года. Въ довершеніе всего, кн. Шаховской сдѣлалъ грубѣйшую ошибку, назвавъ Михайловой Агрипину Мусину-Пушкину. Но оставивъ въ сторонѣ всѣ эти погрѣшности, замѣтимъ, что онъ все-таки подобно Носову утверждаетъ, что Троепольская начала свое сценическое поприще въ Петербургѣ и слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ подкрѣпляетъ показанія Носова.

Мы потому такъ подробно остановились на разборѣ свидѣтельства князя Шаховскаго, что, несмотря на свои очевидныя нелѣпости, показаніе это, къ удивленію, довольно часто повторялось позднѣйшими историками, которые, думая согласить его съ другими разсказами (Носова, П. Сумарокова и Штелина) производили невообразимую путаницу. Таково между прочимъ повѣствованіе Арапова. Мы не будемъ, конечно, его разбирать тѣмъ болѣе, что оно уже подробно оцѣнено Лонгиновымъ [8]), и прямо обратимся къ тѣмъ выводамъ, которые слѣдуютъ изъ разсмотрѣнныхъ нами источниковъ.

На поставленный вначалѣ вопросъ, гдѣ начала свою карьеру Троепольская, въ Москвѣ или Петербургѣ, повторяемъ еще разъ, вся-

---

[14]) Репертуаръ 1840 г. Т. I, стр. 45.

[15]) Русскій Архивъ 1870 г. стр. 1353.

[16]) Русскій Архивъ 1870 г. стр. 1353—1355.

кій положительный отвѣтъ былъ бы, по нашему мнѣнію, произвольнымъ. Какимъ бы мутнымъ источникомъ ни считали мы хронику Носова, мы только тогда въ правѣ будемъ рѣшительно сказать, что правъ Штелинъ и П. Сумароковъ, когда точными свидѣтельствами установимъ невѣрность показаній Носова именно въ данномъ случаѣ относительно Троепольской, чего теперь сдѣлать нельзя. Пока же изъ нашихъ источниковъ вытекаетъ лишь одинъ вполнѣ несомнительный фактъ: гдѣ бы ни начинала Троепольская свою карьеру, она, какъ бы то ни было, принимала ближайшее участіе въ образованіи Московскаго театра, была одной изъ лучшихъ сотрудницъ Волкова и въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ поддерживала своимъ талантомъ юную Московскую сцену, воспроизводя передъ Москвичами лучшія изъ созданій современной ей Русской и иностранной драматургіи.

Намъ предстоитъ теперь выяснить себѣ, въ чемъ заключалась ея артистическая индивидуальность.

Не только по времени, но и, какъ надо думать, по своему эстетическому воспитанію, Троепольская всецѣло принадлежала къ *Сумароковскому* періоду Русскаго театра. Какъ драматургія, такъ и сценическое искусство этого періода были насквозь пропитаны ложью псевдо-классической теоріи. «Аффектація», неестественный паѳосъ, соединяющійся съ холоднымъ, расплывчатымъ резонерствомъ, отличали равно актеровъ и драматурговъ. Сумароковъ безусловно восхищался Троепольской, какъ актрисой: значитъ, она вполнѣ отвѣчала его требованіямъ. Аксаковъ со словъ Шушерина разсказываетъ, что ея отличительной чертой была излишняя горячность; она часто впадала въ крикливость и утрировку, отъ которой Шушеринъ будто бы старался ее отучить [17]). Лонгиновъ доказалъ, что Шушеринъ не могъ играть съ Троепольской; но разсказы объ ея крикливости и утрировкѣ, кажется, вѣрны. Троепольская не была актрисой опережающей свой вѣкъ, она не могла создать новой школы, новыхъ пріемовъ исполненія; но, какъ актриса извѣстной уже установленной другими школы, была во всякомъ случаѣ замѣчательна.

Много значило уже то, что она владѣла прекрасными физическими данными. Величественный станъ ея, выразительное, красивое лицо необыкновенно шли къ ролямъ трагическихъ героинь, сразу предрасполагая зрителей въ ея пользу. Голосъ же послушный и пріятный помогалъ передавать ей всѣ чувства изображаемыхъ лицъ, и она умѣла «приводить зрителей въ содроганіе и ужасъ», какъ того хо-

[17]) Сем. Хроника и Восп. С. Т. Аксакова, изд. 1879 г. стр. 453 и 456.

тѣла. Знатоки дѣла ставили ее не ниже современныхъ западныхъ знаменитостей и сравнивали съ Клеронъ, Дюменилъ, Лекуврёръ. «Недавно (читаемъ въ одной изъ тогдашнихъ театральныхъ рецензій) здѣсь на придворномъ императорскомъ театрѣ представлена была «*Синавъ и Труворъ*», тр. Сумарокова.... Нѣтъ нужды выхвалять сего почтеннаго автора сочиненій... Что же касается до актеровъ, представлявшихъ сію трагедію, то надлежитъ отдать справедливость, что г. Дмитревскій и г-жа Троепольская привели зрителей въ удивленіе. Нынѣ ужъ въ Петербургѣ не удивительны ни *Гаррики*, ни *Лекены*, ни *Госсенши*. Пріѣзжающіе вновь Французскіе актеры и актрисы то подтверждаютъ.... [18]).

Важной особенностью Русской актрисы было еще то, что исполняя трагическія роли, она занимала и первыя роли въ комедіяхъ. Въ штатѣ 1767 года такъ и значится: *Т. М. Троепольская играетъ первыя роли въ трагедіи и комедіи съ жалованьемъ въ 200 рублей*» [19]). Клара въ Сумароковскомъ «Нарцисѣ», Ангелика въ его же «Ядовитомъ» и Изабелла въ «Лихоимцѣ» были созданы ею. Она играла бытовую роль купеческой дочери Танюши въ утраченной пьесѣ Волкова «Всякій Еремей про себя разумѣй», роль «говоруньи» Пульхеріи въ к. Лукина «Пустомеля», исполняла, наконецъ, если вѣрить хроникѣ Носова, и Мольеровскую Селимену, одну изъ труднѣйшихъ ролей женскаго комическаго репертуара, гдѣ нужно особое искусство, чтобы передать ту граціозную прелесть кокетства, которая составляетъ существенную черту характера Селимены. Необходимо впрочемъ замѣтить, что большинство ролей Троепольской въ комедіяхъ не были, строго говоря, комическими. Она занимала тамъ лишь амплуа молодыхъ любовницъ, т.-е. роли съ легкимъ драматическимъ оттѣнкомъ, нѣсколько подходящія къ тѣмъ, что̀ составляли ея спеціальность—къ трагическимъ ролямъ, исполненіе которыхъ и прославило имя артистки.

Просматривая списокъ этихъ послѣднихъ ролей, какъ его можно составить по источникамъ, легко сдѣлать одно интересное наблюденіе. Троепольская играла по преимуществу роли такъ называемыхъ «молодыхъ принцессъ», изображала, слѣдов. въ большинствѣ случаевъ дѣвушекъ, которыя полюбили въ своей жизни впервыя, любовь которыхъ отличается особенной нѣжностью и мягкостью. Это не значитъ, конечно, что она *не могла* исполнять роли болѣе пожилыхъ женщинъ, уже извѣдавшихъ жизнь, которыя любятъ, если не глубже,

---

[18]) „Пустомеля“, журналъ 1770 г. стр., 108—109.

[19]) „Русск. Талія“, альман. 1825 г. Булгарина.

то какъ-то сильнѣе, могучѣе: она, вѣроятно, потому только не играла ихъ, что умерла молодой. А какая же была надобность переходить на болѣе пожилое амплуа, когда физическія средства все еще подходили къ изображенію молодыхъ лицъ? Въ своемъ амплуа Троепольская, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, и не имѣла соперницъ на Русской сценѣ, была во многихъ роляхъ превосходна, а въ нѣкоторыхъ неподражаема, напримѣръ въ Ильменѣ, Герміонѣ, Эсѳири и Сарѣ Сампсонъ [20]). Пальмира въ Вольтеровомъ «Магометѣ», Химена въ «Цидѣ» Корнеля, Юлія въ траг. Вейсе «Ромео и Юлія», Альзира и Заира въ тр. того же названія Вольтера, г-жа Беверлей въ драмѣ «Беверлей» [21])—вотъ роли, характеризующія репертуаръ Троепольской. О героиняхъ Сумароковскихъ трагедій и говорить нечего: она создала ихъ всѣ, начиная съ Оснельды въ «Хоревѣ» и Офеліи въ «Гамлетѣ и кончая Ольгой въ «Мстиславѣ». Но лучшимъ изъ всѣхъ ея созданій, вѣнцомъ ея славы была роль Ильмены въ «Синавѣ и Труворѣ». Мы уже говорили съ разсказа Носова, какъ превосходно вела она особенно ту сцену, когда Ильмена узнаётъ о смерти своего возлюбленнаго. Ильмену Троепольская играла между прочимъ въ тотъ достопамятный спектакль, когда только что воротившійся изъ чужихъ краевъ Дмитревскій впервыя выказалъ Петербургской публикѣ плоды своего изученія западно-европейскихъ образцовъ сценическаго искусства. Какъ ни велико было обаяніе, произведенное въ этотъ вечеръ на публику Дмитревскимъ, Троепольская не стушевалась. Чуть ли не на этотъ именно спектакль авторъ трагедіи, Сумароковъ, написалъ ей стихи, въ которыхъ такъ прославилъ ея искусство:

Не похвалу тебѣ стихами соплетаю,
Ниже прельщенъ тобой, къ тебѣ въ любви я таю,
Ниже на Геликонъ ласкаясь возлетаю,
Ниже ко похвалѣ я зрителей влеку,
Ни къ утвержденію ихъ плеска я теку:
Едину истинну я только изреку.
Достойно Росскую Ильмену ты сыграла.
Россія на нее слезъ токъ лія взирала,
И зрѣла, какъ она, страдая, умирала.

---

[20]) Театр. и Муз. Вѣстн. 1857 г. № 12.

[21]) Въ „Драм. Слов. 1787 г.“. стр. 24, объ исполненіи Троепольской этой роли находимъ слѣдующую отмѣтку: „Ролю г-жи Беверлей представляла на тогдашнее время (въ день перваго представленія, 11-го Мая 1772 г.) первая придворнаго театра актриса Троепольская, и послѣ онаго къ совершенной потерѣ публики вскорѣ похищена была смертью“,

Пуская Дмитревской вздыханіе и стонъ,
Явилъ Петрополю красы котурна онъ.
Проснулся и пришелъ на Невскій брегъ Баронъ.
А ты съ пріятностью прелестныя Венеры,
Стараясь превзойти похвалъ народныхъ мѣры,
Достигни имени преславной Лекувреры [22]).

Кромѣ Троепольской одинъ только Дмитревскій удостоился получить отъ Сумарокова подобную же похвалу въ видѣ стихотворнаго посланія. Только таланты этихъ артистовъ слѣдовательно его особенно поразили, несмотря на всю строгость и придирчивость его критики. Это не лишено интереса. Значитъ, Троепольская и Дмитревскій своей игрой *вполнѣ* отвѣчали его эстетическому вкусу: будь иначе, онъ разразился бы на нихъ по обыкновенію самыми горячими нападками. Очевидно, они всѣ трое составляли изъ себя своего рода театральный тріумвиратъ, принадлежа къ одной сценической школѣ, неизмѣнно идя рука объ руку другъ съ другомъ въ своемъ служеніи искусству. По отношенію къ Троепольской эта тѣсная связь ея дѣятельности съ дѣятельностью Сумарокова какъ-то особенно рѣзко бросается въ глаза. Ея послѣднею ролью была роль Ольги въ послѣдней же трагедіи Сумарокова «Мстиславъ», и послѣ девятаго представленія этой трагедіи она скончалась еще молодой женщиной. Отходилъ въ вѣчность Сумароковскій періодъ Русскаго театра, и вмѣстѣ съ нимъ угасла и лучшая представительница этого періода, Троепольская.

Здоровье Татьяны Михайловны давно уже возбуждало серьезныя опасенія. Она страдала недугомъ, медленно, постепенно подтачивавшимъ ея силы—чахоткою. Къ началу семидесятыхъ годовъ болѣзнь явно стала принимать все большіе и большіе размѣры. Троепольская однако крѣпилась и все играла. 16-го Мая 1774 г. была поставлена на придворномъ театрѣ новая трагедія Сумарокова, «Мстиславъ». Какъ ни дурно себя чувствовала Татьяна Михайловна, она взялась за роль Ольги. Но силы ей окончательно измѣняли. «Бывшая при дворѣ актриса», читаемъ объ этомъ спектаклѣ въ «Драматическомъ Словарѣ», «г-жа Троепольская, представляя роль Ольги, плѣняя умы зрителей, въ послѣдній разъ оставляетъ сцену» [23]). На другой же день послѣ представленія она встала совершенно ослабленной и ясно увидѣла, что не можетъ долѣе играть. Тогда только рѣшилась она просить объ увольненіи отъ службы съ тѣмъ, чтобы поѣхать лѣчиться, какъ раз-

[22]) Соч. Сумарокова, т. IX, стр. 171. Стихи написаны на спектакль 16-го Ноября 1766 года.

[23]) Др. Сл. 1787 г., стр. 83.

сказываетъ Носовъ, «на Русскія минеральныя воды». Но было уже поздно. Императрица, конечно, уважила всеподданнѣйшую просьбу своей любимой артистки и даже повелѣла дать въ ея пользу представленіе, но представленію этому не суждено было состояться. Уже назначили піесу, трагедію В. И. Майкова «Фемистъ и Іеронима», еще въ 1773 г. представленную имъ на театръ и подаренную Троепольской; разучили роли, объявили бенефисъ на 23 Мая. Но передъ самымъ началомъ представленія, въ своей уборной, Троепольская нежданно скончалась [24]). Публика, наполнившая театръ, не увидѣла уже своей любимицы, и самой трагедіи Майкова со смертію Троепольской не суждено было узрѣть сценическихъ подмостокъ. Сумароковъ въ особомъ посланіи къ Дмитревскому оплакалъ смерть той, которая такъ хорошо воплощала въ себѣ созданные имъ образы. Посланіе это одно изъ слабыхъ стихотвореній «Русскаго Расина», но оно не лишено чувства:

Въ сей день скончалася, и нѣтъ ея теперь,
Прекрасна женщина и Мельпомены дщерь,
И охладѣли ужъ ея младые члены,
И Троепольской нѣтъ, сей новыя Ильмены.
Елиза да живетъ на свѣтѣ больше лѣтъ;
Она осталася, но Троепольской нѣтъ.
Живущія игрой къ увеселенью свѣта:
Ей память вѣчная, Елизѣ многи лѣта!
Да веселитъ она игрою нашъ народъ,
И чтобы міръ изрекъ: Елизѣ сотый годъ.
А ты, мой вѣрный другъ, игравши намъ Мстислава,
Кѣмъ днесь моя умножилась въ Россіи слава,
Старайся, чтобы нашъ театръ не палъ на вѣкъ;
А такъ какъ жалостный и добрый человѣкъ,
Восплачь, восплачь со мной о той и воспечались,
Которой роли всѣ на свѣтѣ окончались [25])

Мѣсто Троепольской по сценѣ заступила Елисавета Ѳедоровна Иванова. (Вѣроятно, ее разумѣлъ Сумароковъ подъ именемъ «Елизы».) Но ей не удалось замѣнить свою предшественницу, по крайней мѣрѣ въ глазахъ знатоковъ. Они ставили ее ниже Троепольской, и посреди похвалъ расточаемыхъ новой актрисѣ, съ сожалѣніемъ вспоминалось имя старой любимицы публики [26]). Иванова во всѣхъ отноше-

---

[24]) Др. Сл. 1787 г., стр. 151 и Театр. и Муз. Вѣст. 1857 г. № 12. П. Сумароковъ и за нимъ Гречъ совершенно невѣрно обозначаютъ годомъ кончины Троепольской 1767 г.

[25]) Соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 91.

[25]) От. Зап. 1822 г., № 32, стр. 388 и «Русская Талія» Булгарина.

ніяхъ, кажется, представляла собой типъ *новой актрисы*. Авторамъ теперь уже нечего было бояться, что ихъ піесы не пойдутъ изъ-за того, что исполнительницы женскихъ ролей стыдятся одѣться въ мужское платье. Пора дѣтскаго возраста для театра проходила. Нарождались новыя эстетическія понятія, нарождались и новые театральные нравы...

Мужъ Троепольской, А. Н. оставилъ сцену, повидимому, еще ранѣе Татьяны Михайловны. Умеръ-ли онъ или только отказался отъ актерства, но уже въ штатѣ 1767 г. его имя не встрѣчается. Насколько можно судить, Троепольскій ничѣмъ не выдѣлялся изъ числа посредственныхъ актеровъ, но тѣмъ не менѣе ему доставались важныя роли. Онъ игралъ Пирра, Магомета, Гусмана въ «Альзирѣ», дона-Родриго въ «Цидѣ», Хорева, Аскольда. Какими однако выходили эти лица въ его исполненіи, объ этомъ нѣтъ извѣстій.

Намъ остается прибавить, что преданія о сценической славѣ Троепольской пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ ея смерти внушили знаменитому Русскому водевилисту, Н. И. Хмѣльницкому одинъ изъ лучшихъ и граціознѣйшихъ его водевилей «Актеры между собой», гдѣ Троепольская выведена въ сообществѣ съ товарищами ея мужа по сценѣ, Поповымъ и Шумскимъ. Приглашенные на имянины его жены, только что пріѣхавшей въ Петербургъ, они думаютъ встрѣтить въ ней смѣшную провиціалку и вдоволь надъ ней посмѣяться. Между тѣмъ Троепольская, узнавъ объ этомъ, сама дурачитъ ихъ самымъ безпощаднымъ образомъ, явившись каждому по одиночкѣ: Попову въ видѣ княгини, Шумскому въ видѣ служанки и заставивъ ихъ обоихъ влюбиться въ себя по уши. Троепольскій выведенъ въ видѣ бездарнаго и неуклюжаго супруга талантливой и граціозной женщины. Роль же самой Троепольской, вслѣдствіе ея превращеній то въ княгиню, то въ служанку, представляетъ хорошей актрисѣ превосходный случай высказать во всемъ блескѣ свой талантъ и веселость. Водевиль Хмѣльницкаго очень долго держался на сценѣ, представляя собой какъ бы отголосокъ былой славы Троепольской. Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ его давали на Московскомъ театрѣ. Теперь онъ уже окончательно забытъ и сданъ въ театральный архивъ.

А. Н. Сиротининъ.

ЕЩЕ О ЛЕРМОНТОВѢ.

Положительно могу сказать, что все написанное г-жею Гоммеръ-де-Гелль [1]) по поводу дѣвицы Р. есть чистая выдумка. Я современница Нины Александровны и была съ ней знакома въ продолженіи многихъ лѣтъ; она всегда слыла за самую благоразумную, весьма скромную и солидную особу, а въ 1840 году была уже мать семейства. Здравствуетъ еще и теперь.

Точно также не помню я, чтобы существовалъ Французскій пансіонъ, гдѣ бы воспитывалась красавица Черкешенка, хотя и живу я здѣсь давненько. Вѣроятно г-жа де-Гелль слыхала разсказы о плѣнныхъ дѣтяхъ горцевъ. Этихъ дѣтей нѣкоторые оставляли въ своихъ семьяхъ [2]), другіе отправляли ихъ на воспитаніе въ Петербургъ, а большую часть обмѣнивали на нашихъ плѣнныхъ. Г-жа де-Гелль, когда писала свои письма такъ откровенно, конечно не предполагала, что они попадутъ въ печать, а потому и дала полную свободу своей фантазіи.

Вспомнила я и балъ въ Кисловодскѣ. Въ то время, въ торжественные дни, всѣ военные должны были быть въ мундирахъ; а такъ какъ молодежь, отпускаемая изъ экспедиціи на самое короткое время отдохнуть на воды, мундировъ не имѣла, то и участвовать на парадномъ балу не могла, что̀ и случилось именно 22 Августа (день коронаціи) 1840 года. Молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и Лермонтовъ, стояли на балконѣ у окна, стараясь установить свои головы такъ, чтобы вышла пирамида; а какъ Лермонтовъ по росту былъ ниже всей компаніи, то голова его пришлась въ первомъ ряду, совсѣмъ на подоконникѣ, и его большіе выразительные глаза выглядывали такъ насмѣшливо. Это всѣхъ очень забавляло, а знакомые подходили съ нимъ разговаривать. Въ концѣ же вечера, во время мазурки, одинъ изъ неимѣвшихъ права входа на балъ, именно князь Тр. [3]), храбро вошелъ и, торжественно пройдя всю залу, пригласилъ дѣвицу *** сдѣлать съ нимъ одинъ туръ мазурки, на что̀ она охотно согласилась; затѣмъ, доведя ее до мѣста, онъ также промаршировалъ обратно и былъ встрѣченъ аплодисментомъ товарищей за свой геройскій подвигъ, и дверь снова затворилась. Много смѣялись этой смѣлой выходкѣ, и только; а князь Т. могъ бы поплатиться и гауптвахтой.

Эмилія Шанъ-Гирей.

22 Августа 1887 года, г. Пятигорскъ.

---

[1]) Въ Русскомъ Архивѣ 1887 г., тетрадь 9-я.

[2]) У насъ въ домѣ была Черкешенка, далеко не красивая; она была взята въ плѣнъ 8 лѣтъ; ее окрестили и въ послѣдствіи выдали замужъ. Это было въ 30-хъ годахъ.

[3]) Тотъ самый, который былъ и въ 1841 году во время дуэли Лермонтова.

ПИСЬМО КЪ В. А. КОКОРЕВУ ПО ПОВОДУ «ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ПРОВАЛОВЪ».

По возвращеніи моемъ изъ-за границы я, конечно, прочиталъ ваши статьи „Экономическіе Провалы“. Воздавая должную дань вашему сочиненію, я нашелъ къ заключеніи его, такъ сказать, вызовъ на обсужденіе постановленныхъ вами вопросовъ.

Какъ авторъ „Энциклопедіи питанія“ и какъ слѣдящій за всѣмъ, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ по вопросамъ питанія, я вполнѣ знаю новѣйшую стадію вопроса объ алкоголѣ и о тѣсно съ нимъ связанномъ винокуреніи въ различныхъ странахъ. Сообщаю вамъ кратко то, что́ должно бы, кажется мнѣ, измѣнить вашъ взглядъ на мелкое винокуреніе на Сѣверѣ Россіи.

Въ послѣднее время стало аксіомою, что вредно не столько потребленіе алкоголя, сколько введеніе въ организмъ тѣхъ *ядовъ*, которые находятся въ смѣси съ алкоголемъ и которые выдѣлить изъ алкоголя не такъ-то легко. Самый безвредный изъ смѣси алкоголей (каковую мы называемъ кратко алкоголемъ) это Aethyl-алкоголь; менѣе вредны *легкіе* алкоголи: Aldehyde, Paraldehyde, Metaldehyde и пр. Самые вредные, *тяжелые* алкоголи: Propyl, Butyl, Amyl и пр. Когда обыкновенно продаваемую намъ смѣсь алкоголей мы раздѣлимъ на разные алкоголи, то увидимъ, что таковые кипятъ начиная съ 22° Ц. до 132° Ц. Отъ введенія менѣе полузолотника Amyl-алкоголя на килограммъ вѣса животнаго, оно околѣваетъ. Человѣкъ средній вѣситъ 65 килогр., и менѣе $^1/_2$ стакана (110 граммовъ) Amyl'я для него будутъ смертельны. Разбавленный Amyl дѣйствуетъ чутьли не сильнѣе еще, тогда какъ разбавленный Aethyl переносится много разъ болѣе безъ отравленія. Этого мало: тяжелые алкоголи и въ малыхъ пріемахъ одуряютъ, разстроиваютъ нервы и здоровье, и новѣйшая статистика доказала, что увеличеніе преступленій, сумасшествій, идіотизмъ, вырожденіе населенія, нищенство—все это является результатомъ потребленія вредныхъ алкоголей. Опыты указали, что Amyl-алкоголь въ 30 разъ вреднѣе Aethyl'я.

Всѣ эти наблюденія привели къ тому заключенію, что въ алкоголѣ, который пьютъ, не должно быть терпимо примѣсей другихъ алкоголей болѣе $^3/_{10}\%$, а остальное должно состоять изъ чистаго Aethyl'я; тогда какъ находящіеся теперь въ продажѣ алкоголи имѣютъ даже и болѣе $6^0/_0$ постороннихъ алкоголей, хотя бы эти алкоголи подвергались очисткѣ фильтрованіемъ сквозь уголь. Даже десятерная фильтрація чрезъ уголь не освобождаетъ еще Aethyl'я отъ примѣсей.

Данныя эти привели къ тому, что такъ какъ надлежащая очистка сложна и дорога, то навряд-ли частные заводы въ состояніи ее производить такъ, чтобы возможно было ихъ освободить отъ контроля правительства, и наиболѣе передовыя націи рѣшили (напримѣръ, всеобщею подачею голосовъ въ Швеціи), что въ продажу не долженъ допускаться иной алкоголь, какъ очищенный правительствомъ страны. Чрезъ эту мѣру надѣется страна избавиться отъ болѣзни нашего вѣка, называемой „алкоголизмъ".

Вы можете мнѣ возразить, что очистка спирта одно, а мелкое винокуреніе другое, что вы согласны на то, чтобы всѣ продукты мелкихъ винокурень поступали въ вѣдѣніе казны, которая можетъ ихъ очищать и пускать въ продажу. Тоже говорили и въ Швейцаріи; но правительство, опасаясь огромнаго числа мелкихъ винокурень, опасаясь громаднаго штата служащихъ, которые должны надзирать за массою винокурень, опасаясь корчемства, за которымъ хитро услѣдить, постановило закрыть всѣ винокурни, производящія спирта менѣе 3000 ведеръ, а равно выкуривающія болѣе 4000 ведеръ въ годъ (либо 1 гектометръ въ день minimum, либо 500 гектометровъ въ годъ maximum).

Вамъ уже ясна причина minimum'а; основаніе же maximum'а таково: покровительствовать винокуренію слѣдуетъ либо ради возможности превращать дешевые продукты земли, не выносящіе перевозки, въ продукты болѣе цѣнные, которые можно вывозить въ отдаленныя мѣстности; либо ради полученія барды, которая при недостаткѣ кормовъ даетъ возможность содержать добавочный скотъ.

Дешевыхъ продуктовъ земли въ Швейцаріи не находится, за исключеніемъ картофеля, да и то въ особенно-урожайные годы. Въ сѣверной Россіи тоже нѣтъ дешевыхъ продуктовъ, потому что Сѣверъ питается хлѣбомъ средней и южной Россіи и, если зерно выдерживаетъ перевозку его на Сѣверъ, то, конечно, не изъ этого относительно-дорогаго зерна выгодно будетъ тамъ производить винокуреніе.

Какъ кормъ скота, барда занимаетъ далеко неважное мѣсто, а это на основаніи изысканій послѣдняго времени; потому что барда годна для корма скота только въ теченіи однихъ первыхъ сутокъ по ея выходѣ, при чемъ она должна быть получена изъ совершенно-здороваго продукта и помощью апаратовъ, которые не допускали бы въ ней даже и *слѣдовъ* вредныхъ алкоголей, чего крайне трудно достигнуть при настоящемъ устройствѣ винокурень. Да еще и такая *усовершенствованная* барда должна быть даваема въ кормъ, какъ подспорье, въ количествѣ не свыше 3—4 ведеръ въ сутки

и съ условіемъ, чтобы ея температура была не свыше 37° Ц. При несоблюденіи этихъ условій, да и вообще при кормленіи скота бардою, получаемое отъ скота молоко считается негоднымъ для пищи людей, и продажа такого молока на рынкахъ строго воспрещается полиціею, такъ какъ было много случаевъ отравленія этимъ молокомъ и даже смерти цѣлыхъ семействъ. Лица, фабрикующія сыры и масло, тоже контрактами обязываютъ своихъ поставщиковъ не ставить имъ молока отъ скота, кормленнаго бардою, такъ какъ барда въ концѣ-концовъ можетъ только служить для корма скота, идущаго на убой, да и то и между этимъ скотомъ при кормленіи бардою бываетъ отравленіе скота и падежъ его; а какъ большія винокурни станутъ поневолѣ навязывать всюду барду, производя ея болѣе чѣмъ можетъ быть скормлено въ ихъ окрестностяхъ, даже и въ густо-населенной Швейцаріи: то большіе заводы тамъ и не допущены.

Откармливать скотъ дорогою бардою на Сѣверѣ навряд-ли будетъ въ Россіи разсчетливо; да и не намъ щеголять дешевизною скота и не на Сѣверѣ конечно, потому что въ Австраліи, Буэносъ-Айресѣ, въ Ла-Платѣ, въ Аргентинской республикѣ и пр. не всегда можно продать баранью тушу за 1 рубль; но оттуда мясо идетъ въ Англію, потому что его *умѣютъ морозить*, хранятъ на льду въ амбарахъ и на кораблѣ, въ пути, и въ мѣстахъ продажи, и сдаютъ покупателю такимъ, какимъ оно было заморожено не медля по убоѣ животнаго, т.-е. слишкомъ свѣжимъ; а у насъ изъ мѣстъ, гдѣ дешево мясо, если везутъ его сюда мороженнымъ, то оно въ мѣстахъ отправки замораживается когда черезъ сутки, когда черезъ двое и дорóгою успѣетъ не разъ оттаять и начать разлагаться. Вотъ почему мы брезгаемъ мороженнымъ мясомъ, и на лучшее его замораживаніе слѣдовало бы у насъ обратить вниманіе.

Все, чтó выше сказано, не допускаетъ меня стать за проповѣдуемое вами мелкое винокуреніе и особенно на Сѣверѣ Россіи; но за то я стою вмѣстѣ со многими учеными послѣдняго времени за монополію продажи водокъ или алкоголя, не иначе какъ очищенныхъ правительствомъ и съ гарантіею въ устраненіи ядовитыхъ алкоголей.

Вы поднимаете еще вопросъ о дешевой *соли* для корма скота. И по этому вопросу я долженъ вамъ сообщить опыты знаменитаго Boussingault, который наблюдалъ и взвѣшивалъ въ теченіи 44 дней два стада скота, имѣвшихъ при началѣ наблюденій одинаковые возрастъ и вѣсъ, но одному стаду давали соль, а другому нѣтъ. Вѣсъ всѣхъ животныхъ увеличился совершенно одинаково, такъ что сдѣланъ выводъ, что соль не имѣетъ ровно никакого пищеваго значенія и хотя стадо съ солью пило воды по 41 литру на голову въ сутки, а стадо безъ соли по 32 литра; но какъ вѣсъ оказался одинаковый, то и воду считаютъ не имѣющею вліянія на откармливаніе. Другой опытъ Boussingault продолжался 117 дней, при чемъ скоту

давали пищи или корму вдоволь. Стадо съ солью выпивало по 54 литра въ сутки на голову, а стадо безъ соли по 31 литру воды; но и этотъ излишекъ соли и 23-хъ литровъ (почти двухъ ведеръ) воды не оказалъ никакого вліянія на вѣсъ. Каждая скотина изъ стада съ солью вѣсила 480 кило при началѣ опыта и 618 кило при окончаніи; прибавка 138 кило. Стадо безъ соли вѣсило въ среднемъ 452 кило при началѣ и 590 кило при концѣ опытовъ; прибавка *тѣже* 138 кило на голову. Разница вся оказалась въ томъ, что съ солью средняя скотина съѣдала по 17,4 кило корма въ сутки, а безъ соли по 16,3 кило; но результатъ вышелъ, какъ выше выведено, тотъ же самый.

Въ виду этихъ результатовъ пробовали, силосируя кормъ (silossage— родъ приготовленія корма во рвахъ, подобный нашему квашенію капусты подъ прессомъ), прибавлять къ нему соль, разсчитывая на лучшее чрезъ то сохраненіе корма; но и тутъ соль оказалась излишнею, такъ что въ концѣ-концовъ является вопросъ: не есть-ли еще дача соли скоту одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ, которые исчезаютъ передъ свѣтомъ науки?

Безполезность соли для скота основывается на томъ, что мудрая природа уже помѣстила соли въ натуральныхъ кормахъ и, давая ихъ въ натуральномъ видѣ, нѣтъ надобности въ добавкѣ къ нимъ соли. Другое дѣло человѣкъ, который извращаетъ натуру ради моды въ его вкусѣ. Мы, напримѣръ, гоняемся за *бѣлизною* хлѣба, и ради этого въ помолъ идетъ не все зерно, а только центральная его часть, самая бѣлая. Мука получается бѣлая, но лишенная всѣхъ солей, находящихся въ наружныхъ частяхъ зерна, какъ разъ подъ тою оболочкою, которая идетъ въ отруби. Вотъ почему человѣку нужна соль; а станутъ дѣлать муку изъ цѣльнаго зерна, немудрено, что и человѣкъ станетъ потреблять соли много менѣе теперешняго.

Сообщивъ вамъ все то, до чего ученые дошли въ послѣдніе годы по затронутымъ мною двумъ вопросамъ, я надѣюсь нѣсколько поколебать ваши заключенія по вопросамъ о винокуреніи и о соли.

Д. Каншинъ.

С.-Петербургъ, 19 Сентября 1887 года.

ОТВѢТЪ В. А. КОКОРЕВА Д. В. КАНШИНУ.

Цѣль вашего письма ко мнѣ, многоуважаемый Дмитрій Васильевичъ, какъ равно и цѣль изданія мною «Экономическихъ Проваловъ» заключается въ стремленіи къ общей пользѣ и въ желаніи, чтобы наша жизнь не проходила безслѣдно, а сообщила бы въ назиданіе нашимъ замѣстителямъ на пути жизненнаго труда все то, что̀ мы уразумѣли изъ нашихъ опытовъ и наблюденій. При всей общности означенной задачи мы идемъ къ ней разными путями: вы берете сѣмена изъ воззрѣній, добытыхъ Европейскими учеными, а я беру ихъ изъ познанія нуждъ и потребностей Русскаго народа, указуемыхъ его смысломъ и бѣдствіями, которыя онъ переживаетъ. Не думайте, что я отвергаю пользу науки. Въ области астрономіи, математики, химіи и физики наука для всѣхъ странъ свѣта имѣетъ общіе законы; но напримѣръ въ медицинѣ она требуетъ уже примѣненія къ климатическимъ условіямъ, а въ сельскомъ хозяйствѣ это примѣненіе раздробляется на множество различныхъ видовъ, зависящихъ отъ климата и почвы и нерѣдко отъ общаго склада народной жизни.

Письмо ваше вы закончили тѣмъ, что, сообщивъ мнѣ все то, до чего ученые дошли въ послѣдніе годы по вопросамъ о винокуреніи и о соли, вы надѣетесь нѣсколько поколебать мои заключенія по этимъ двумъ вопросамъ.

Нѣтъ, уважаемый Дмитрій Васильевичъ: едва ли я что либо могу уступить изъ моихъ заключеній, высказанныхъ мною въ «Экономическихъ Провалахъ», и эта уступка даже не представится нужною; потому что, разобравшись въ нашихъ недоумѣніяхъ, мы придемъ къ заключенію, что никакой разницы въ нашихъ взглядахъ не существуетъ. За тѣмъ, въ тоже время, относясь съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ трудамъ Швейцарскихъ ученыхъ, перехожу къ доказательствамъ полной неприложимости этихъ ученій въ Россіи.

Вся наша великая бѣда состоитъ въ томъ, что мы засоряемъ ниву общенароднаго дѣланія пересадкою чужихъ корней. Швейцарія выработала себѣ такую породу скота, которая по своей величинѣ, мясистости и молочности составляетъ красоту скотоводства и пріобрѣтается, какъ рѣдкость, въ наилучшія фермы. Швейцарія въ смыслѣ скотоводства и сельскаго хозяйства составляетъ сыроваренную фабрику всей Европы и сама уже ввела въ свое ежедневное употребленіе сыры, какъ основную пищу; слѣдовательно Швейцарскимъ ученымъ явилась необходимая потребность доискиваться лучшаго качества сыровъ посредствомъ согласованія скотокормленія съ производствомъ

молока лучшихъ качествъ. Вы направляете Русскую сельскую жизнь къ подчиненію взглядамъ Швейцарскихъ ученыхъ; вы подносите нашей бѣдной, захудалой жизни, такъ сказать, десертное блюдо, тогда какъ отощалая жизнь хочетъ прежде всего чернаго хлѣба и мясной похлебки; начинать же съ десерта противно вкусу и самой потребности здороваго питанія. Къ чему намъ разсуждать о той системѣ выкормки скота, которая нужна для сыроваренія, тогда какъ у насъ во всей Россіи нѣтъ не только ни одной деревни, употребляющей сыры, но даже и ни одного крестьянскаго дома, въ которомъ бы находили вкусъ въ употребленіи сыровъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ я вовсе не отвергаю необходимости и пользы внимать заключенію Швейцарскихъ ученыхъ въ тѣхъ хозяйствахъ Россіи, которыя основаны исключительно для сыроваренія; но эти хозяйства вовсе не касаются общенароднаго быта.

Такимъ образомъ, мы должны сосредоточить свою заботливость пока еще не на системѣ наилучшаго питанія, а просто на заботѣ о безбѣдномъ питаніи, дабы въ крестьянской семьѣ, особливо въ 15-ти сѣверныхъ губерніяхъ, было достаточно молока и хлѣба. Но чтобы имѣть молоко, надо завести въ каждой семьѣ хотя пару коровъ, нѣсколько овецъ и хотя одну лошадь, и тогда отъ этихъ животныхъ можетъ быть удобрено полдесятины земли, которая дастъ ежегодно зерна на 50 пуд. ржаной муки. При такомъ, конечно, скудномъ положеніи не будетъ однакожъ надобности ходить по міру. Мы знаемъ изъ подворныхъ описей, что въ лучшихъ уѣздахъ Рязанской губерніи у $^1/_6$ части населеній нѣтъ ни скота, ни хлѣба, ни молока для дѣтей. Если въ Рязанской губерніи $^1/_6$ часть находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, то можно себѣ представить, во сколько разъ эта часть болѣе въ губерніяхъ Витебской, Новгородской, Псковской и т. п. холодно-почвенныхъ мѣстностяхъ. Но рядомъ съ бѣдствующими губерніями находится Эстляндія, гдѣ при существованіи 150 винокурень по всѣмъ селеніямъ распространена барда, доставляющая возможность имѣть скотъ, получать отъ него удобреніе и черезъ унавоживаніе имъ полей выращивать нужное количество хлѣба для безбѣднаго питанія цѣлый годъ.

Если мы хотимъ проявить изъ себя заботниковъ о благѣ бѣдствующей части крестьянъ, то, упростивъ наши взгляды, должны искать указаній къ выходу изъ обѣдненія не въ Швейцаріи и не въ протоколахъ Европейскихъ ученыхъ, а въ изученіи бѣдности Новгородской губерніи и т. д. и причинъ сытости въ Эстляндской.

Вы, высказывая ваши опасенія, что проповѣдуемая мною польза отъ мелкихъ винокурень породитъ массу дурно-очищеннаго вина, ставите въ примѣръ, что Швейцарское правительство опредѣлило закрыть всѣ винокурни, производящія спирта менѣе 3000 ведеръ. По

моему мнѣнію, такая измельченность винокуреннаго производства была бы для Россіи очень невыгодна, потому что жалованье винокуру и прочіе расходы при винокуреніи трехъ тысячъ ведеръ ложились бы на цѣну вина очень крупною цифрою. У насъ было бы достаточно ограничить размѣръ винокурень 20-ю тыс. ведеръ въ годъ, и тогда бы каждая винокурня могла довольствовать окружающія ее деревни свѣжею бардою въ первые сутки по ея выходѣ согласно сдѣланному вами замѣчанію. Изъ этого очевидно, что той измельченности винокурень, которой вы боитесь, вовсе бы не было. Далѣе вы пишите, что большія винокурни поневолѣ навязываютъ всюду барду, производя ее болѣе чѣмъ можетъ быть скормлено въ ихъ окрестностяхъ и что поэтому въ густо-населенной Швейцаріи большіе винокуренные заводы не допущены. Здѣсь Швейцарское воззрѣніе или иначе говоря ваши и мои взгляды опять вполнѣ сходятся: мы одинаково враги большихъ винокурень, величина которыхъ въ Россіи доведена до поразительныхъ размѣровъ. При множествѣ винокурень въ болѣе 100 тыс. ведеръ въ годъ есть немало и такихъ, которыя выкуриваютъ около полмилліона ведеръ, спуская излишество барды въ овраги, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ на стоверстныхъ разстояніяхъ не имѣется ни одного завода.

Вы сказали, что не можете стать за проповѣдуемое мною мелкое винокуреніе особенно на Сѣверѣ Россіи; но изъ всего вышесказаннаго вы усмотрите, что предполагаемая мною измельченность гораздо крупнѣе Швейцарской. За тѣмъ вы стоите вмѣстѣ со многими учеными послѣдняго времени за монополію продажи водокъ или алкоголя, не иначе какъ очищенныхъ правительствомъ съ гарантіею за устраненіе ядовитыхъ алкоголей.

Мнѣ нѣтъ надобности соединяться съ вами въ мысли объ учрежденіи правительственной монополіи по продажѣ водки и алкоголя, потому что мое сочувствіе къ казенной монополіи три года тому назадъ неоднократно заявлялось мною въ статьяхъ моихъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; но чтобы алкоголь былъ очищенъ правительствомъ съ гарантіею его въ устраненіи ядовитыхъ примѣсей, то это обстоятельство составляетъ для меня новое прибавленіе къ казенной монополіи и, я относясь къ нему съ чувствомъ глубокой къ вамъ благодарности, совершенно присоединяюсь по этому нововведенію къ вашему мнѣнію. Не понимаю, почему вы находите развитіе винокуренія на Сѣверѣ Россіи ненужнымъ. Развѣ вы не признаете въ винокуреніи необходимаго фактора для успѣха сельскаго хозяйства? Развѣ васъ не трогаетъ, какъ автора «Энциклопедіи Питанія», недостатокъ сытости въ Новгородской и другихъ губерніяхъ, и не возбуждается чувства

досады при видѣ вполнѣ удовлетвореннаго питанія въ Эстляндіи, достигаемаго избыткомъ винокурень?

Вы говорите въ вашемъ письмѣ о мороженомъ мясѣ, какъ о явленіи весьма неудобномъ, присоединяя къ тому возраженіе, что мы брезгаемъ мороженымъ мясомъ. Невольно рождается вопросъ: кто эти мы? Возмемъ Петербургъ и Москву. Изъ милліоннаго населенія каждой столицы не наберется и ста тысячъ человѣкъ покупающихъ парное мясо, а всѣ остальные въ зимнее время довольствуются мороженымъ мясомъ, какъ наиболѣе дешевымъ. Въ губернскихъ городахъ спросъ на парное мясо еще слабѣе, а въ уѣздахъ онъ почти не существуетъ; въ деревняхъ же и селахъ большинство жителей питается мясомъ только въ дни розговѣній и то какимъ мясомъ! Отъ такой коровы, которая не достигаетъ 4-хъ пудоваго вѣса, тогда какъ въ Швейцаріи самый умѣренный вѣсъ коровы составляетъ вѣроятно 20 пудовъ.

Мы незамѣтно подошли къ вопросу, отчего наши коровы такъ измельчали? Оттого, что быки ходятъ въ одномъ стадѣ съ коровами, и молодыя телки отеливаются ранѣе двухлѣтняго срока. Не будь этого, порода скота годъ отъ года дѣлалась бы крупнѣе. Нуженъ высочайшій указъ о воспрещеніи соединять быковъ въ одномъ стадѣ съ коровами и телками, подобно тому какъ былъ когда-то благотворный указъ, воспрещающій стрѣлять дичь до 15-го Іюля.

Теперь поговоримъ о употребленіи соли въ пищу для скота. Вы отвергаете пользу соляныхъ кормовъ на основаніи опытовъ знаменитыхъ ученыхъ; но къ счастію ни слова не говорите о томъ, чтобы ученые усматривали въ этомъ вредъ. Я разумѣется не могу представить вамъ ученаго отпора, но скажу нѣчто очень сильное, прося васъ приложить къ моимъ словамъ ваше глубокое вниманіе.

Молодость мою (съ 14 до 24 лѣтъ) я провелъ въ Солигаличѣ на солеваренномъ заводѣ, гдѣ между прочимъ занимался буровеніемъ артезіанскаго колодца для полученія разсола. Наконецъ, разсолъ потекъ изъ колодца ручьемъ, и къ этому ручью сначала стали приходить и пить изъ него городскія коровы и овцы, а потомъ уже къ нимъ присоединились и прочія коровы изъ окрестныхъ селеній. Конечно до сихъ поръ остается непонятнымъ, на какомъ языкѣ коровы передавали одна другой о появленіи соленаго ручья. Это недоумѣніе придется разрѣшить тому ученому, который изъ звуковъ коровьяго мычанья сочинитъ ветеринарную азбуку; мнѣ же въ настоящее время представляется съ одной стороны тотъ ученый, на котораго вы ссылаетесь и который отвергаетъ пользу соли для скота, а съ другой стороны Солигаличскія коровы, задравшія хвостъ къ верху и стреми-

тельно бѣгущія изъ деревень къ соленому ручью. Года черезъ два послѣ открытія означеннаго ручья Солигалическая баранина получила отличный вкусъ и перестала пахнуть прѣлымъ и кислымъ. Всѣмъ извѣстно, что баранина на Кавказѣ и въ Крыму несравненно лучше вкусомъ Малороссійской и прочихъ губерній, потому что на Крымскихъ и Кавказскихъ пажитяхъ имѣются солончаки. Послѣ этихъ данныхъ я остаюсь при томъ мнѣніи, что природа для того и надѣлила насъ огромными запасами соли въ видѣ озеръ и горъ, чтобы не только человѣкъ, но и животныя ею пользовались.

Закончу разсужденіемъ о силосованіи корма. Вы пишите, что приготовленіе этого корма дѣлается во рвахъ. Нѣтъ, это непригодно. Надобно солить въ чанахъ, на половину вкопанныхъ въ землю, а иначе весь кормъ, такъ сказать, оземленится отъ стѣнокъ рвовъ, хотя бы даже онѣ были огорожены досками. Введеніе силоса въ общее употребленіе представляетъ несомнѣнную пользу: во 1-хъ трава косится въ концѣ Сентября, когда ее высушить уже нельзя по недостатку солнца и изобилію тумановъ. 2-е, покосы эти, будучи производимы послѣ уборки полей, стоятъ одну 5-ю часть сравнительно съ цѣнностію уборки сѣна, и 3-е, гдѣ много накашивается сѣна, тамъ силосъ, замѣняя сѣно, даетъ возможность его продать; а гдѣ мало сѣна, тамъ силосъ составляетъ полезный кормъ, который рогатый скотъ выѣдаетъ въ ясляхъ безъ остатка. При моемъ небольшомъ хозяйствѣ силосованной травы приготовляется ежегодно до трехъ тысячъ пудовъ, которая охотно разбирается крестьянами съ платою по пяти коп. за пудъ. Наконецъ, скажемъ то, что всѣ эти подспорья получаются изъ такой травы, которая безъ силоса должна бы была пропасть безслѣдно и сгнить подъ снѣгомъ.

Вы оканчиваете тѣмъ, что мы гоняемся за бѣлизною хлѣба и въ помолъ идетъ не все зерно, а только центральная его часть, самая бѣлая, лишенная всѣхъ солей находящихся въ наружныхъ частяхъ зерна. Опять возникаетъ вопросъ: кто эти мы? Нашъ фундаментъ, наше основаніе составляетъ народная масса, которая вовсе не употребляетъ обдирной муки, взятой изъ центральной части зерна; но развѣ можно хлѣбъ испеченный изъ размолотаго цѣльнаго зерна употреблять въ пищу безъ соли, замѣняя соль не ощущеніемъ ея на языкѣ, а убѣжденіемъ въ достовѣрности протоколовъ Европейскихъ ученыхъ?

Заключаю тѣмъ, что мнѣ не хочется въ читателяхъ настоящаго моего отвѣтнаго къ вамъ письма оставить убѣжденіе въ томъ, что я не признаю полезнаго значенія въ выводахъ добытыхъ Европейскими учеными, и потому скажу, что всѣ таковые выводы не только должны

быть внимательно уразумѣваемы, но даже и вводимы въ жизнь, но на столько, на сколько они согласуются съ потребностями Русской жизни. Въ силу этого основнаго соображенія слѣдуетъ уважительно отнестись ко всѣмъ вашимъ замѣчаніямъ относительно питанія скота для сыроваренаго производства, не распространяя однакожъ этихъ замѣчаній на всю вообще Русскую сельскую жизнь. Затѣмъ надобно безусловно признать пользу и необходимость тщательной очистки всѣхъ хлѣбныхъ спиртовъ посредствомъ распоряженія правительства. Что же касается до употребленія соли въ пищу скота, то въ этомъ вопросѣ будетъ гораздо практичнѣе подчиниться не теоретическимъ взглядамъ ученыхъ людей, а инстинкту коровъ и овецъ, стремящихся пить изъ соляныхъ источниковъ; слѣдовательно надобно настойчиво развивать введеніе силоса. Силосъ, обезпечивая кормъ для скота во время зимы, даетъ возможность накопить удобреніе; а удобреніе даетъ другую еще болѣе важную возможность унавозить полосу земли; земля же, заплативъ за трудъ ея воздѣлыванія урожаемъ зерновыхъ хлѣбовъ, выражаетъ свое благодѣтельное вліяніе появленіемъ въ крестьянской избѣ хлѣбнаго каравая съ постояннымъ довольствомъ молока для дѣтей и съ возможностію, хотя изрѣдка, употребленія въ пищу мясныхъ продуктовъ. А все это вмѣстѣ взятое будетъ давать крѣпость мускуламъ и румянецъ щекамъ, вмѣсто нынѣшняго засохшаго зеленаго вида, какой представляютъ дѣти бѣдныхъ семействъ, доведенныхъ до ужаснаго разстройства отъ пропойства ихъ отцовъ по случаю безграничнаго размноженія мѣстъ продажи хлѣбныхъ спиртовыхъ питей.

Въ концѣ концовъ представляю вамъ еще новое доказательство моего вѣрованія въ дѣйствительно-полезныя и примѣнимыя къ Россіи Европейскія открытія по части сельскаго хозяйства. Я хочу сказать два слова о кустовомъ кормовомъ растеніи называемомъ *живокостъ*. Въ моемъ имѣніи на $^1/_8$ части десятины разведено это растеніе, и эта восьмушка десятины даетъ слишкомъ тысячу пудовъ корму собираемаго съ трехъ сѣнокосовъ въ теченіи лѣта. Подробное описаніе разведенія живокости и самые ея корни пріобрѣтены мною въ Обществѣ «Работникъ», имѣющемъ свои склады въ Москвѣ и Петербургѣ.

В. Кокоревъ.

14-го Октября 1887 года.
Ушаки.

КАКЪ ПОНЯЛИ ВЪ БАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ УКАЗЪ ОБЪ ОТМѢНѢ ПЫТОКЪ.

Въ Ноябрѣ 1801 года всѣ губернаторы, губернскія правленія и судебныя присутствія въ Россіи получили указъ Правительствующаго Сената объ уничтоженіи пытокъ. Вотъ этотъ указъ:

„По именному Его Императорскаго Величества высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату минувшаго Сентября въ 27-й день за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія моего, что по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не сознался, но пытками и мученіями исторгнуто у него признаніе, и онъ преданъ суду. Въ теченіе суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу—осудили на казнь. Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призвалъ всенародно Бога въ свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенномъ и важномъ, заставили меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго, и на сей конецъ отправилъ я въ Казань флигель-адъютанта моего подполковника Альбедиля, чтобъ съ извѣстнымъ мнѣ его безпристрастіемъ обнаружилъ онъ всѣ дѣла сего обстоятельства. Донесеніе его, на очевидныхъ обстоятельствахъ основанное, къ истинному сожалѣнію моему не только утвердило свѣдѣнія до меня дошедшія, но и удостовѣрило, что не въ первый разъ допущены тамошнимъ правительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры. Препровождая при семъ въ оригиналѣ донесеніе сіе и всѣ доказательства, на коихъ оно основано, повелѣваю Правительствующему Сенату, немедленно войдя въ разсмотрѣніе его, всѣхъ, кои окажутся виновными въ семъ дѣлѣ по злоупотребленію власти, какъ въ главномъ управленіи, такъ и въ исполненіи онаго, по отступленію отъ порядка въ производствѣ и ревизіи слѣдствія и суда и по неуваженію его гласности

и явныхъ слѣдовъ пристрастія, судить по всей строгости и нелицепріятности закона, и въ отрѣшеніи подсудимыхъ отъ должностей поступя по точной силѣ онаго, на мѣста, зависящія отъ утвержденія моего, представить кандидатовъ, прочія же наполнить достойными чиновниками по установленному порядку. Правительствующій Сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно во всей Имперіи наистрожайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ нижнихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; *чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ предъ судомъ сознаніе, что въ теченіи слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ*, и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной". Правительствующій Сенатъ по учиненіи надлежащаго распоряженія приказали: Съ прописаніемъ изображенной въ упомянутомъ высочайшемъ указѣ высокомонаршей Его Императорскаго Величества воли и ко всѣмъ вѣрноподданнымъ оказаннаго милосердія..... всѣмъ господамъ управляющимъ губерніями, губернаторамъ гражданскимъ, губернскимъ правленіямъ, палатамъ уголовнаго суда и всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ наистрожайше предписать, чтобъ, не ослабляя силы закона, во всякомъ случаѣ основывали они производства дѣлъ на точномъ изысканіи истины, не лишая невинность всѣхъ удобовозможныхъ къ оправданію ея способовъ, и тѣмъ достигали той человѣколюбивой цѣли, каковая въ высочайшемъ указѣ объ изглаженіи изъ народной памяти пытокъ предначертана. Ноября 18 дня 1801 г. Подлинный подписали: оберъ-секретарь Иванъ Петровъ, секретарь Илья Ѳедоровъ, регистраторъ Петръ Кудлай".

По полученіи этого указа, губернскія правленія, Лифляндское, Эстляндское и Курляндское, прежде всего распорядились перевести оный на Нѣмецкій языкъ чрезъ своихъ переводчиковъ. Когда переводы были сдѣланы, ихъ разослали для свѣдѣнія и руководства во всѣ присутственныя мѣста и суда, городскіе и земскіе, дѣлопроизводство которыхъ въ тѣ времена, какъ и нынѣ, происходило на Нѣмецкомъ языкѣ. Переводы были сдѣланы вообще недурно, за исключеніемъ подчеркнутыхъ выше мѣстъ, переданныхъ не совсѣмъ вѣрно. Такъ переводчикъ Курляндскаго губернскаго правленія Карзунцовъ подчеркнутое мѣсто въ текстѣ высочайшаго повелѣнія передалъ такъ: dass die Gerichts-Behörden, denen durch die Gesetze die Revision der Criminalsachen vorbehalten ist, das persönliche Bekentniss der Angeklagten vor dem Gerichte zur Grundlage ihres Urtheils und ihrer Sentenz nehmen sollen, damit sie, im Lauf eines Criminal-Processes, nicht zu irgend einigen partheilichen Verhören hingerissen worden möchten. Слово

partheilich дѣйствительно значитъ пристрастный въ смыслѣ лицепріятный; но переводчикъ, очевидно, не понялъ, что пристрастный допросъ значитъ допросъ, сопровождаемый пыткою. Текстъ же сенатскаго „приказали", въ коемъ буквально повторены слова высочайшаго повелѣнія, онъ передалъ такъ: dass die Gerichtsbehörden, denen nach den Gesetzen die Revision der Criminalsachen obliegt, zur Grundlage ihrer Urtheile und Sentenzen das persönliche Bekentniss der Angeklagten vor dem Gerichte, dass sie während der Untersuchung keinen inquisitorischen Verhören unterworfen gewesen, nehmen. Тутъ ужъ и слова, и обороты другіе, и вмѣсто partheilich употреблено inquisitorischen Verhören, что́ также невѣрно, ибо слово инквизиторскій совсѣмъ не соотвѣтствуетъ слову пристрастный.

Губернскія правленія, впрочемъ, скоро замѣтили неисправность первоначальныхъ переводовъ и въ 1803 г. замѣнили ихъ другими болѣе вѣрными, въ которыхъ слова „пристрастнымъ допросамъ" были переданы словами: „mit körperlicher Pein verbundenem Verhör". Тѣмъ не менѣе подчеркнутыя слова въ текстахъ высочайшаго повелѣнія и сенатскаго „приказали" подали поводъ присутственнымъ мѣстамъ въ Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ утверждать, что преступникъ безъ собственнаго сознанія не можетъ быть осужденъ. Подобныя толкованія начинали было уже примѣняться къ дѣламъ, вслѣдствіе чего главноуправляющій гражданскою частію въ трехъ губерніяхъ, графъ Буксгевденъ, счелъ необходимымъ обратиться къ тогдашнему министру юстиціи, князю Лопухину 12 Ноября 1804 г. за № 2916 съ отзывомъ, въ которомъ писалъ:

„Сей высочайшій указъ въ губерніяхъ начальству моему ввѣренныхъ принятъ присутственными мѣстами въ такой силѣ, что яко бы уже подсудимый безъ собственнаго признанія не долженъ быть осужденъ за преступленіе, въ которомъ виновенъ, колико бы, исключая признанія, не былъ доказанъ свидѣтелями и иными крѣпкими, сомнѣнію не подлежащими доводами. Я не могу и не долженъ съ симъ согласиться. Я понимаю и весьма то ясно, что по силѣ упомянутаго высочайшаго указа не надлежитъ исторгать признанія истязаніемъ, и чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное предъ судомъ сознаніе, что въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ (я разумѣю: спрашивали бы о семъ подсудимыхъ), но что „гдѣ есть (указъ 1775 г. Апрѣля 28-го дня) къ доказательству подсудимаго довольныя причины изъявляющія его преступленія, то нѣтъ тутъ нималой нужды употреблять истязаніе и домогаться отъ подсудимаго того, въ чемъ по дѣлу настоящія причины открыли вину его". Указъ сей въ докладѣ Пр. Сената, въ 6-й день Сентября сего года высочайше конфирмованномъ, принятъ основаніемъ въ осужденіи бывшаго барона Унгернъ-Штернберга *)

*) Эстляндскій помѣщикъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, былъ преданъ суду въ 1802 г. по обвиненію въ убійствѣ вольнаго шкипера Мальма, въ провозѣ контрабанды, въ захватѣ вещей съ кораблей, подвергавшихся крушеніямъ у острова Даго. Онъ отрицалъ свою виновность; но улики преступленій были столь очевидны, что Сенатъ въ

и потому покорнѣйше васъ, м. г. мой, прошу исходатайствовать высочайшее Его Императорскаго Величества подтвержденіе или предложить Пр. Сенату о подтвержденіи, чтобъ присутственныя губерній мнѣ ввѣренныхъ мѣста рѣшали осужденіе виновныхъ не по одному только признанію ихъ, но и по доказательствамъ ясно открывшимъ вину подсудимыхъ. Вмѣстѣ съ симъ долгомъ моимъ почитаю изъясниться здѣсь съ вашею свѣтлостію, что въ губерніяхъ сихъ засѣдающіе въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ почти не знаютъ Россійскаго языка и при состояніи высочайшаго новаго узаконенія должны оное понимать въ переводѣ, учиненномъ обыкновенно такими переводчиками, которые знаютъ только буквальныя обоихъ языковъ наименованія, но въ смыслѣ часто уклоняются отъ надлежащей силы состоявшагося узаконенія. Ибо безъ сомнѣнія то, что переводчикъ изданія относящагося до правъ тогда можетъ быть вѣрнымъ въ переводѣ, когда свѣдомы права ему, и однакожъ безъ переводовъ совсѣмъ обойтись не можно. А потому для вѣрности оныхъ и единообразія не согласитесь ли, милостивый государь мой, употребить ваше вліяніе, дабы когда какое издано будетъ высочайшее новое узаконеніе или отъ Правительствующаго Сената подтвержденіе, слѣдующія къ свѣдѣнію и исполненію и въ сихъ Остзейскихъ губерніяхъ, переводимы бы оныя были при Правительствующемъ Сенатѣ испытанными въ способности къ тому переводчиками и при разсылкѣ печатныхъ на Россійскомъ языкѣ экземпляровъ доставляемо было бы въ каждое изъ здѣшнихъ губернское правленіе по одному хотя письменному экземпляру на Нѣмецкій языкъ переводовъ, а при сихъ бы уже губернскихъ правленіяхъ печатаемо было достаточное для разсылки въ присутственныя мѣста число Нѣмецкихъ экземпляровъ?“

На этотъ отзывъ князь Лопухинъ отвѣчалъ 12-го Января 1805 г. за № 158: „Объ исполненіи сего предписаній дать не могу, вопервыхъ потому, что это навлекло бы затрудненіе канцеляріи Пр. Сената; а вовторыхъ, что по принятому коммиссіею составленія законовъ мнѣнію, конечно, будетъ предположено, дабы и въ присоединенныхъ провинціяхъ, на особыхъ правахъ состоящихъ, дѣла производились на Россійскомъ отечественномъ языкѣ: слѣдственно сколько можно болѣе должно теперь стараться вводить тамъ въ употребленіе сей языкъ. Впрочемъ думаю, что при судебныхъ мѣстахъ ввѣренныхъ вамъ губерній конечно есть переводчики, достаточно знающіе Россійскій языкъ“.

Сенатъ не замедлилъ дать разъясненія, сообразно мнѣнію графа Буксгевдена. Что же касается до стараній вводить въ употребленіе Русскій языкъ, то таковыя старанія начались лишь съ 1820 года, когда учебное дѣло, установившееся въ этихъ губерніяхъ по уставу 1804 года, было преобразовано. Стараній съ 1820 года было немало, но они, какъ извѣстно, оставались и остаются даже по настоящее время совершенно безплодными.

Е. Чешихинъ.

Сентябрѣ 1804 г. приговорилъ Унгернъ-Штренберга къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на работы. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Октябрѣ 1804 г.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

VOLTERIANA.

Въ книгѣ, изданной въ 1885 году въ Парижѣ: «La vie intime de Voltaire aux Délices et à Ferney 1754 — 1778» помѣщенъ отзывъ Вольтера о написанной имъ по заказу И. И. Шувалова Исторіи Петра Великаго. Вольтеръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не сознавать недостатковъ своего сочиненія. Однажды нѣкто Констанъ попросилъ у него прочитать эту книгу. «Съ ума вы сошли!» сказалъ ему на это Вольтеръ: «если хотите узнать что нибудь, возьмите Лакомба, который не получалъ ни золотыхъ медалей, ни мѣховъ» *).

*

Въ 1765 году пріѣзжаетъ къ Вольтеру молодой графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, съ супругою своею графинею Екатериной Петровной, оба влюбленные во все заграничное. Для нихъ начались представленія на домашнемъ театрѣ Фернейскаго замка. Играли «Меропу» съ такимъ успѣхомъ, какого не удавалось и въ Парижѣ. Племянница Вольтера, извѣстная мадамъ Денисъ, щеголяла въ Шуваловскихъ бриліантахъ на двѣсти тысячъ экю. Столько же было на мадамъ де-Флоріанъ, когда она играла «Нинину». Изъ Турина, отъ 16-го Октября 1765 году, графъ Шуваловъ благодарилъ Вольтера письмомъ съ такими изъявленіями: «Я не осмѣлился бы писать вамъ, не получивъ на то вашего особаго позволенія. Я робокъ отъ природы, но еще болѣе робѣю при мысли, что нахожусь въ сношеніи съ величайшимъ человѣкомъ, когда либо существовавшимъ».

*

Извѣстное Пушкинское четверостишіе княгинѣ Радзивилъ (урожд. княжнѣ Урусовой): «Не вѣровалъ я» и пр. оказывается подражаніемъ Вольтеру. Въ 1759 году посѣтилъ Вольтера пасторъ Вернъ (Vernes) съ женою, для которой Вольтеръ сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Oui, j'en conviens, chez moi la Trinité
Jusqu'a présent n'avait par fait fortune;
Mais j'aperçois les trois Grâces en une!
Vous confondez mon incrédulité.

---

*) Lacombe, Abrégé chronologique de l'histoire du Nord. Amsterdam, 1763.

Читатель согласится, что у Пушкина шутка эта гораздо лучше выражена, чѣмъ у Вольтера.

*

Пушкинъ говорилъ М. А. Максимовичу, что князю Юсупову хотѣлось отъ него стиховъ, и за тѣмъ только онъ угощалъ его въ своемъ Архангельскомъ.—«Но вѣдь вы его изобразили пустымъ человѣкомъ».—«Ничего, не догадается!»

Пушкинъ смѣялся надъ Полевымъ, который въ извѣстномъ посланіи «Къ Вельможѣ» видѣлъ низкопоклонство.

ПОПРАВКИ.

«Р. Архивъ» 1887, тетрадь 8-я, стр. 496, строка 9-я снизу. *Братъ графини А. О. Бутурлиной, графъ Понятовскій.* Адъютантъ в. к. Михаила Павловича, Августъ Осиповичъ Понятовскій, владѣтель мѣстечка Таганчи, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, и сестра его принадлежали къ семейству дворянъ Понятовскихъ и графскаго титула не имѣли.

Тетрадь 10-я, стр. 197, строка 4-я про Захаржевскаго: *человѣкъ страшной толщины (впослѣдствіи былъ комендантомъ въ Царскомъ Селѣ).* Этотъ Захаржевскій былъ впослѣдствіи комендантомъ въ С.-Петербургѣ, а Царскосельскимъ не былъ. У его кресла въ Петербургскихъ театрахъ отпилены были ручки (братъ его былъ женатъ на графинѣ Е. А. Самойловой). Управляющій Царскосельскими дворцами и городомъ Царскимъ Селомъ былъ другой Захаржевскій (кажется генералъ отъ артиллеріи), худощавый и безногій, но живой и расторопный. Ему обязано Царское Село образцовымъ содержаніемъ дорогъ и садовъ.

*

Приложенный къ этой книжкѣ портретъ преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго, есть геліогравюра, снятая съ портрета работы художника Дмитріева. Этотъ портретъ находится въ Черниговѣ и принадлежитъ Александру Ивановичу Ханенкѣ, которому обязаны мы дозволеніемъ украсить снимкомъ съ него наше изданіе. П. Б.

II. ПУБЛИЦИСТИКА.

I. **Новая общественная организація и старый казенный строй.** *1873* и *1874* гг. *Московскія Вѣдомости.* Письма къ публикѣ I—XVII.—*Русь 1880—1885* г. Скрытыя причины явнаго зла.—Нѣчто о XVIII вѣкѣ.—Темныя пятна.—Мнимое земство.—Страшенъ сонъ, милостивъ Богъ.—Объ нашемъ statu quo.

II. **Полемика газеты „День“ съ газетою Вѣсть и Московскими Вѣдомостями.**—Современныя темы (о сельской общинѣ).—Передовая статья Московскихъ Вѣдомостей.—Замѣтка для Московскихъ Вѣдомостей.—Исключительно для г-на Наличнаго.—Еще для г-на Наличнаго.—„О настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства. Paris, rue de Lille. 1861 г.“, брошюра графа В. П. О. Д. — Наши близорукіе публицисты.—Юмористъ газеты Вѣсть.—Газетѣ Вѣсть. (*1865* и *1867* гг.)

III. **По поводу разныхъ политическихъ событій, некрологи, замѣтки и мелочи.**—Намеки тонкіе.—Польскій катихизисъ.—Изъ Каширскихъ писемъ.—Царевичъ въ Ниццѣ.—4-е Апрѣля.—Самооборона.—Храмъ на крови.—Подобно бюлетенямъ.—Памятникъ Щурупова.—Отъ чего пала Римская Имперія?—Средство догнать Европу.—Князь Черкаскій.—Ѳ. В. Чижовъ.—Ю. Ѳ. Самаринъ.—Т. Н. Грановскій.

IV. **Статьи разнаго содержанія.**—О парламентаризмѣ.—Замѣтка для дипломатовъ „Новаго Времени“ (при предостереженіи, данномъ газетѣ *Русь*). — По поводу овацій г-ну Тургеневу. — Изъ письма къ М. Н. Каткову.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й) поступили въ продажу:

Стихотворенія **Н. М. Языкова.** Цѣна 40 коп. За пересылку 5 коп.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (двѣ книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 р. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина, Вольфа и др. Она одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей». См. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1876 г., кн. 10-я, стр. 103-я (таковаго одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ). Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.), Ѳ. Журова.

Цѣна 25 коп.

Адресующіеся за которою либо книгою прямо къ автору: въ городъ Шую, Ѳедору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1888 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**